

Адель Лозовская

ВЕДЬМИНА ЧАША

ПРОЛОГ

Для нее все было кончено, и она это знала. Огненные кольца неумолимо сжимались вокруг, легкие горели от едкого дыма, а глаза слезились от голодного пламени.

Спасительная лазейка едва виднелась сквозь плотные потоки агрессивной стихии, но воспользоваться ею девушка не могла.

Там ждал он.

Тот, кто ее предал. Тот, кто разрушил ее дом. Тот, кто разбил ей сердце.

Он внимательно наблюдал за ее мучениями. И ожидал, когда же она переступит через свою гордость и подойдет к нему, позабыв о том, что он сделал.

Шаг, еще шаг и еще один... Она с трудом переставляла ноги, ее шатало и качало в разные стороны, словно она попала в руки опытного кукловода. Только с одной лишь разницей: кукловод не прятался в тени, а молча взирал на происходящее, стоя напротив нее, лицом к лицу.

Она остановилась. Дальше ей путь был заказан. Выпрямилась спину и одарила его улыбкой. Снисходительной. Обыденной. Так она ему не улыбалась никогда до этого момента.

Теперь он увидел ее и такой.

Непокоренной.

Несломленной.

Сильной.

Идущей на смерть.

Огонь сомкнулся, и девушки не стало. Под треск падающих деревьев, под хаотичное метание птиц, под плач и крики ее разоренного народа.

Он смотрел и не мог пошевелиться. Не отводил взгляда. Чувствовал, как сердце его лихорадочно бьется и рвется наружу, к ней, а внутри что-то сжимается и намертво скручивается узлом.

Он хотел закричать, но голос его не слушался. Вместо этого он жестом отдал остальным приказ уходить прочь. Он еще не ведал о том, что не в силах будет позабыть эту роковую ночь, печальные глаза любимой и выжженное пепелище как напоминание обо всем.

Он не знал, что случившееся станет являться к нему всякий раз, когда он закроет глаза, и не отпускать до самого рассвета. День за днем. Год за годом.

ГЛАВА 1

Сорок лет спустя

— Стой, недомерок! Куда прешь?! — Здоровенный орк преградил мне дорогу, выставив вперед налитое пивом пузо. Глазки маленькие, лоб массивный, а нос ни дать ни взять настоящая брюква. Интересно, страсть к уродцам у Марлоу семейная или он один такой на свете уродился?

— Туда. — Я указала пальцем на неприметную дверь за спиной верзилы. — У меня там встреча.

— Ага, как же, — зло ощерился недружелюбный здоровяк, схватив меня за шкуру. — Велено никого не пускать, мелюзга. Что ты здесь вынюхиваешь, а?!

И начал меня трясти так, словно я все секреты ношу за пазухой, ей-богу! Почему вчерашний ужин не выбрался наружу, непонятно. Как и то, с каких это пор Марлоу набирает в охранники конченных дебилов и недоумков. Я даже кольцо показала фамильное, с печаткой, наивная душа! Ничего не изменилось, ни-че-го! Все так же мои ботиночки не касались пола, а зеленая морда орка продолжала нагло улыбаться и скалиться.

И в какой-то момент мне надоело его столь бесцеремонное поведение. Не для того я жизнь прожила, чтобы она тут внезапно закончилась. Вон даже вместо окружающего мира у меня перед глазами черные пятна, большущие такие, как порции блюд для знати. Пора пресечь столь неподобающее обращение с юной и прекрасной дамой! Иначе когда явится Марлоу, ему придется прятать два тела: одно — мое, а второе — этого тупицы!

Последний не подозревал о надвигающейся на него опасности и решил обдать меня своим зловонным дыханием, мол, тогда я точно покаюсь во всех мелких делишках и прегрешениях. Ага, конечно, держи карман шире!

Притянув меня к той самой не понравившейся мне в самом начале знакомства «брюкве», орк явно не ожидал получить пальцами в оба своих свинячьих глаза.

Как он орал, как он орал! Я чуть не оглохла от рева, переходящего в слабое поскуливание и визжание.

Да, неприятно, да, ничего не видно, но ты же мужчина, терпи!

Мышкой прошмыгнув мимо пострадавшего стража, я не смогла удержаться от соблазна и от всей души наступила ему пяткой на пальцы.

У меня хорошие металлические набойки, которыми при желании не составит особого труда раскрошить камень посреди сельской дороги. Все зависит от цены и настроения.

Орку моя обувь тоже понравилась. Сразу забыл про глаза и схватился за пострадавшую ногу.

Отчаянно прыгая на одной здоровой конечности, он с новой силой оповестил собравшихся в таверне о проблемах незадачливого верзилы, которого природа явно обделила светлой головой, зато щедро наградила умением находить неприятности на ровном месте.

Посчитав себя полностью отомщенной, я коснулась металлической ручки, чувствуя, как охранные чары оплетают руку, словно маленькие змеи с ядовитыми зубами незадачливую жертву, сунувшуюся по глупости в логово ползучих гадов. Каждый раз подобная процедура меня изрядно нервировала, поскольку ощущения были, мягко говоря, далекими от удовольствия. Холодные склизкие нити, от действия которых ладони еще долго придется отогреть в теплой воде... Брр! Ненавижу Марлоу!

Замок с тихим щелчком открылся, и я оказалась внутри. Ну, здравствуй, родная комната! Жаль, что я бываю в ней так редко...

Марлоу явился спустя два часа после моего общения с его подчиненным. За это время я успела смыть с себя дорожную пыль, крупички недружелюбной магии и съесть приготовленный Снедькой ужин. Вот только ради ее стряпни и стоило приходить к этому старому заносчивому типу с повадками матерого тюремщика-садиста.

Внешне Марлоу напоминал хомька-переростка, чудом выбравшегося из лаборатории безумного чернокнижника и почему-то оставшегося в живых. Выпирающий живот (правда, чуть меньше, чем у того злобного орка!), наливные щечки-яблочки, куцая рыжеватая борода и темные, торчащие дыбом брови, которые явно намекали на его подопытное прошлое. А привычка жевать какую-нибудь гадость усиливала сходство с вышеупомянутым зверьком.

Окинув меня долгим тяжелым взглядом, словно пытаюсь прожечь во мне дыру, Марлоу неспешно взгромоздился на стул с высокими ножками и поставил на стол небольшой кувшинчик.

На самом дне стеклянной тары сидел уменьшенный Малик, страж закрытого от посторонних глаз этажа таверны. Он обхватил голову руками и раскачивался из стороны в сторону, будто пытался сбросить оковы свалившихся на него неприятностей. А заодно и колдовство не прощающего ошибок мага.

— Этот гаденыш оставил свой пост. — Голос у Марлоу разительно отличался от его внешности, мягкой и простоватой. Шипящий, пробирающий до костей, лишенный малейшего проявления тепла. Под стать тем мерзким охранным чарам. — Попросил знакомого тролля приглядеть за этажом, а сам помчался к жене, мол, рождает она. Он послушался моего приказа и теперь должен понести заслуженное наказание. Он твой.

Взяв в руки тюрьму Малика, я задумалась над тем, как лучше поступить в сложившейся ситуации.

Для гоблина нет ничего дороже семьи. А не явиться на такое событие, как появление долгожданных детей, считается допустимым, только лишь если идет война или будущий отец семейства ушел в мир мертвых. Я плохо знаю традиции степного народа, но точно помню, что когда малыш появляется на свет, то его первым должен взять на руки именно отец, тем самым укрепляя связь между ним, ребенком и родом.

Так что мотивы Малика мне были весьма понятны. И на его месте я поступила бы точно так же. Его затея могла бы сработать, выбери он кого-нибудь другого в сообщники. Ведь недаром у ростовщиков есть поговорка: хочешь испортить дело — возьми в долю тролля!

— Расколдуйте его. — Я вернула кувшин на место, не сводя глаз с мага. Когда ты не смотришь на собеседника, ты его либо боишься, либо не уважаешь. Этот первый урок от Марлоу я не забуду никогда. — Отдайте ему половину моей доли и пообещайте не преследовать. Пусть возвращается к семье.

Марлоу засопел. Он не привык к тому, чтобы ему ставили условия. Ожидал, что начну измываться над Маликом? Не дождется!

— Наградить того, кто сделал тебе больно, глупо, Кайла. Не этому я тебя учил.

— Больно? — не смогла удержаться я и громко расхохоталась. Думаю, не выстави Марлоу полог тишины, трапезничающий внизу народ меня бы непременно услышал. — Благодаря Малику я впервые увидела тролля, теперь буду знать, чем они от орков отличаются. И не растерялась, смогла за себя постоять. Следуя вашей логике, он достоин награды, а никак не наказания. Ведь я получила бесценный опыт, который мне точно пригодится, будьте уверены!

Теперь задумался Марлоу, запустив не знавшие тяжелого труда руки в признак мужественности на лице — в бороду. Всякий раз, когда маг так делал, он будто отгораживался от всего мира и уходил туда, где мог осмыслить услышанное. И всякий раз я ловила себя на мысли, что одна попытка может увенчаться успехом. И всякий раз гнала ее прочь. Мне теперь есть что терять!

— Хорошо, будь по-твоему. — Марлоу перестал терзать скудную бороду и щелкнул пальцами.

С легким хлопком передо мной возник свиток. Ох уж эти излюбленные театральные приемы мага... Я едва заметно поморщилась, одним рывком убрала перевязывающую пергамент нитку и развернула его. Так вот ты какое, новое задание!

— Его зовут Киммер, он единственный отпрыск Трогда Свирепого, короля Элирии. Два дня назад он прибыл в столицу Сари и для заключения династического брака с принцессой. Пробудет он там примерно дней десять, но времени у нас с тобой мало. А вернее, его фактически нет. Завтра вечером принц должен быть в логове.

Я с плохо скрываемым скепсисом уставилась на Марлоу:

— Это самоубийство. Идти на дело без осмотра территории, без проработанного плана и путей к отступлению! Да проще прыгнуть с обрыва в бурлящую реку, надеясь на благополучный исход, и то шансов будет больше!

— Кайла, Кайла, Кайла... — Маг зацокал языком, как прежде в детстве, когда отчитывал меня за какие-то незначительные шалости. Если бы я серьезно в чем-то провинилась, тон был бы другой. И наказание — тоже. — Мы не первый год с тобой работаем, так почему же ты так уверена в том, что у меня нет плана?..

Сон не шел. Видимо, сегодня я в немилости.

Понимаю, что нужно набраться сил перед похищением, а уснуть не могу.

Сделала себе теплое гнездышко из одеялка, подушку положила поудобней, даже ворон принялась считать — ничего не помогало. Подозреваю, что не суждено мне пребывать до утра в том сладком спокойствии, что непременно прервется лишь криком петуха.

Возможно, причина крылась в плане Марлоу. Мне он не нравился. Категорически. Слишком гладко все выходило. Прокрасться в сад, разобраться с охраной и забрать принца. Магов бояться не стоит, среди них есть тот, кто заинтересован в благополучном исходе дела. Да еще и пузырьки мне дали с зельем особым. Как объяснил Марлоу — чтобы не потерять Киммера, даже если он надумает укрыться во дворце, за крепкими стенами, среди потайных ходов и запутанных казематов. На самый крайний случай, если что-то пойдет не так...

Вскоре мне надоело лежать и размышлять в полной темноте. Зажгла свечу и развернула пергамент с портретом принца Киммера, впиваясь взглядом в начертанные неведомым художником линии. Хорош он, наследник престола Элирии, хорош!

Если бы мне сказали, что Киммер — принц, никогда бы не поверила. Уж слишком мужественное у него лицо, конечно же с явным отпечатком принадлежности к знати, но нет той жеманности и смазливости, что присуща венценосным особам королевского рода.

А таких экземпляров я по долгу «службы» повидала немало.

Четверых, если мне память не изменяет.

Впечатление они оставили крайне неприятное. Подумаешь, похитили их, в темницу посадили, кормят не разносолами всякими, но добротню ведь и сытно, как в духовных семинариях, разве это повод впасть в истерику и выть сутки напролет?! Да, не перина пуховая, зато мягкий льняной матрас, набитый полезными сушеными травами, что весьма укрепляет здоровье и улучшает настроение. Я сама на таком сплю, между прочим, и не жалуюсь.

А сколько трудов стоило собрать эти самые травки по горам, по лесам да по берегам озер, высушить бережно и сложить в правильных пропорциях, дабы не потерять полезного свойства каждой, благородные отпрыски знают? Сомневаюсь! Иначе бы не рвали приготовленные специально для них спальные принадлежности с таким остервенением.

И хмят, главное, хмят! Будто я виновата в том, что они за решеткой сидят, павлины недобитые. Крылья вытянули, хвост распушили и ходят из угла в угол. Туда-сюда, туда-сюда. И словечки свои гнусные твердят, от которых мерзко так становится да на душе обидно за честь девичью, оклеветанную. Не давала я им повода обвинять меня в том, что я и близко не делала. А они все говорят и говорят, придумывая новые подробности того, чего не было...

Через день, правда, одумываются, прощение просят, ластанутся и светятся фальшивыми улыбками. Только я им не верю. Разговоры не поддерживаю и свожу общение к минимуму. Жду, когда деньги будут заплачены, и возвращаю любимых деток к заботливым мамам и папам.

С принцессами, кстати, проще, потому как обычно надеются они на рыцарей своих, что на белом коне прискачут да спасут, вот и не шумят особо, не скандалят, сидят себе на матрасе, гадая, каким же он будет, тот нежный красавчик, закованный в броню с ног до головы. С ними и поговорить можно, про искусство там, тувельки разные, платьица всякие, иногда про страны заморские, в которых они побывали в качестве потенциальных невест.

Финал всегда закономерен: Марлоу получает щедрый выкуп в размере стоимости небольшой флотилии, и благородные детки дальше спят спокойно, видя розовые сны в таких же розовых кроватках. А позже все повторяется, только с другими принцессами и принцами. И конечно,

не обходится без меня, но сегодня я точно не сомкну усталых очей. Прогуляться, что ли?

Одевалась я быстро. Накинула плащ с капюшоном, что скрывал мое лицо от чужих глаз, нацепила кастет на левую руку и, естественно, не забыла про любимые ботиночки. У самого выхода закинула на плечо весьма увесистый мешок, оставленный Маликом в качестве признания моих заслуг по спасению его шкуры, и поспешила на свежий воздух.

Гоблин не поспешил. Тяжесть приятно давила на спину, а я осторожно скользила по узким улочкам города, стараясь не наступать на расплесканные по мостовой помои. Осторожно перемещаясь от дома к дому, я пыталась не звенеть набойками и прислушивалась к каждому шороху.

Изредка мне попадались слегка подвыпившие эльфы, чинно ведущие надменных жен домой, или поддатые гномы, орущие похабные песенки на всю округу под звон бутылок, но апогеем всего стали три пьяные в стельку ведьмы.

Одна из них уверенно декламировала стихи неизвестного мне поэта и топала в туманную даль, высоко задирая ноги, словно на параде. Вторая ведьма тащила на себе третью, точнее, тянула ту за ногу и что-то шипела первой в ответ. Чистящая спиной и затылком мостовую ведьма бурчала нечто невразумительное, скорее всего, страшные проклятия, поскольку деревья за ней покрывались желтизной, а с неба падали тушки ворон.

Озаренные лунным светом представительницы магического искусства степенно и чинно (насколько позволяла ситуация!) проследовали в самую гущу белой дымки, возникшей на их пути. Как только бурчание их перестало разноситься по улице, неплотные клубы тумана сначала сомкнулись за тремя ведьмами, словно кладбищенские ворота за похоронной процессией, а затем разошлись в стороны, падая нелепыми клочьями вниз и оседая на укрытой камнем земле.

Вырвавшееся из объятий туч ночное светило снова решило попасть в их сладкий плен, погрузив каменные постройки во мрак и тишину. Я плотнее закуталась в плащ, надеясь, что он поможет избавиться от пробравшего тело холода. Только что передо мной прошла «бунтующая троица», чье появление неизменно приносило тяжелые испытания всякому, кто их увидел. Призрачное шествие, длящееся не один век и успевшее стать городской легендой, неожиданно возникающее и бесследно исчезающее. Даже немного лестно, что я стала свидетелем такого представления!

С недобрыми мыслями я добралась до старой полуразрушенной арки, спрятанной от перекрестка двух дорог силой многолетних дубов и ясеней, встала лицом к едва виднеющемуся потрепанному указателю и закрыла глаза.

Стоящая под сенью деревьев девушка исчезла, будто ее тут и не было. Только оставшиеся на земле следы от обуви напоминали о том, что она здесь стояла.

ГЛАВА 2

Киммеру прогулка не нравилась. Как и сад. Как и лакей, умудрившийся его ранить. Как и принцесса, назойливо давящая на мозги своей придворной болтовней и правилами этикета.

И голос такой... противный, с визгливыми нотками, которые похожи на орудие пытки, могущее лишить спокойной жизни. Хотя нет! Спокойная жизнь и так осталась в прошлом, настали яркие и красочные будни супружеского союза, столь важного для Элирии и Сарии. Ради процветания родной страны придется надеть на себя этот хомут. И при этом еще улыбаться, шутить и смотреть на принцессу глазами полными неги и любви. Но, увы, последнее он дать никак не мог!

Нельзя сказать, что принцесса не была хороша собой. Киммер видел ее портрет (явно приукрашенный, но ведь так делают абсолютно все!), и ее внешность отторжения у него не вызвала. После официальной части преставления будущих супругов принц уточнил у Бирха, личного мага Трогда Свирепого, что там с лицом его суженой, и получил ответ, мол, разница между оригиналом и портретом не сильно-то и бросается в глаза. Любитесь и лобызайтесь, ваше будущее величество, на здоровье да с полной отдачей сему естественному процессу!

Сам остряк-самоучка на прогулку не пошел, сославшись на слабость желудка и невозможность отдалиться от отхожего места. Поэтому Киммера и принцессу сопровождал только сарийский маг, чьи рыбы глаза равнодушно скользили по ухоженным кустам сада да по фигуркам писающих мальчиков, выполненных в мраморе.

Этот колдун смахивал на трость, завернутую в почерневшую кожу, набалдашник которой был абсолютно гол, ни единой царапины или вмятины. Одетый в черный сюртук и наделенный желтоватыми зубами и длинными ногтями, маг в то же время напоминал разбуженного вурдалака, которого силком выдернули из уютного склепа ради знакомства с многочисленными родственниками. Для себя принц так и не смог решить, какой из двух вариантов сравнения ему больше нравится.

— О, милый Киммер. — Принцессе надоело говорить о статуях, лавочках и цветочках, и она решила сменить тему, дабы узнать жениха поближе. — Почему вы все время в перчатках? Разве вам не жарко? Или вы считаете, что к будущей супруге и прикоснуться нельзя? Это не более чем предрассудки, мой дорогой принц!

— Не все так просто, моя дорогая. — Принц обезоруживающе сверкнул зубами, продолжая чинно вести невесту под локоть. — По старой традиции моего народа за двенадцать дней до бракосочетания мужчина начинает ухаживать за своими руками, дабы избранница его смогла ощутить на брачном ложе ту спелую нежность, что переполняет его сердце...

— Ах, Киммер, как это романтично! — Принцесса остановилась, а вместе с ней и вся разномастная процессия. — Мне еще никто и никогда не говорил таких красивых слов!

Принц усомнился в искренности ее признания, справедливо считая, что в поклонниках у высокородной дамы числились люди (а может быть, и нелюди, история-то темная!), владеющие ораторским искусством намного лучше, чем он. Однако упрекать в чем-то девушку, ответившую любезностью на любезность, когда у самого рыльце в пушку, глупо, не правда ли?

Принцесса потупилась, прижав руки к своей полной груди, и недвусмысленно потянулась к Киммеру, легонько привстав на носочки.

Принц опешил.

Целоваться с принцессой он планировал не раньше, чем жрец, который будет проводить церемонию в Храме чувств, потребует полного соблюдения древнего ритуала, за которым принц, собственно, и прибыл в Сарию! Сейчас же Киммер не видел смысла обмениваться «флюидами любви» на публике, которая настолько жаждала зрелищ, что переключила внимание с безбидных обитателей сада на венценосных особ враждующих государств. Они хотели представления, и они его получили в полной мере!

Ища спасительный выход из сложившейся ситуации, Киммер недолго думая обнял льнущую к нему девушку и закружил в танце, напевая веселую песенку пастуха, у которого дождливый вечер стал удачным: к нему вернулась блудная овца, и оттого он счастлив!

Принц так увлекся, что не замечал ничего вокруг.

А посмотреть было на что!

Первым это увидел неприятный Киммеру лакей, нашедший в себе силы оторваться от сего непотребства. С раскрытым ртом он наблюдал за тем, как из темной части сада на свет появляется нечто рогатое и шипастое, отдаленно напоминающее дракона из детских сказок.

Оно в мгновение ока преодолело расстояние, отделяющее его от добычи, и без лишних сантиментов отбросило лапой одного стражника, сбilo хвостом второго и плюнуло огнем в сарийского мага, успевшего в последний момент прыгнуть в ближайший фонтан. Не сумевший спрятаться от пламени один из писающих мальчиков стойко принял удар на себя, став похожим на оплывшую восковую свечу.

С кошачьей грацией неведомый зверь приблизился к венценосной парочке, напрочь игнорируя стоящего с открытым ртом лакея. Тот не обиделся на подобное к своей персоне отношение, решив последовать бравому примеру стражников и мага, издающего неясные звуки на дне фонтана.

Лакей упал без чувств, выпущенная из объятий (или отпущенная на свободу?) принцесса рухнула рядом, а Киммер усталился в бесстыжие глаза дракона, с ходу поприветствовал нежданного гостя кулаком в нос.

Животное полученный удар оценило и обиделось.

Впрочем, ненадолго.

Щеки его расперло от дыма, коим оно щедро поделилось с зарвавшимся принцем.

Окутанный с ног до головы черным маревом Киммер почувствовал, что теряет сознание. Его ноги сами собой подкосились, он начал падать в неясную тьму и точно бы вскоре валялся рядом с принцессой и лакеем, если бы у дракона не было других планов на его счет.

Зверь заключил неспособного сопротивляться принца в капкан из лап, на ходу взлетая над садом.

Взмыв в бескрайнюю синь неба, дракон с удивлением ощутил, как что-то небольшое и холодное протаранило бок. Легкая боль и досада заполнили сознание дракона, сформировав в нем наиболее привлекательный образ мести. Тот, который будут помнить долго!

Маг тяжело дышал. Одежда прилипла к телу, с головы стекали капельки воды, а в кончиках пальцев приятно пульсировала слабость после сотворенного волшебства. Колдун с нескрываемым удовольствием вылез из недр временной тюрьмы, на ходу вспоминая заклятие сушки белья.

Когда же он обратил свои очи к небу, то с ужасом увидел, как фигура дракона становится все ближе и ближе...

Вот лечу я себе и не верю, что задуманное удалось. И прошло практически без сучка и задоринки, что вообще удивительно. Если бы не мерзкий и противный дворцовый маг, сумевший достать меня своим колдовством на излете, то точно бы и описалась от радости.

А так пришлось совершить нечто иное, задуманное в отместку за пульсирующую боль в боку. Надеюсь, сариец оценил мой жест, а вместе с ним и весь придворный люд.

Амбре моей победы не выветрить ни одним заклинанием, проверено экспериментальным путем! Сколько вещей выбросил Марлоу, даже страшно себе представить! А бесконечные попытки их спасти?! Как вспомню, так губы сами собой непроизвольно разъезжаются в ухмылке. Главное, не увлечься воспоминаниями и контроль над телом не потерять. Иначе плакали наши денежки, не так ли, Киммер?

Сам принц безмятежно спит в моих цепких лапах и наверняка не представляет, что его венценосная персона парит над кучерявыми облаками и сельскими домами. Я даже на него совсем не злюсь. Ну так, немного, самую капельку...

Удар по носу вышел у него знатным. Едва не разревелась в том саду, да слез впустую расходовать жалко. Гарконаш утверждает, что они целебные, обладают интересными свойствами и при должном умении можно даже зелья полезные наварить. Для себя там или просто на продажу. Попытка, конечно, не пытка, но я боюсь заниматься подобным, вдруг

спалю все на радость темным богам! Ведьмовского во мне нет, способностями к магии я не обладаю, но проявления ее чую, что выручало в жизни, само собой.

Если тоска или жалость к себе накатят так, что охота лезть на стенку, то я обычно беру пустой кувшин и заливаю его доверху. Нечего добру понапрасну пропадать. Драконьи слезы не портятся, Гарконаш полностью уверен в данном тезисе.

Хорошо, что регенерация у меня быстрая. Когда долетим до логова, то и следа от рукоприкладства принца не останется. Интересно, он в полную силу бил?

Должен был в полную. Такая страхолюдина пред ним предстала, как в обморок не бухнулся, не понимаю.

Размером я примерно с двух породистых лошадей, что в ширину, что в длину. Четыре лапы, рога на башке, хвост длиннющий, на конце его — жало, как копьё у воина. Острое и начищенное до блеска, и такое же небезопасное.

Когти как бритва и зубы в два ряда — все же не самые страшные части моего драконьего тела. Вот выступающие по всему хребту иглы-шпы выглядят куда ужаснее. А про свою красно-черную шкуру я вообще молчу. У меня даже зрачки звериные подобной расцветки. Глаза могут запросто в темноте светиться... Брр, зрелище не для слаонервных!

Природе не нужен был мирный житель или тихий разведчик на службе у короля. Ей понадобился бесстрашный убийца, чей вид будет внушать трепет, отчаяние и страх. И которому не составит особого труда воплотить в реальность всепоглощающий ужас в глазах жертв...

Я ненавижу Марлоу. Если бы могла, то давно бы от него сбежала, и ноги моей не было бы рядом с отпрысками венценосных особ. Но кое за что я ему благодарна. Мы не участвуем в разбоях, не проливаем невинную кровь ради золота и держимся в стороне от войн, битв и территориальных конфликтов.

Только похищения. Да и то лишь тех, кто точно не обеднеет. И развеет пеплом девичьи мечты о прекрасных принцах и принцессах.

Киммер пока не преуспел в столь неблагородном деле. Спит себе да в ус не дует, как весело мне было полчаса назад. Ах, какие кульбиты он вытворял — и даже не знает об этом, беденький!

На нас напали гарпии. Небольшая стайка из шести крикливых особей, нахальных по своей природе и одуревших от голода, рискнула урвать у меня Киммера. Их не смутил ни мой грозный вид, ни пара огненных залпов. Эту разношерстную кодлу априори смутить невозможно.

Подумаешь, дракон огрызается и рычит! Добыча-то у него какая, до-бы-ча! Сочная и вкусная, да еще и оглушенная, что добавляет ей ценности. Налететь всем скопом, быстренько забрать вкусненькое да поделить между собой не поровну. А дракон пусть радуется, что живым ушел да невредимым! Он большой, еду себе быстро найдет...

Пришлось уворачиваться от этих мелких воришек, а с моими габаритами сотворить подобное весьма проблематично. Уходила то вверх, то вниз, то кувырок пришлось делать. Огнем нещадно поливала, да вот попасть так и не могла — уж больно шустрая нечисть оказалась, аж в глазах рябило от нее. Как не потеряла Киммера в таком беспорядке, до сих пор не понимаю. А он все спит и спит, горе отцовское и радость Марлоу. Хорошую я травку этой осенью собрала, ядреную! Жаль, что дым мой уже ее не содержит, выветрилась вся. Иначе бы я быстро устроила здесь сонное царство.

Спас нас грифон.

В очередной раз я промахнулась, и огненный плевок улетел мимо злобных мелких паразитов, атакующих меня с разных сторон. Но зато попала akurat в зазевавшегося грифона, напрочь лишённого инстинкта самосохранения.

Запахло паленой шерстью. Гарпии меня откровенно достали, поэтому пламени я не жалела и била пусть не прицельно, но сильно.

Познакомившийся с моим огнем грифон камнем полетел вниз, увлекая за собой плотоядную мелкоту, которая здраво прикинула, что лучше прожаренное мясо сейчас, чем неясные перспективы потом. Радостно пискнув, гарпии помчались за новой добычей. А за ними

вдогонку полетела я.

Теперь преимущество было на моей стороне. Меня жег изнутри инстинкт охотника, но и скребущая сердце совесть. Грифон пострадал ни за что!

Разумеется, всю ответственность за случившееся я с себя не снимала, но мозги в орлиной голове должны быть?! Зачем лезть туда, где можно лишиться жизни? Или гарпиям решил помочь, киса недобитая? Ничего, позже это выясню, главное, в живых останься, грифончик!

Первым до пернатого спасителя добралась я, спасибо сильным крыльям и размеру. Успела схватить грифона задними лапами, развернуться и дохнуть огнем в обнаглевших тварей. Четырех спалила тут же, благо позиция вышла убойная: все гарпии рядом, крови жаждут, о большем-то и не думают.

Одну подранила, но не смертельно, так, зацепила слегка. Шестая боевая единица приставучей нежити сумела смыться от меня в целости и сохранности, напоследок обозвав плохими словами на своем диалекте.

Догонять их я не стала. Пусть доживают.

Ведь что такое гарпии по сути своей? Игрушки некромантов, в один миг ставшие ненужными своим хозяевам. Вечно злые и голодные, и, само собой, мертвые. Существуют недолго, пока скрепляющее заклятие держится. Как только магическая нить подпитки исчезает, связи между элементами конструкции рвутся и тело рассыпается на рваные куски. Довелось мне увидеть сей процесс в действии. Мерзкое зрелище, отбивающее всякое желание смотреть на подобное еще раз.

Грифон слегка пошевелился в моих лапах, слабым курлыканьем жалуюсь на потрепанную шкуру и судьбу. Живой, значит, тогда терпи. Недолго до логова осталось...

Сначала я осторожно положила подпаленную недоптицу-недольва на каменные плиты, затем проделала подобную операцию с Киммером, после чего без сил рухнула на пол. Какое блаженство!

Тяжело вот так неспешно приземляться после долгого и изнурительного полета. Приходится зависать на одном месте и неистово работать крыльями, дабы добиться нежной и плавной посадки. Не иди я на такие жертвы, мои вынужденные спутники на своей шкуре ощутили бы всю прелесть каменных полов логова Марлоу, доставшегося ему в наследство от покойных родителей.

И самое обидное, что они (спутники, не родители мага!) вряд ли узнают о моем подвиге. Киммер так и не удосужился проснуться, а состояние грифона не позволяло ему бодрствовать и радоваться вечеру.

Надвигающиеся сумерки заставили меня подняться с каменных плит и приступить к возвращению человеческого облика. Крайне неприятная процедура, которую придется провести бесшумно. Не хочу, чтобы обитатели логова прибежали меня встречать!

Голова взрывается болью, тело не отстает от нее ни на йоту, а я чувствую, как крылья втягиваются в лопатки под агонизирующие сотрясения хвоста. Крик застыл в горле, и я сильнее смыкаю остатки пасти, не давая реву вырваться наружу. Обычно перевоплощение длится не более минуты, обратный отсчет я уже начала.

Именно он не дает мне сойти с ума во время изменений моего тела.

В этот раз я вернулась быстро. В гулкой тишине прогремела цифра сорок шесть, и холод коснулся обнаженной спины, ставшей слишком чувствительной после перехода. Жалобно поскуливая, я тихонько лежала и ждала, когда зрение и слух вернутся и я смогу встать. Как только тьма перестала меня обнимать со всех сторон, я предприняла попытку оказаться на ногах. С третьего раза мне это удалось.

Нетвердой походкой я подошла к колодцу и под скрип работающего механизма отчаянно смотрела на свое нечеткое отражение в поднимающемся из глубины ведрке воды. В зеркале я с затаенной радостью увидела привычные черты, в моей внешности изменений не было. Все то же скуластое лицо, небольшой нос с горбинкой, маленькие ушки и черные глаза. Брови цвета смолы хвойных деревьев и такие же волосы, спадающие на лоб неровной челкой. Мое прежний вид... Как же я по нему скучала!

Схватив долгожданное ведро, я с жадностью припала к металлическому ободу и пила, пила ледяную воду так, будто от нее зависело мое существование в этом мире. Часть живительной влаги попала на лоб, текла по щекам и спускалась по груди на живот, а оттуда заструилась по ногам.

Для меня это было нечто вроде ритуала, свидетельствующего об окончании пребывания в шкуре дракона и появлении в логове Кайлы, которую здесь знали, любили и уважали.

Всякий раз, когда я возвращалась в замок с трофеем после грязных делишек Марлоу, то первым делом испивала чарующей силы подземного источника, знаменуя тем самым удачный исход замысла нашего преступного синдиката.

Иногда мне даже казалось, будто вместе с ледяной водой я выпиваю ту самую Кайлу, которую оставила в логове себя дожидаться. О подобных метаморфозах сознания никто не знал. Ни Марлоу, что закономерно, ни Гарконаш, что странно. С ним я делилась всем.

Тащить на себе Киммера я не собиралась в принципе. Это в драконьей ипостаси для меня он легкий как пушинка, а для человеческих плеч — весьма ощутимый груз. Для переправки бесчувственных тел принцев и принцесс в теплую и надежную темницу у меня припасена тачка. Заговоренная, крепко сбитаая трехколесная деревянная «каре́та», на которую я потратила уйму сил и времени, пока не нашла мастера, способного сотворить подобную вещь, и не уговорила Марлоу напитать ее необходимыми заклинаниями, дабы она не гнила и могла выдерживать большой груз.

Аргументом для мага послужили могучие тела принцев (да и принцессы порой попадались выдающихся форм!), на фоне которых мои размеры казались весьма скромными и миниатюрными. И пусть в жилах моих текла драконья кровь, надрываться просто так я не хотела. Погрузить в тачку — пожалуйста. А отдать душу в попытке донести дурно пахнущую духами и дорогим вином королевскую персону — нет уж, дудки!

Думаю, Киммер оценил мою предусмотрительность, лежа на дне тачки. Он свернулся калачиком и подложил под голову руку, вдыхая аромат свежеспиленной древесины. Умиротворенный и расслабленный, чем-то напоминающий беззащитного ребенка. Интересно, в кого он превратится, когда узнает, где оказался?

Перемещение принца с застеленного покрывалом дна тачки на набитый травами мешок заняло несколько секунд. Привычная манипуляция, выработанная годами практики, как сказал бы Гарконаш. Напоследок я укрыла его одеялом, ведь ночи бывают холодными. Подула на магический уголь, корзины с которым были расставлены в каждом углу, и закрыла металлическую решетку на замок, противно скрежетнув в нем ключом.

Вот и все, принц Элирии! Начинается твое недолгое пребывание в логове, надеюсь, тебе здесь понравится...

Что же делать с грифоном? Как Киммера я его не доволоку, не настолько я сильна, чтобы в одиночку поднять пернатую кошку размером с небольшую лошадь. Да и куда мне тащить несчастного? В темницу? Грифон там не поместится! А если бы и поместился, то где гарантии, что он не захочет сожрать Киммера для поддержания сил? Грифоны не бабочками питаются, видела я однажды их заостренные клювы в действии...

С такими невеселыми мыслями я пошла к тому месту, где оставила грифона, благо темница располагалась рядом и идти было недалеко.

Я с ужасом увидела, что грифон пришел в себя. Встал на все четыре лапы и абсолютно черными глазами смотрел на меня немигающим взглядом без намека на эмоции. Подозреваю, что именно с таким выражением морды он и разделяет тушки незадачливых зверьков, ставших его законной добычей.

Красивый... Несмотря на следы моего пламени, изрядно подпортившего его оперение. Грозный и свирепый хищник, чьи пострадавшие крылья сложены за спиной, а пушистая кисточка хвоста слегка вздрагивает от напряжения.

— Ты меня извини, пернатый, что так вышло. — Мой голос звучал глухо и сипло — еще не пришел в норму после луженой драконьей глотки. — Не хотела я тебя ранить, в других целилась. Спас ты нас, без тебя худо бы пришлось. Обещаю, что вылечу тебя и в беде не брошу, если таковая вдруг случится. Только не губи, прошу, мне еще ребенка на ноги подымать.

Зажмурилась и протянула вперед руку. Будь что будет. Кричать бесполезно, не успеют грифона оттащить от меня. Одна надежда, что извинения приняты и он не жаждет крови. А свои обещания я сдержу, пусть не сомневается.

Слышу, как скребутся тяжелые острые когти по плитам, как воздух вокруг меня сгущается и становится тверже. Не подаю виду, что страх с каждым звуком проникает все глубже и глубже.

Жду.

Чувствую, как в выставленную вперед ладонь уткнулась морда грифона, как мои пальцы уперлись в мягкие перья, а запястий коснулся окостенелый клюв зверя.

С шумом выдохнула. Получается, доверяет мне грифон, понимает, что не выживет без моей помощи. Как не выжил бы Киммер в том небе. И я на земле, когда Марлоу узнал бы о провале.

— Пойдем, пернатый, есть для тебя у меня пристанище. Оно тихое и надежное, тебе точно понравится.

Привела грифона к старой конюшне, в которой не было сейчас ни одной лошади. Просторное помещение, в котором я сушила травы, размещая их по длинным стойлам или подвешивая вязанки к самому потолку. Сейчас там лежало сено, мягкое и душистое, заготовленное мною впрок на зиму.

Издав тихий радостный клекот, грифон запрыгнул в ближайший стог и быстро зарылся в него с головой. Лишь мерное вздрагивание сена выдавало присутствие незваного гостя.

Я не стала закрывать двери конюшни. Пусть грифон видит, что никто и ничто не препятствует его свободе. Захочет — уйдет. Неволить не стану.

Подъем по винтовой лестнице неожиданно стал для меня долгим и монотонным, как сказки перед сном от Гарконаша. Зашла в любимую комнату, прилегла на дивно пахнущий матрас и тотчас уснула. Во сне мне было все равно, что я не закрыла дверь в свои покои и пребываю на самом удобном лежаке на свете в обнаженном виде.

ГЛАВА 3

Киммер резко проснулся. Ощущения были такими, словно его выдернули из привычной среды, как рыбку из пруда. Раз — и он уже в другом месте, а о прошлой жизни напоминают лишь чешуя да стекающие по хвосту капли. В случае принца — нарядный камзол да начищенные до блеска сапоги, отдаленно напоминающие солдатские.

И никого рядом нет.

Тишина.

Пустота.

Темно так, что и пальцев не видно, как к глазам их ни подноси.

Киммер залез в карманы камзола. Удивительно, но никто не заинтересовался вещами принца, оставив их ему. Как и одежду, за которую можно выручить неплохие деньги. Станный какой-то похититель...

Встав, принц осторожно, на ощупь побрел вперед. Его немного штормило после продолжительного сна, да и смысла геройствовать Киммер не видел. Он верил, что возможность проявить себя появится позже.

Неожиданно принц уперся в металлическую решетку, и клетку огласил радостный громкий гул.

Киммер прислушался, ожидая, что сейчас явится его похититель, но таинственный незнакомец не спешил, и темнота вновь наливалась тишиной, как щеки Бирха краской после официального приема в сарийском дворце.

Не дождавшись неприятного знакомства с тюремщиком и не тратя более свое драгоценное время на ненужные ожидания, принц достал маленький камушек из правого кармана и поднес его к решетке.

Помещение озарилось тускловатым белым светом, бьющим в разные стороны из диковинной штуки в руках Киммера.

Принц потер глаза, вмиг заболевшие от долгого пребывания в темноте, а вместе с болью он с удовольствием ощутил, как сковывающие цепи старушки-вялости постепенно растворяются во мгле наступивших сумерек.

Сильнее сжав в кулаке камушек, гладкий и круглый, как голова Бирха, Киммер неспешно провел им по решетке, любуясь неизменным цветом индикатора магии.

Закончив исследовать проржавевшие прутья, пленник приступил к самой волнительной части — к замку.

К безграничной радости принца, камушек все так же разбавлял образовавшуюся тьму белым огоньком, давая надежду на спасение.

— Получается, на тебе только чары, гасящие магию. Умно, умно... — прошептал принц, прикасаясь к замку. — А что ты скажешь на это?

Киммер коснулся мягкого ворота камзола и достал из него отмычку, припасенную им на тот случай, если худшие времена изволят наступить в самый неподходящий для этого час.

И начался долгий диалог, в котором Киммер отчаянно убеждал неодушевленного тюремщика, приводил аргументы и доводы в свою пользу, мол, стоит отпустить несчастного пленника на свободу, дабы он вновь увидел теплое солнце Элирии, ее вернувшееся величие и легкую печаль по былому. А суровый страж темницы отвечал непреклонным отказом, не желая отступить от своих железных принципов ради каких-то принцев и неизвестной ему страны.

Однако сопротивление замка с каждым миллиметром уменьшалось и вскоре совсем прекратилось. Раздался долгожданный щелчок — и дверца одиночной камеры отворилась с протяжным скрипом, будто бы исполняя хвалебную песнь герою за его заслуги.

Киммер вытер рукавом выступивший на лбу пот и запахнул камзол как можно плотнее.

Принц, несмотря на жар тела, почувствовал обжигающий холод, который просачивался в

темницу через малюсенькое окошко и стремился захватить все пространство, куда только мог дотянуться.

Какая же на воле погода, если расставленные по углам корзины с углем не помогают согреть темницу?

Поразмыслив, Киммер укутался еще и одеялом, оставленным здесь как раз для того, чтобы пленник не околел.

На этом подготовка к побегу была торжественно закончена.

В полном боевом облачении принц легонько толкнул дверь, которая неспешно отворилась. Киммер был в недоумении. Он слышал, что колдуны да чародеи презирают тех, кто лишен упоительной возможности выделиться среди «непосвященных», но чтобы настолько не уважать последних и не закрывать на замки двери? Такого он уж точно не ожидал.

Индикатор магии не желал возвращать себе привычный серый свет, разгораясь все сильнее и становясь подобием факела, и при этом выдавая принца с потрохами и делая его уязвимым перед ночными хищниками и обитателями сей странной земли.

У Киммера голова шла кругом от мыслей, связанных с особенностями места, в котором он оказался.

Сколько же заклинаний, гасящих магию, здесь наплетено? И откуда берется энергия? Где ее источник?

У принца напрочь отсутствовали способности к чародейству. Так уж решила природа, отказав в подобном сначала его родителям, а позже и ему самому. Однако Трогд Свирепый справедливо считал, что его наследник должен разбираться во всем, что может угрожать его долгой и счастливой жизни, поэтому Киммер изучал основы магии под неустанным руководством Бирха.

Несмотря на лютую нелюбовь к порядку и дисциплине, маг прекрасно знал дающее сытую жизнь и теплую крышу над головой колдовское ремесло и вполне сносно умел его объяснять. Поэтому благодаря Бирху принц хорошо был подкован в теории и теперь искренне недоумевал, что может питать такую адскую конструкцию замка.

Именно **замка**. Его нельзя было спутать с каким-либо другим известным Киммеру сооружением.

Принц сумел рассмотреть и площадь, в центре которой находился колодец, и высокие башни, устремившие прямо в небо свои острые шпили, и могучие крепкие стены, способные выдержать длительную осаду.

Не забыл Киммер и про ворота, надежно запертые изнутри на множество замков по всей их высоте. Интересно, а закрыты ли они еще и снаружи?

Подобная предусмотрительность наводила на нехорошие мысли: каким образом обитатели замка покидают его? Есть ли потайной ход, ведущий за стены древнего строения? Или проводником служит тот страшный дракон, похитивший его?

Вспомнив пугающий образ летающего чудовища, Киммер тряхнул головой, словно отгоняя назойливую муху, и с чувством поморщился.

Будто наяву перед ним предстала ужасная морда существа, оценивающий взгляд которого презрительно твердил: и что ты можешь, принц? Ну вот что ты можешь?! Удиви меня, смертный!

И Киммер удивил. И его, и себя.

Тогда в зрачках дракона он прочитал недоумение. Монстр явно не понимал, как такого страшного зверя можно трогать голыми руками и не бояться последствий. Киммер и сам не понял как.

В те секунды никакого страха не было, он пришел сейчас, с осознанием того, что могло произойти, если бы монстр рассердился.

Киммер представил, как легко дракон разрывает его тело, или сжигает дотла, или поднимает в воздух и сбрасывает с большой высоты, или...

Слишком много «или». Они сбивают с цели, заводят в лабиринты неслучившегося и отвлекают внимание от главной проблемы: как выбраться из замка, из которого нет выхода?

Принц не знал, но очень хотел найти правильный ответ, поскольку в решении этого вопроса он был заинтересован как никто другой.

Первым незнакомца почувял Шрам. Он низко зарычал, подпрыгивая к двери и оцетиниваясь костяными иглами, как та рыба, которую Кайла как-то раз принесла с морского побережья. Тихоня, собрат Шрама, не последовал его примеру и приблизился вплотную к девочке, готовясь закрыть ее своим телом.

Милика испуганно распахнула голубые глаза и вцепилась в шерсть Тихони маленькой пухлой ладошкой, не забыв при этом прижать к груди плюшевого медвежонка, старого и потрепанного, но такого дорогого и любимого.

Она уставилась в одну точку, а ее губы беззвучно шевелились, словно девочка читала молитву. Периодически она запинаясь и вздрагивала от рычания берийского пса.

В отличие от Шрама Тихоня молчал, только торчащие уши и напряженная стойка выдавали в нем решимость броситься на того, кто сейчас войдет.

Но незнакомец не шел.

И в Миликe проснулось любопытство. Оно радостно потянулось, улыбнулось и повело девочку за собой, навстречу новым приключениям, в сопровождении двух берийских псов.

Покинув комнату, малышка нерешительно остановилась у самого края лестницы, ведущей в гостиную, и с открытым ртом уставилась на незнакомца, занявшего любимое кресло Кайлы.

Он терпеливо грел замерзшие руки возле камина, задумчиво всматривался в играющее пламя, изредка массируя лицо и пострадавшие кисти. Незнакомец будто бы звал тепло поближе к собственному телу, даже расстегнул для этого несколько пуговиц на своей диковинной одежде.

Такого наряда Милика раньше никогда не видела. Белый камзол с красными вставками и золотой вязью притягивал взгляд, словно булочка, оставленная Кайлой для поднятия настроения. Переливающиеся на свету темно-зеленые пуговицы добавляли в образ чарующего шарма и легкой загадочности, несмотря на потрепанное одеяло Кайлы, лежащее у незнакомца на коленях. Ее творения Милика узнала бы из тысячи.

Идиллию нарушил Шрам, которому надоело так долго молчать и походить тем самым на Тихоню.

Он вновь зарычал, отчего незнакомец покинул занятое им кресло и развернулся в сторону шума.

Теперь Милика смогла рассмотреть волевой подбородок, карие глаза и нахмуренные брови незваного гостя.

Было видно, что он перебирает варианты отступления и не может выбрать подходящий. От берийских псов сбежать не так просто. Особенно живым!

Незнакомец что-то сказал. Потом еще раз. И еще.

Непонятные слова сыпались из него, как подарки Кайлы из большого мешка, пока Милика не расслышала язык, который, казалось, она позабыла навсегда.

— Я не причиню тебе зла, милая девочка, не стоит спускать этих псов на меня...

— Хор-р-ро-шо! — с трудом выдавила из себя Милика, еле сдерживая предательски выступившие слезы.

Шрам неодобрительно покосился на растроганную малышку, а Тихоня и ухом не повел. В отличие от брата он не стремился вогнать зубы в заглянувших на огонек незнакомцев. Он их берег.

Мясо оказалось великолепным. Оно не было только что снято с огня и не пахло терпкими специями, но не потеряло при этом свой вкус, и Киммер испытал приятные ощущения от трапезы и упоительной сытости, наступившей после.

Наследник Элирии и сам толком не понял, когда успел проголодаться. Совсем недавно он стоял перед светловолосой девочкой, теребя в руках прихваченное из темницы покрывало, а теперь спокойно ел жаркое за домашним столом, рассказывая сердобольному ребенку о себе, последних новостях и мире. На радойском.

На сложном языке, который можно обуздать, лишь изучая его с пеленок под убаюкивающие песни нянек. В этом был уверен Бирх, ставший, по сути, единственным учителем всех наук, коих Киммеру пришлось изучить немало. В том числе и этот язык. В возрасте, когда мальчик возвращается с войны мужчиной, уверенным в том, что больше ничего нового он не узнает. И это невежественное упрямство растет и множится, пока не наталкивается на извечный камень преткновения.

На спор.

Все обучение Бирх построил на нем. Он прекрасно видел, как Киммер не желает проникаться важностью учебного процесса, потому и прибегнул к единственно верному средству.

И оно сработало!

Охваченный азартом принц скрупулезно разбирался в преподаваемом Бирхом материале, разгадывал логические задачки и перечитывал объемную библиотеку Трогда Свирепого по несколько раз, пока не достигал понимания того, что видел и слышал на занятиях.

Стремясь доказать надоедливому магу, что недооценивать противника, лишенного волшебных сил, не стоит, Киммер и сам не заметил, как неинтересное и скучное времяпрепровождение стало больше чем обычным уроком для представителя королевской крови. Переросло в возможность раскрыться с иной стороны, стало частью натуры. И помогло сейчас выжить.

С одним берийским псом справиться очень сложно, а с двумя — невыполнимая задача. Да еще и без любимого меча, терпеливо ожидающего принца во дворце отца. Будь на месте девочки безжалостный охотник за головами, то не вкушал бы сейчас Киммер нехитрое угощение обитателя таинственного замка, а брел по извилистой Дороге Правды, ожидая, когда же перед ним предстанет Царство Оконченного Пути.

Светловолосое чудо слушало принца, затаив дыхание. Оно сидело напротив Киммера, утомленно подперев голову руками, не сводя внимательных изумрудных глаз с рассказчика. Изредка девочка поглядывала на берийских псов, словно сообщая им, что все с ней в порядке.

Охранники величаво лежали рядом с хозяйкой, изображая незаинтересованность по отношению к гостю. Даже агрессивно настроенный пес спрятал костяные иглы и теперь спокойно внимал речам Киммера, не скрывая того, что понимает их.

— Ты давно здесь живешь, Милика? — покончив с поздним ужином, спросил принц.

— Восемь... месяцев, — подсчитал в уме ребенок, немного запинаясь и растягивая слова. — Меня Кайла спасла и привела сюда.

— Кайла... — задумчиво произнес принц. — Так, получается, ты не одна здесь живешь?

— Не-э-эт, не одна, — хрустальным колокольчиком рассмеялась Милика. — За мной Шрам и Тихоня присматривают, и Гарконаш иногда... О, сир, вы должны его видеть! Он столько всего знает, он умный и такой необычный...

Девочка схватила принца за перчатку и повела за собой, как теленка на привязи, позабыв о правилах этикета. И Киммеру это нравилось.

Он доверительно сжимал теплую ладошку Милики, и подозрения насчет замка с каждым шагом рассеивались. Разве может быть ужасным место, в котором чувствует себя вольготно такой милый ребенок?

ГЛАВА 4

— Отец! Оте-э-э-эц!

Дворец содрогался от могучего крика, а вместе с ним и сарийский король. Он только-только изволил вкусить послеобеденный сон, отправив свою дочь на прогулку с сыном Трогда Свирепого, и собирался насладиться тишиной, спокойствием и умиротворением.

Не получилось.

— Оте-э-э-эц! А-а-а... вот ты где?! Созывай отряд рыцарей, принца похитили! — Разгоряченная принцесса небольшим ураганом ворвалась в покои монарха Сарии, заставив его выбраться из объятий королевского ложа и прервать столь необходимое для восстановления душевных сил занятие. — И извести палача, что у него появилась работа. Мага нужно казнить!

— Бирха? — с удивлением спросил король, хлопая ресницами в такт исчезающему сну. Тот клятвенно пообещал, что непременно вернется.

— С этим дристуном пусть Киммер сам разбирается. Если живой еще, — угрюмо произнесла принцесса, вытаскивая многочисленные украшения из высокой прически. — А Зарга стоит казнить. Он нас опозорил!

И покинула покои отца столь же стремительно, как и вошла.

С ее уходом до короля дошел смысл брошенных принцессой слов.

Похитили принца! Из дворца короля чужой страны! Какой скандал!

И правитель Сарии бросился навстречу внезапно свалившимся на его голову проблемам, для решения коих требовалось его обязательное присутствие.

На выходе из королевской опочивальни он столкнулся с Заргом, главным виновником случившихся событий — так сказала любимая дочь. Придворный маг был спокоен и невозмутим, но пахло от него настолько скверно, что его величеству Филиппу Спокойному пришлось доставать надушенный платок из нагрудного кармана и использовать сей предмет в качестве защиты от назойливой вони.

Платок, к сожалению, не помогал!

— Ваше великоумие, позвольте мне все объяснить. — Зарг покорно склонил перед Филиппом Спокойным голову, как положено в Сарии, но целовать руку монарха не спешил, изучив за годы службы характер короля. Прикосновение к своей персоне от такой вонючки, как он, монарх бы точно не выдержал! — Все не так, как кажется на первый взгляд!

— Я тебя внимательно выслушаю, Зарг, — брезгливо выдавил из себя Филипп Спокойный, подзывая лакея. — И попробуй быть убедительным! Твоя жизнь висит на волоске. А ты, — палец уперся в хилую грудь слуги с такой силой, что тот непроизвольно сглотнул и поежился, — собери рыцарей в Зале Советов. Живо!

Паж бросился со всех ног исполнять приказ короля, а сама монаршая особа проследовала в указанное место, не обращая никакого внимания на идущего сзади мага. Чтобы поверить словам чародея, нужно знать историю со всех возможных сторон. Казнить Зарга он всегда успеет. Прямо там, в Зале Советов. Если что, рыцари исполнят приказ. Иначе зачем они такие нужны, раз не подчиняются слову своего короля?

Зал Советов представлял собой просторное помещение с огромными разноцветными витражами, в центре которого располагался длинный прямоугольный стол. За ним легко и свободно помещались представители самых разных сословий. Они делились с королем насущными проблемами и пожеланиями, а иногда и просто благодарили за услышанные мольбы и подписанные указы. Да, даже такое бывало за многолетнее правление Филиппа Спокойного.

В этот раз собравшихся было мало. Помимо монарха, восседающего во главе стола, присутствовали шесть рыцарей Высокородных домов, поддерживавших правление рода Филиппа испокон веков. Также здесь находился Зарг, занявший самое дальнее кресло, и личный паж принцессы, которого дочь правителя Сарии, да и король тоже, называла в лицо лакеем. Сама она отсутствовала, но Филипп Спокойный отцовским чутьем предвидел, что его дочь обязательно вскоре появится — как только справится со сложной прической и поменяет

наряд на более подходящий к данному случаю.

— Я собрал вас по очень важному поводу. — Король обвел взглядом притихших подданных и перешел сразу к сути. Привычкой ходить вокруг да около за долгие годы власти он не обзавелся. — Похищен элирийский принц, наследник престола. Украден вероломно из моего дворца, среди белого дня, прямо на глазах у стражи и мага. Тем самым был нанесен колоссальный ущерб репутации Сарии и предпринята попытка сорвать необходимый для ее процветания брак. Мне стоит говорить о том, насколько важным для нас является перемирие с Элирией?!

Тишина была ему ответом. Король продолжил:

— Я хочу услышать правду о том, что сегодня произошло. Джанарио!

— Ничто не предвещало беды, ваше величество. Всего лишь прогулка по саду для скрепления отношений между принцем и принцессой. Пока не появился дракон. — Паж поморщился от воспоминаний и стыдливо отвел глаза. История про его обморок еще долго будет гулять на длинных языках придворных! — Он выбрался из зарослей снежноцвета и напал на нас.

— Дозвольте мне продолжить, ваше величество. — Получив разрешающий кивок, один из рыцарей достал из-под стола нагрудник стражника и небрежно швырнул его на середину стола. — Судя по вмятинам на доспехах, их оставил дракон. Не морок, а живое существо из плоти и крови атаковало моих людей, и милостью богов они лежат в лазарете, а не в земле сырой! В зарослях снежноцвета я обнаружил отпечатки женских стоп, переходящие в следы зверя. О том, что мы имеем дело с оборотнем женского пола, говорит и исчезновение недавно нанятой служанки. И у меня возникает вопрос: где же та хваленая магия, не пускающая оборотней во дворец?!

Все присутствующие перевели грозные взгляды на провинившегося мага. Тот хотел что-то сказать в свое оправдание, но не успел и рта раскрыть. Двери Зала Советов с грохотом открылись, и принцесса плавной походкой прошла к готовым растерзать мага мужчинам.

Филипп Спокойный задохнулся от возмущения.

Наряд принцессы был вызывающ и просто кричал о том, что за Киммером она отправится лично. Длинный двуручный меч царапал пол, из голенищ сапог торчали рукояти изогнутых кинжалов. Серый нагрудник защищал от взглядов ее прелести, а для метательных ножей нашлось место за поясом. Длинные белокурые волосы принцессы тугой косой болтались за спиной, а образ наивной простушки был уничтожен родниковой водой из дворцового источника.

В таком виде она неумолимо походила на мать, отчаянную воительницу летающих островов, взявшую в вечный плен сердце короля Сарии, но не отдавшей своего взамен. Только дочь.

— Мне тоже интересно, как защитный купол пропустил дракона.

Принцесса села напротив мага, положив меч на стол, как того требовали приличия. Запах Зарга ее не смущал. Наконец-то от него пахло так, как он заслуживал!

Маг был невозмутим. Вызывающе невозмутим. Его не пугала настроенная против него принцесса. И рыцари. И наличие оружия в их руках. Разве можно бояться мелких муравьев, когда являешься тяжелым ботинком?

— Виноват Кристоф, тот мальчишка, отданный мне в обучение, — издевательски произнес Зарг, смакуя каждое слово перед тем, как его выплюнуть. — Безграмотный тупой осел!

— Ты лжешь, нечестивая собака!

— Виария! — громко сказал владыка Сарии, призывая тем самым дочь к благоразумию.

Принцесса пристыженно надулась и насупилась.

Зарг довольно ухмыльнулся, показав желтые зубы.

— Мальчишка решил, что знает магию лучше меня. Зачем ему старый учитель, если можно самому окунуться в неведомый мир и подчинить себе те силы, о существовании которых простые смертные не имеют ни малейшего представления?

Принцесса сделала вид, что смахивает невидимую слезинку с глаз. Король погрозил ей

кулаком.

— Гордыня обуяла юнца, и прошлой ночью он провел ритуал Познания. Один. И ожидаемо не справился! Энергия хлынула в купол, оставив от защитных плетений одни рваные лоскуты да большие дыры. Чтобы залатать их, я обратился за помощью к магу Элирии, но мы не успели полностью исправить нанесенный вред! — Зарг перестал испепелять Виарию взглядом и обратился к королю: — Я готов понести заслуженное наказание, владыка, но прежде знай, что я сумел пометить зверя...

— А он тебя, — хихикнула Виария, непроизвольно заставив лица нахмуренных и сосредоточенных мужчин стать не такими серьезными и жесткими.

— ...и могу привести к его логову, если мне сохранят жизнь, — закончил свою речь Зарг и победоносно сложил руки на груди.

Король обдумывал услышанное, постукивая указательным пальцем по блестящей поверхности стола.

Выбора у него и не было.

Брак Киммера и Виарии для Элирии и Сарии необходим как воздух. Война за спорные территории опустошила обе страны, отчаянно нуждающиеся в перемирии и процветании. И гарантом этого должен был стать союз двух венценосных особ, одна из которых пропала.

Если не удастся найти Киммера живым и здоровым как можно скорее, то возможна новая битва между Сарией и Элирией. Филипп Спокойный помнил крутой нрав Трогда Свирепого, а если учитывать любовь другого народа к недавно обретенному принцу, то подобное столкновение вполне могло перерасти в геноцид. Этого король Сарии допустить никак не мог.

— Ладно, Зарг, ты меня убедил. — Филипп Спокойный устало откинулся назад, приятно упираясь в мягкую часть спинки трона, и обратился к начальнику стражи: — Себастьян, тебя я назначаю главным в отряде, который будет заниматься возвращением принца в наши гостеприимные стены. Сопроводите мага до логова зверя и сделайте так, чтобы дракон больше не посмел вмешиваться во внешнеполитические дела Сарии! Пусть твоя магия, Зарг, впредь не дает осечек, иначе мигом отправишься на гильотину!

— Я поеду с ними, отец. — Виария была непреклонна в принятом ею решении. — Не могу оставаться в стороне, когда мой жених в опасности. Пусть он увидит, что ради укрепления нашего союза я готова последовать за ним куда угодно, даже в логово дракона!

— Наша миссия настолько опасна, что в ней нет места для таких очаровательных прелестниц, как вы, юная леди, — сухо заявил Себастьян, разглядывая мраморные колонны Зала Советов. — Понадобится целая армия, чтобы обеспечить вашу безопасность, пока мы будем вытаскивать принца Киммера из лап огнедышащего чудовища. Не женское это дело трястись в походе, спать на голой земле и биться с порождениями тьмы. Каждый должен заниматься тем, ради чего он появился на свет, и не лезть туда, где от него будет мало пользы!

Принцесса побагровела и с хрустом сжала кулаки.

— Я правильно понимаю, что мое дело — сидеть во дворце, рожать наследников и никуда не лезть? — ласковым голосом произнесла она, любовно поглаживая ножны. — А вам не кажется, Себастьян, что это не ваша забота, что, где и как я должна делать! И по какому праву вы вообще смеете говорить мне столь оскорбительные вещи?! Я прошла посвящение в рыцари, получила звание Мастера Мечей, одолев вас в честном поединке. Так почему я не могу участвовать в поиске своего будущего супруга, неуважаемый мною Себастьян?!

— Довольно! — Филипп Спокойный хлопнул ладонью по столу, не давая рыцарю отстоять точку зрения мужского шовинизма. — Прекратить спор! Если моя дочь так жаждет принять участие в спасении элирийского принца, то так тому и быть.

— Только пусть сперва она пообещает, ваше величество, что будет исполнять мои приказы и не посмеет ронять мой авторитет в глазах воинов. — Себастьян не желал всухую проигрывать Виарии, выторговывая у короля хоть какие-то привилегии. — Помимо принцессы, ваше величество, я готов взять в отряд и ее пажа Джанарио, поскольку рыцарь, — начальник стражи подарил Виарии белоснежный оскал, — рыцарь обязан заботиться о паже, доверенном ему для обучения и выполнения особо важных поручений.

Виария негромко чертыхнулась и помянула забытых богов, Джанарио побледнел и дернул

себя за ухо, убеждаясь, что происходящее не является сном.

Себастьян ехидно послал в их сторону воздушный поцелуй.

— Раз мы все выяснили, то не смею никого больше задерживать! — Филипп Спокойный встал, показывая собственным примером, что пора отправляться в путь, навстречу приключениям, славе и богатству, которым обладают могучие драконы, если верить старинным преданиям. — Пусть боги осветят ваш путь, ведь цель ваша благородна и чиста — спасти жизнь принца и не допустить возможного кровопролития между Сарией и Элирией!

Первыми покинули собрание рыцари. Поклонившись монарху, они строем вышли из Зала Советов, не проронив и слова. Затем ушла Виария, подцепив под руку едва переставляющего ноги пажа. Остался лишь Зарг. У него появилось предложение, озвучить которое он посчитал нужным лишь королю с глазу на глаз.

Виария звонко размахнулась кнутом, нанося очередной удар. Плеть со свистом преодолела разделяющее ее и жертву расстояние и оставила на спине юноши новую красную полосу, коих теперь насчитывалось семь штук. Для окончания показательной порки нужно было нанести еще минимум три отметины.

Принцесса пребывала в гневе, что клокотал внутри ее тела. Настолько глубоко, что всполохи его не были видны на поверхности. Перед наблюдателями предстала хладнокровная воительница, методично исполняющая отведенную ей роль, словно для Виарии эта работа — обыденность, не более того.

Ей было противно. Противно терзать тело мальчишки, по чьей «вине» произошло ослабление защиты дворца. Но по-другому она поступить не могла.

Вызвавшийся исполнить приказ короля Себастьян легко мог выбить из Кристофа не только желание «докучать» Заргу, но и саму душу. Или отправить в лазарет юнца на долгие месяцы. А это не входило в планы Виарии, слегка измененные самовольным вмешательством королевского мага Сарии.

С полным отсутствием эмоций на лице Зарг наблюдал за происходящим, держа в руках посох, увенчанный синим кристаллом и покрытый непонятными письменами на языке давно сгинувших народов. Изредка маг покачивал его в разные стороны, отчего мерцающее сияние необычного камня то исчезало, то появлялось вновь.

Рядом с ним стоял Бирх и старательно отводил взгляд от израненной спины Кристофа. Было видно, что ему неприятно присутствовать на мероприятиях подобного рода, а уйти казалось непозволительной роскошью. Союзники могли понять неправильно, а без их уважения на кого ему положиться в дальнейшем?

Зарг убедил монарха Сарии взять Бирха в отряд, объяснив, что одна магически одаренная голова — хорошо, а две — еще лучше. А две с половиной — так просто праздник исполнения желаний! Королевский маг настоял на включении и Кристофа в спасательную миссию, мол, зря его, что ли, столько лет обучали, одевали и кормили? Пусть отрабатывает! А то, что дурной, так не проблема! Отнюдь не проблема!

Практика мигом исправит столь досадное недоразумение, как нежелание слушаться старших и более опытных товарищей. Юнец поймет, что такое агрессивная среда обитания людских пороков и всякой-разной нечисти.

То, что дворец и король остаются без магической защиты, Зарга не пугало. Он клятвенно пообещал Филиппу Спокойному закончить полное восстановление защитного купола, взяв к себе во временные помощники Бирха. А мальчонка пусть восстанавливается да резерв понапрасну не расходует, он ему еще может пригодиться, отряд от колдовских происков защищать.

Просвистел кнут, и Кристоф издал слабый стон, словно ознаменовывая окончание показательной порки. Виария швырнула орудие пытки на землю и бросилась отвязывать мальчика от позорных столбов. С удивлением она заметила, что ей на помощь пришел Бирх.

В четыре руки они быстро убрали веревки с рук и ног мальчика и понесли Кристофа в его комнату.

Они располагались недалеко от конюшен королевских рысаков.

— Это не я, принцесса, не я, — горячечно шептал ученик Зарга, с трудом шевеля искусанными, потрескавшимися губами. — Клянусь памятью покойной матери, не я причастен к дырам в куполе...

— Помолчи, Кристоф, береги силы. — Виария с содроганием взглянула на исполосованную спину мальчика и стыдливо отвела глаза. — Я позову лекаря, чтобы он снял боль и возможное воспаление.

— У меня есть хорошая лекарственная мазь, принцесса. — Бирх достал скромный, ничем не примечательный флакончик из внутреннего кармана плаща. — Когда я был учеником мага, она меня частенько выручала. Через час мальчик сможет подняться, а спина будет как новенькая, даю слово!

Дочь Филиппа Спокойного с теплотой посмотрела на Бирха.

При всей похожести двух магов они кое в чем разительно отличались друг от друга. Да, оба худые и лишенные волос на голове, но от Бирха не тянуло замогильной плесенью и темной энергетикой, пожирающей все и вся на своем пути.

Выражались эти отличия и в цвете кожи. У колдуна Элирии она была приятного молочного оттенка. И эмоции, которые он вызывал своим появлением, тоже были другими.

— Смеею заметить, принцесса, что у вас легкая рука. — Бирх аккуратно покрывал израненную спину Кристофа целительной мазью, стараясь причинять мальчику как можно меньше дискомфорта. — Мой учитель любил хлестать так, чтобы кнут пробивал до костей. Он говорил, что боль — лучший способ не повторять сделанных ошибок и отличный метод для запоминания материала.

Под осторожными прикосновениями мага Кристоф погрузился в сон. Виария ласково убрала рыжую прядь с мальчишеского лица, любуясь им.

Принцесса предчувствовала грядущие неприятности, связанные с долгой дорогой к Киммеру. Близилось что-то страшное, неведомое и опасное, но Виария всем сердцем верила, что она не одна. Она видела — на ее стороне опытный Бирх и преданный Кристоф, и ей отчаянно хотелось не разубедиться в своем предположении.

ГЛАВА 5

Я стояла в зарослях снежноцвета и старательно жевала приготовленную для Киммера сонную траву. Ветер легонько качал заросли диковинного растения, послужившего мне отличным укрытием для охоты. Изредка он проходил и по мне, отчего я непроизвольно вздрагивала и зябко подергивала плечами. Не мое это, стоять вот так, полностью обнаженной. В тепло бы, под пледик шершавый да с книжкой увлекательной, любоваться на надвигающуюся на логово осеннюю хмарь. Эх, мечты-мечты...

Рано утром я пришла к дворцу короля Сарии, и меня неожиданно туда впустили. Суматоха, связанная со скорой свадьбой, сыграла мне на руку. Требовалось привести дворец в надлежащий порядок, дабы он соответствовал высокому званию места соединения двух сердец, скрепленных если не по любви, то точно по расчету. И дабы порядок этот пришелся по душе венценосным родственникам элирийского монарха, которых априори должно быть много.

Я даже умудрилась немного поработать служанкой: привела в порядок одну из дальних комнат, лишенную женской руки уже долгие годы. Девочки шептались, мол, там живет привидение прапрабабки принцессы, жутко агрессивное и пугающее всех, кто посмеет потревожить упоительную атмосферу затхлой пыли и расплотившейся плесени.

Историей этой я не прониклась и не впечатлилась совершенно, и во время моей уборки никто из мира неживых не посягнул на честь, красоту и плохой характер наглой гостьи. Чувствовал, видимо, что падать в обморок я не собираюсь, а вот тайны сарийского дворца очень даже мне любопытны. Вдруг да и захочется побывать на свадьбе Киммера и принцессы без приглашения.

Кстати, видела я их. Хорошо смотрятся! Она вся такая изящная, в платье с глубоким декольте и с фальшивыми интонациями в голосе. А он весь такой высокий, с черными волосами до плеч и в странных перчатках. Идут, воркуют, и принцесса как бы невзначай Киммера за локоток держит, чтобы не убежал, да цепко так и профессионально, что я даже немного позавидовала.

Насмотрелась я на них вдосталь да поспешила в сад. Стражнику, что стерег в него вход, наплела с три короба о безумной любви к златокудрому воину, который служит здесь и ждет меня ровно в полдень каждый день в самой темной части дворцового сада.

И вот я тут. Жую сонную траву и держу склянку с зельем. Да периодически поглядываю то на исчезающий в листьях снежноцвета мой временный наряд служанки, то на непрерывно петляющую тропу, принца ожидаючи.

Хорошее растение этот снежноцвет, полезное. Пожирает все неодушевленное, что попадает в его ветки. И цвести потом начинает лучше, ярче, фееричнее. Ух, язык уже начал заплетаться! Пора зельем его размягчить!..

Пью я гадость с металлическим привкусом, пью и голой спиной чувую, что кто-то на меня смотрит. Без злого умысла так, по-доброму, но все равно неприятно. В таком виде меня должен лицезреть только муж. Если Марлоу, конечно, к тому времени надумает навестить свой давно умерший род, иначе не видать мне замужества, как собственной свободы. И я верю, что это не противоречащие друг другу вещи, да-да!

Оборачиваюсь, и хорошо, что закончила приготовления к похищению Киммера, иначе бы точно подавилась или травой, или зельем.

Дриада! С меня ростом, но с более женственными формами, вызывающими поднятие духа у мужчин и непродолжительную зависть у женщин. Одеждой, как и я, небогата. На ней — бусы, на мне — ошейник. Подарок Марлоу, чтоб ему сегодня икалось!

Стоим и смотрим друг на друга. Она — с лучезарной улыбкой, я — с затаенным страхом. Вот только возни перед важным заданием мне для полного счастья не хватало! Нет же, защитниц леса мне подавай, которые за покореженные дубы и истоптанные поляны готовы рвать глотки тем, кто не ценит красоту святой природы.

Да поматерей, чтобы отметины боевые на руках видны были, при взгляде на которые шансы на благополучный исход неумолимо начнут таять. Боги, чем же я вас так сильно прогневала?!

— Не бойся меня и возьми это. — Дриада протянула мне маленький желудь, не убирая доброжелательной улыбки с зеленого лица. — Он тебе еще пригодится!

И пальцем показала в сторону аллеи.

Я молча спрятала желудь за подкладку ошейника (подарок все-таки, нехорошо выбрасывать!) и услышала, как в жужжание мирно летающих стрекоз и вечно торопящихся жуков вклинивается голос избранницы принца Элирии.

Обернувшись, я узрела шумную процессию, заводилой коей и была принцесса. Она осталась неизменной. А вот Киммер будто искупался в фиолетовом облаке — таким он предстал моему измененному зрению.

Перед трансформацией мне вздумалось посмотреть напоследок на дриаду, но я никого не увидела.

Она исчезла так же бесшумно, как и появилась за моей спиной.

И так каждый раз!

Каждый раз, когда я возвращаюсь с удачно завершеного дела, мне снится все то, что происходило в тот день. словно давая возможность исправить мелкие косяки и неурядицы, возникшие в ходе выполнения моего задания, которые я, к слову, изменять категорически не желаю. Потому что бессмысленно во сне что-либо дорабатывать — в реальности лучше не станет. Не вернет судьба время назад, как бы мне этого ни хотелось. Да и не сильно прям хочется, потерплю, не впервой!

Наглый солнечный свет, пробравшийся в мою комнату через неплотно задернутые шторы, заставил меня подняться с удобного матраса и перестать рефлексировать из-за вчерашнего дня.

Заплела привычную косу, положила подаренный желудь в кармашек любимого закрытого платья с высоким воротником и спустилась вниз, в комнату Милики.

Впервые я оставила ребенка так надолго и искренне верила, что принесенные мной подарки помогут загладить вину одной безвольной драконицы.

Во всяком случае, перед моим уходом Милика ими заинтересовалась, перебирала и рассматривала понравившиеся ей игрушки ручной работы. Подозреваю, что их лично изготавливал Малик, чей талант резчика по дереву Марлоу не раз использовал для собственных нужд.

Зайдя в комнату девочки, я никого не нашла.

Пусто.

Шрама и Тихони тоже не было на месте, что меня обрадовало и успокоило. От Милики они не отставали ни на шаг, неукоснительно исполняя мой приказ. Значит, где-то гуляют по замку, и правильно! Нечего ребенку сидеть в четырех стенах, пусть развевается!

Недолго думая я пошла к Гарконашу. Давненько я не навещала ворчливого старика, проводившего дни и ночи в своей библиотеке.

Потянув громоздкую дверь на себя, зашла в святая святых замка и обомлела. Такой картины мне наблюдать еще не приходилось!

На неудобной скамье, повидавшей еще старые кости родни Марлоу, спал наследник Элирии! И не один, а со Шрамом, решившим, что холодные плиты не заменят теплого бока принца и надо пользоваться этим, пока Киммер не передумал.

Милика нашла на противоположной скамье. Ей компанию составил Тихоня, причем малышка умудрилась не выпустить любимого мишку из цепких объятий. Какая преданность!

Нашли себе место для отдыха, нечего сказать! И что я буду теперь с Киммером делать?

Его так просто назад в темницу не затащишь! Милика начнет интересоваться, где он пропадает и как скоро вернется обратно. Малышка у меня молчаливая, но деятельная, начнет искать своего нового знакомого и найдет то, что вытаскивать на свет не следует. А я потом объясняй, зачем в замке темница и как часто я в ней принцев мариную.

Что же делать?..

С верхних полок упала книга. Достаточно пухлый томик в кожаном переплете.

Как полагается подобным изданиям, сей труд длиною в жизнь должен был неминуемо встретиться с полом и оповестить библиотеку громким хлопком о падении. Но не тут-то было. Он завис, как и я прошлым вечером, будучи в драконьем облике. И усердно заколыхались страницы, слово крылья гигантской бабочки.

А потом появился глаз. На тоненьком отростке, с большим голубым зрачком и пушистой ресничкой.

Выглянул из корешка книги и осмотрелся. Заметив меня, он принялся устраивать себе гнездышко на вспомогательном столе, заваленном непонятными свитками и картами.

Интересно, это Киммер так похозяйничал или Милика разошлась на радостях, что здесь появился человек? Склоняюсь к первому варианту, Гарконаш ребенка никогда бы не подпустил к «бесценным артефактам прошлого»!..

— ...настоящего и будущего! Настырный принц тебе в этот раз попался, из темницы сумел выбраться, Милику очаровать и псов твоих слюнявых, чтоб им пусто было! Просил же не пускать их в мою берлогу, не переносу запах псины, а-а-а-апчхи!

Лишенный голосовых связок, продукт темной магии общался только ментально. Иногда, правда, пытался подглядеть тайные мыслишки собеседников, но я быстро научилась пресекать подобные попытки. Главное, не думать ни о чем лишнем в минуты открытия «полей» сознания, иначе на не знающих пыли страницах рукописи появятся сакральные записи драконьей души!

— Рада видеть, Гарконаш, что все твои страницы уцелели. Они тебе сильно докучали? — спросила я.

— Немного. — Гарконашу надоело искать удобное место, и он перелетел ко мне на руки.

Любила я, когда он так делал. Особенно малышкой. Гладишь теплую шершавую книгу, и как-то теплей на душе становится. Уходит ощущение одиночества. Долгие годы в замке мне компанию составлял лишь один Гарконаш. Тихоня и Шрам появились намного позже.

— Милика уснула быстро, а с Киммером мы перекинулись парой-тройкой фраз. Хороший принц тебе попался, начитанный, есть о чем с ним поболтать. И что записать, само собой!

— Он не мне попался, а Марлоу! — Я внесла ясность, иначе Гарконаш начнет потом издеваться, активно паразитируя на образе принца. — Вижу, что ты даже карты показал ему, так он тебе понравился?

Гарконаш возмущенно завозился у меня в руках:

— По-о-о-прошу без намеков, юная леди! Я могу и обидеться! Неужели, Кайла, я давал тебе повод усомниться в моих пристрастиях?!

— О нет, Гарконаш, не давали. — Я мысленно хихикнула, вспомнив, что главный разум замка любит засыпать между томиком по астрономии и хилой книжонкой по гаданию на навозной куче.

— То-то же! Я оказал тебе неоценимую услугу, показав Киммеру карты. Теперь он и подумать не посмеет о побеге, не то чтобы его осуществить.

— Ты этого добился, просто показав ему карты? — недоверчиво переспросила я. Сомневаюсь, что человек, который сумел выбраться из тюрьмы и сдружиться с берийскими псами, может так легко сдаться!

— Просто показав ему карты, — довольно прошелестел Гарконаш. — И сказав, что выбраться из Ведьминой Чаши самостоятельно невозможно. Ты бы видела, как изменилось его лицо!..

Не хотела бы я этого видеть! Как исчезает надежда в глазах, а на ее месте появляется безразличие и апатия. Как сутулится бравая фигура и забирается в самый дальний угол темницы, не реагируя на еду и запоздалые извинения. Всего раз я не выдержала и призналась одному наглому пухлому принцу с жидковатыми усами, почему не боюсь армии его влиятельного папаша. Она же просто сюда не дойдет!

Ведьмину Чашу не так-то просто отыскать. Вернее, практически невозможно.

Это огромный кратер посреди бескрайней ледяной пустыни, в которой властвуют свирепые ветра, резко переходящие в бураны, а под ногами хрустит лед, едва прикрытый снегом.

Увидеть Ведьмину Чашу за шквалом метели сложно, как и остановиться у ее края за несколько секунд до знакомства с ее чудесным внутренним миром, полным тайн, загадок и опасностей.

Я до сих пор не понимаю, как подобное место могло возникнуть. Только по замыслу богов, не иначе!

И каким образом предки Марлоу сумели построить здесь замок?! Как смогли достать материалы для него? Тут же лес кругом, с небольшими озерами с чистой водой и маленькой речкой, делящий Ведьмину Чашу на две неравные части.

А вокруг горы. Гладкие, без единого выступа, словно неведомый каменщик приводил их к единому порядку по желанию богатого заказчика. Они увенчаны ледяными шпилями, со стороны которых и дует тот выжигающий тепло ветер, что не дает спокойно бродить по территории замка утром и вечером.

Неужели камни для замка тащили через порталы?

— Он знает про меня? — поинтересовалась я у Гарконаша, не уточняя, кого имею в виду. Действительно, о ком же еще я могла спрашивать?

— Разумеется, — вальяжно выдавила из себя книга. — Киммеру известно, что есть некая Кайла, которая присматривает за замком. Она занимается еще и теми, кого приносит негодник-дракон. Кормит их, поит и лелеет — особенно тех, кто ведет себя тихо, мирно и скромно. Думаю, принц мне поверил, ибо это — настоящая правда! И разве я не заслужил награды за свои старания?

— Заслужил, еще какой! — Я энергично почесала переплет, отчего Гарконаш довольно заскрипел страницами, а Тихоня повел ушами, но открыть глаза не рискнул.

Стоило летающей книге появиться в поле зрения пса, и в нем сразу же просыпалось острое желание схватить непонятный предмет и как следует его потрепать. Останавливало Тихоню только то, что Гарконаш был очень дорог хозяйке и его потеря принесла бы радость лишь одному обитателю этих покоев. Шраму, боящемуся одушевленной книги сильнее, чем еженедельных купаний.

Никого будить я не стала. Пусть отдыхают. Когда еще принц сможет вот так просто подремать с берийским псом, не боясь за свою честь, достоинство и дорогую одежду? А пока мне никто не мешает, я займусь делами. Но сначала загляну к грифону, посмотрю, пережил ли он ночь после нашего знакомства.

Перед визитом к диковинному зверю я набрала ведро воды из колодца и развела в нем несколько капель с лепестков одного колючего цветка, растущего рядом с горной границей Ведьминой Чаши.

Он цвел раз в шесть лет и оставался открытым не более двух секунд, поэтому приходилось действовать быстро и аккуратно, дабы суметь собрать ценную влагу, копившуюся в нем не один день. Обладая целебными свойствами, сей цветок также имел длинное громоздкое название на языке, в котором гласных оказалось всего две, а согласных столько, что я сбилась со счета. Его легко выговаривал Гарконаш, а мне вот подобные вершины никогда не покорялись. О чем я, к слову, особо и не жалела.

Возле входа в конюшню меня поджидал грифон, усердно делающий вид, что выбрался он ради любования новыми окрестностями, а я так удачно мимо приходила!

Зверь довольно жмурился от выглянувшего из-за облаков солнца, зябко поеживался от непрогретого воздуха и напевал орлиную песню, будто бы здороваясь с наступившим утром.

Завидев меня, грифон перестал праздновать начало нового дня. Он прищурился и закурькал с другой интонацией, словно жалуясь на свою судьбу в целом и на одну девушку в частности, а потом небрежно повел подкопченными крыльями, точно проверяя, что они остались на месте, и вальяжно затрусил ко мне.

Я же пугаться не спешила и поставила возле него ведро воды. Диковинный зверь не стал воротить клюв и изображать из себя птицу высокого полета.

Он прекратил оглашать замок криком разбуженного часового и благодарно припал к воде, намереваясь утолить накопленную за ночь жажду.

Любоваться тем, как пьет грифон, я не стала, поскольку мне однажды довелось увидеть сей процесс, и перспектива наблюдать его повторно меня не прельщала.

Поэтому я оставила полуптицу-полульва восполнять истраченные запасы организма и прошествовала в башню, противоположную той, где прошла моя ночь. В замке подобных построек насчитывалось всего четыре.

Башня, в которой я оказалась, использовалась мною для хранения основных пищевых запасов, как гордо именовал их Гарконаш. Сам летающий ум, честь и совесть располагался в донжоне, наиболее пригодном для проживания и благополучного обитания в стенах замка. Компанию ему составляли Милика со Шрамом и Тихоней, а также различные предметы мебели, портреты, забитые шкафы с одеждой семейства Марлоу и огромная библиотека, занимающая целый этаж небольшой башни.

В донжоне я старалась проводить время либо в обществе великого всезнайки, ребенка и берийских псов либо за готовкой еды на кухне для себя и вышеперечисленных личностей, за исключением летающей книги. Гарконаш не нуждался в земных яствах, ему достаточно простой духовной пищи от пыльных кусков бумаги.

Вся обстановка в башне напоминала мне о Марлоу, что распаляло желание крушить все, что попадет под руку. Поэтому одна я там старалась не находиться. Мало ли что могло произойти.

Помимо библиотеки, кухни, больших залов и помещений в донжоне усилиями предков мага была построена купальня, единственная в целом замке. Ею не пользовалась ни я, ни Милика, ни тем более Гарконаш. Что-то сломалось в механизме подачи воды, а исправить поломку оказалось не в моих силах. Здесь нужны были крепкие руки, мужские мозги и умение приложить эти две важные составляющие в одном месте, да так, чтобы был толк.

Мозгами обладал Гарконаш, а с руками не срослось. Ни у него, ни у меня. Пока что нам хватало большой деревянной бадьи, воду для которой я нагревала с помощью запасенных дров и собственного огня, но кто знает, как часто любит принимать ванны Киммер. И по сколько раз на дню.

Башня, служившая мне для ночлега, представляла собой склад только моих вещей. В ней у меня была персональная лаборатория, в которой я создавала различные настойки, хранилище собранных трав, шкафы для одежды и комнаты для испорченных принадлежностей, которые, как я считала, еще можно вернуть в первозданный вид или вдохнуть в них новую жизнь. А также там были памятные предметы и сувениры, среди которых затесалась и парочка инородных сокровищ, доставшихся мне по наследству от прошлого обитателя замка. Не предков Марлоу. То, что имело к ним отношение, я чуяла буквально за версту.

В последней башне мне побывать не удалось. Марлоу ее закрыл. Наглухо. Как и ворота.

Но если за территорию замка выбраться можно и без использования центрального входа, то залезть в заветную башню — никак!

Потайных ходов, ведущих в нее, я не обнаружила, а от опутавших башню плетений мне медленно и неотвратно хотелось освободить желудок от его содержимого.

И каждый раз, когда я проходила мимо запертых секретов Марлоу, во мне вспыхивала искра любопытства, которая в последнее время разгоралась все сильнее и сильнее.

Дело в том, что одним грозным вечером в крышу башни угодила молния, и в ней образовалась лазейка. К моему неописуемому несчастью, пролезть в нее в облике дракона не представлялось возможным. Размеры не те. И у лазейки, и у моего звериного тела.

А проникнуть в человеческом облике я не могла, поскольку была опасность сорваться с покато́й крыши вниз, прямо на галереи оградительных стен. Что, собственно, уменьшало мой энтузиазм поживиться секретами Марлоу, но полностью его убить не могло.

Терпение — величайшая добродетель. И оно вознаграждается сторицей. Особенно когда удается перевоплотиться в дракона после двух лет упорных попыток добиться желаемого

результата.

Самой.

Без посторонней помощи.

Первым делом я заглянула в подвал, где хранила скоропортящиеся продукты.

В основном мясо, добытое мною на охоте или купленное на рынках тех стран, в которых мне удалось побывать благодаря Марлоу и его жажде наживы. Неощипанные куропатки, замершие в последнем прыжке олени, тушки зайцев и кроликов громоздились на покрытом инеем полу, столах и полках. На вбитых в потолок крюках висели связки рыбы, речной и морской. Особой гордостью в этой коллекции съестного был обитатель подводного мира, двухметровый и грозный, угрожающе скалящийся неровной кромкой рта, словно передавая привет из черной бездны, в которую он попал.

Надо будет приготовить из него нечто грандиозное. Такое, что впечатлит Киммера. Ставлю свой ошейник на то, что подобного он не пробовал. В Элирии нет морей и океанов. И климат там недалеко ушел от Ведьминой Чаши, что уменьшает шансы появления такого гиганта в разы.

Но шла я не за дохлой рыбиной, нет. За нежным мясом кролика. Видела я, как один грифон гонялся за ушастым по всему лугу, получая от погони не меньшее удовольствие, чем от пойманной добычи. И с каким наслаждением он раздирал пушистое тельце... брр!

Взяла парочку тушек, так, на всякий случай. Мало ли, насколько оголодал раненый грифон. Тем более возвращаться мне не особо хотелось, прохладно здесь, подвал бодрит. Да и интуиция подсказывала, что нужно брать больше. Если что, домочадцы съедят.

Например, Киммер. Он же мужчина. А мужчины много едят. Так говорит Снедька, и я ей охотно верю. Она трижды была замужем, поэтому врать не будет!

Как позже оказалось, взяла я дополнительную тушку не зря!

Скучно стало грифону. Ведро пустое, никого нет, а виновница всех его бед убежала в известном направлении.

Надо ее подкараулить и напугать!

О, так она еще и с едой? Заберем ее!

Первого кролика он проглотил моментально. Настолько стремительно, что вместе с окоченевшей тушкой едва не получил добавку в виде моих не успевших спрятаться от нахала пальцев.

За второй порцией крольчатины ему пришлось немного побегать. Предчувствую, что, когда восстановятся крылья, атаки начнутся еще и сверху. А сейчас всего лишь генеральная репетиция будущих развлечений, ничего существенного!

На эмоциях я отбросила от себя еду для грифона как можно дальше, и летающий прохвост, царапая когтями плиты, устремился за ускользящим от него призом.

Передвигался он достаточно шустро, а прыжок с последующим исчезновением кролика окончательно убедили меня в лечебных свойствах капель цветка. Ранее я с подобным не сталкивалась и имела о лекарстве лишь размытое представление, да и то со слов Гарконаша.

Теперь же я с гордостью могу сказать, что эксперимент прошел удачно. Испытуемый пока еще жив и даже пребывает в сознании.

Мой воодушевленный взгляд грифон истолковал несколько иначе.

Он вдруг захромал, жалобно закурлыкал и побитой кошкой заковылял в мою сторону, понуро опустив голову. Мол, смотри, какой я раненый, уставший, какие у меня хрупкие лапки, а ты большого бегать заставляешь, жестокая женщина!

— Актер, настоящий актер из труппы, устраивающей представления на площадях в городские праздники... Точно! Буду звать тебя Актером! Нравится имя?

Грифон покаянно курлыкнул и уткнулся мне клювом в бедро, намекая на то, что его можно и

погладить.

Трогала я его осторожно, боясь повредить пострадавшие перья и покрасневшую кожу. Как ни странно, явного неудобства от моих прикосновений грифон не испытывал, подставляя голову под руку и оставляя кусочки птичьего пуха на моих ладонях. Его курлыканье изменилось в тональности, и мне почудилось, будто бы в нем проскользнули нотки мурчания большой кошки, являющейся полноправной частью Актера.

— Ну все, грифонище, пора и честь знать. Дел много нужно сделать, пока солнце не заиграло в полную силу...

— Тогда вам нужен помощник, дабы дела пошли быстрее! — Мужской голос прервал нашу с Актером идиллию.

Грифон недовольно начал описывать хвостом круги, а я поморщилась, но сдержала протестующий вопль, вызванный внезапным появлением Киммера.

Я рассчитывала, что он продолжит сидеть в донжоне и носа из него не покажет. Но у принца, видимо, на этот счет было свое мнение и совсем другие планы.

ГЛАВА 6

Приятно, когда ты спишь не один, а в компании вкусно пахнущего травами существа, греющего тебе бок на протяжении всей долгой ночи.

Воображение рисует притягательный образ, основываясь на тех недостоверных сведениях, что поступают извне, и как же оно неизменно ошибается в итоге!

Распахнув глаза, словно умелая горничная створки начищенных до блеска окон, Киммер обнаружил, что такой манящий аромат исходил от берийского пса, которого Милика называла Шрамом.

Верный четвероногий друг девочки удобно положил морду на грудь принца, позволяя тому во всей красе разглядеть тянущуюся от правого уха до ноздрей тонкую линию шрама, чудом миновавшую уцелевший глаз. И не давая никакой возможности снять с себя живое одеяло без его на то позволения или посторонней помощи.

Стоило Киммеру пошевелиться или приподняться, как из пасти Шрама раздавалось негромкое рычание, напоминающее принцу о том, что он не главный в замке и менять свое местоположение ради сомнительных прихотей столь удобной подушки пес пока не намерен.

Вдоволь намучившись на неудобном ложе от ставшей тяжелой морды пса, Киммер хотел уже разбудить Милику, дабы она отогнала своего питомца от его тела, как со стола неспешно поднялся хозяин библиотеки.

Прошелестев над спящими головами гостей, он подлетел к парочке и быстро заработал страницами над ухом пса, словно въедливая оса над целенаправленно выбранной жертвой.

Шраму действия Гарконаша не понравились. Он снова высказал свое недовольство известным способом, но назойливый звук не прекратился, и тогда пес открыл глаза.

И уставился в зеркало души Гарконаша.

Шрам стремглав отдал занятые позиции Киммеру и быстро залез под стол, будто там и располагалось заветное укрытие от книги знаний, умеющей быть убедительной и немногословной, когда того требует ситуация.

Принц благодарно кивнул нежданному спасителю, с хрустом встал и закрыл за собой дверь. Милика не проснулась, крепко увязнув в сонном царстве, а Тихоня сделал выбор не в пользу принца. Он замороженно наблюдал, как Гарконаш приближается к Шраму, зловеще стрекоча отрастающими страницами...

Киммер неторопливо спускался по большой гранитной лестнице, попутно рассматривая висящие на стенах портреты в позолоченных рамах. Невооруженным взглядом было видно, что художник изображал лиц весьма знатных и не лишенных магических способностей, что выражалось в особом символе, размашисто выведенном в левом верхнем углу произведения искусства.

От картин исходила странная энергетика, и Киммер не удержался и достал сигнализирующий о наличии колдовства камушек, но тот остался безучастным и ничего не показал.

Решив, что рассматривать семейство по фамилии Марлоу так пристально не стоит, принц спустился к камину, где его и нашла вчера Милика со своими берийскими псами.

На одном из кресел стопкой лежала мужская одежда. Простая, можно даже сказать, крестьянская, но чистая и неношенная, что не могло не радовать Киммера.

Принцу порядком надоел его парадный вид, поэтому он быстро переоделся в то, что ему принесла Кайла. В ее помощи он ни на секунду не сомневался, поскольку в том, как были сложены рубашка, штаны и плащ, чувствовалась женская рука. А Милика всю ночь провела в библиотеке и не могла принести сюда эти вещи. Остается Кайла, девушка, которую он, Киммер, еще не видел. Но жаждал исправить столь вопиющее недоразумение. Пособника похитителя стоит узнать как можно лучше и быстрее. Пока что время работает точно не в пользу принца!

Покинув гостеприимные недра башни, напоминающей формой и размерами донжон, Киммер с наслаждением вдохнул бодрящего воздуха Ведьминой Чаши и поднялся на одну из галерей оборонительных стен.

Открывшийся вид его впечатлил.

Замок находился на небольшом островке суши посреди озера, которое располагалось буквально в двадцати метрах от стен. Сквозь непроницаемую гладь дополнительного препятствия к свободе не было видно абсолютно ничего, ни всплеска, ни движения в пугающей глубине вод. Настолько они оказались мутными и темными, что Киммер сразу отказался от идеи нырять и проверять на себе, кто и что обитает на дне неизвестного озера.

Что, собственно, и не исключалось, поскольку мост, связывающий замок и прилегающие территории Ведьминой Чаши, отсутствовал напрочь, словно дракон, улетаая, забирал его с собой.

Это открытие окончательно убедило Киммера в том, что потайные ходы есть и они активно используются. Иначе как Кайла попадает за стены замка и возвращается обратно?

Дальше простирались сосны. Огромные, вековые и величественные, наполняющие воздух терпким запахом смолы и хвои.

А за ними выросли горы, верхушки которых терялись в непонятных образованиях, напоминающих облака.

Принц обреченно присвистнул, понимая, что его шансы на побег стремительно тают, словно снежинки в жаркий летний день.

Преодолеть горы без снаряжения не удастся. Без проводника пройти через ледяную пустыню, отделяющую Ведьмину Чашу от остального мира, он тоже не сможет. Значит, остается ждать похитителя. И расспрашивать Кайлу обо всем, что она знает.

Главное, набраться терпения и ждать, когда судьба подкинет тот верный шанс все изменить. А Киммер его не упустит. Слишком многое поставлено на кон, чтобы перестать бороться и смириться. Не для этого Киммер выжил на войне и согласился на брак с принцессой, которая теперь не кажется такой уж противной и фальшивой.

— Чем больше мы с вами, Кайла, препираемся, тем солнце восходит выше, драгоценное время уходит, и малышка дольше остается одна, грустная и одинокая... Неужели она вам настолько безразлична?

— Милика не одна, с ней два берийских пса! Они ее в обиду не дадут, будьте уверены! И если вы так за нее печетесь, то могли бы пойти и составить ей компанию! Там вы полезнее, чем здесь!

— А вы отчаянная девушка! Не боитесь доверять неизвестному человеку ребенка, не зная о нем ничего? А вдруг я из тех, кто детишек ест на завтрак, обед и ужин?

— Вы? Не смешите богов, Киммер. Я знаю о вас достаточно, чтобы не бояться за Милику.

— Ну вот, Кайла, видите, какая между нами пропасть. Вы обо мне знаете достаточно, а я о вас — ничего. Вам не кажется, что это несправедливо?

Я закатила глаза и застонала в голос. Актер сочувственно потерся о мою ногу, а Киммер самодовольно улыбнулся.

Каков наглец!

Мало того что он без разрешения покинул библиотеку, не побоялся выйти на площадь и отыскать там меня, так еще и набивается в помощники!

Это ж насколько я плохо выгляжу, что не могу справиться с обычной женской работой?!

— А не пойти ли вам, Киммер, обратно в темницу? — грозно произнесла я, почесывая мягкую шею грифона и заставляя того позабыть о том, что есть кто-то еще, кроме меня и моей ласки. — Обещаю, что в этот раз я обе двери закрою на ключ, уж будьте уверены!

Принц примиряюще поднял руки, делая вид, что сдался. В моем приданом он выглядел как-то мило и по-домашнему, словно всю сознательную жизнь провел в подобном одеянии, а не в королевских пышных камзолах да при дворце.

— Хорошо, дорогая Кайла, пусть будет по-вашему! — Киммер смиренно опустил голову, словно боялся прогневать кого-то... Неужели меня? — В Элирии в порядке вещей помогать женщинам во всех их нелегких делах, но если в вашей стране подобное недопустимо, то я приму правила этикета, которые здесь царят! Тогда прошу запереть меня в ту злосчастную клетку — не могу смотреть на страдания тех, кто добровольно отвергает помощь!

Я опешила. Принц умело загнал меня в поставленную им ловушку.

Получается, что если я не возьму его с собой, то обязана запереть его в темнице, потому что не принимаю его помощь из-за непомерной... гордыни?

Я не выдержала и расхохоталась.

Глупенький!

Я берегу твои руки от знакомства с тем, что поставит тебя на одну ступень с простой безродной девкой, пусть лишь на время, но поставит. Хотя не скрою, подобные мысли меня посещали, когда обнаглевшие принцы, принцессы и иже с ними переходили грань дозволенного и буквально требовали поставить их на место.

Останавливало меня только то, что за такое Марлоу по головке меня не погладит, а придумает изощренное наказание, что добавит мне грустных воспоминаний и еще больше укрепит мою ненависть к нему. Но коль вы, наследник Элирии, настаиваете...

— Следуйте за мной, Киммер, и помните, что я вас предупреждала!

Вместе с нами к деревянным постройкам отправился и грифон. Меня его присутствие не напрягало, а почему Киммера не волновал Актер — не имею ни малейшего представления. Подозреваю, что берийские псы произвели на принца настолько неизгладимое впечатление, что грифон воспринимался им как должное. Если такие зверушки девочку охраняют, то почему летающая кошка с орлиной мордой должна вызывать более бурные эмоции?

— Надо же, — присвистнул принц, наблюдая, как я убираю засов и отворяю дверь в хлев. — Существует все-таки в замке место, которое вы запираете. А вы, Кайла, оказывается, не так безнадежны, как кажется на первый взгляд!

— Если вы так же умелы в домашних делах, как работаете языком, то я, так и быть, сделаю для вас то, что никому не делала...

— И что же это, Кайла? — Киммер приблизился ко мне, используя тактику того тролля, не пускавшего меня к Марлоу.

Я сократила между нами дистанцию и прошептала ему на ухо:

— Возьму вас, милый принц... в свои постоянные помощники! А теперь не стойте столбом, вы же обещали хрупкой даме помощь!

Киммер снял плащ и повесил его на гвоздь рядом с теплой накидкой Кайлы.

Принца до глубины души поразило, что девушка не склонна выделяться нарядами, ведь их вещи, дожидаящиеся своих хозяев на крючке двери хлева, выполнены из одного материала, без особых украшений, помогающих определить сословный статус.

До того как были сказаны первые слова между ними, Киммер представлял Кайлу эдакой мегерой, помешанной на тотальном контроле, жестокой и предвзятой, как старый паромщик, курсирующий между двумя враждующими берегами.

Но во время словесной пикировки придуманный образ разрушался, как хижина огров под шквальным проливным дождем, и принц смог увидеть, что в девушке нет того, чего он успел вдоволь нафантазировать.

Да, Кайла неохотно идет на контакт, недоверчива, и на то у нее есть причины — прожила она долгие годы в замке, если верить Гарконашу, в изоляции от мужчин и общества. Так почему она должна сразу и бесповоротно открываться первому встречному?

Да и кто он, Киммер, такой? Просто пленник, очередной принц, которых здесь было сколько? Двое, трое, пятнадцать?

Не важно.

Их нет, зато есть Кайла. Очаровательная Милика. Два грозных берийских пса. Негодник Гарконаш. И этот странный грифон, который всюду таскается за девушкой, как собачонка на привязи. Так даже Тихоня со Шрамом себя не ведут, а им положено. Лучшие друзья человека все-таки.

— Эти не трогайте, из них еще могут вылупиться детки. — Кайла подходила то к одному гнезду, то к другому, проверяя яйца загадочных несущек, уплетающих приготовленный корм в веселой перебранке и не обращающих на посетителей абсолютно никакого внимания.

Киммер с нескрываемым любопытством рассматривал бойких и пухлых птиц, смахивающих на огромные шары, покрытые темно-зелеными перьями, и было не очень понятно, кто перед тобой, мальчик или девочка.

На родине Киммера подобных существ отродясь не водилось. Может быть, забрать себе парочку?

— Что за порода? — деловито спросил он.

Кайла пожала плечами:

— Не знаю, я не сильна в... классификациях. Гарконаш считает, что они — коренные жители Ведьминой Чаши. Я их зову пушистиком. — Кайла улыбнулась и протянула Киммеру яйцо размером с его кулак.

Он осторожно принял дар, стараясь ненароком не соприкоснуться с девушкой.

— А Гарконаш называет по-другому, по-ученому, — добавила она.

Киммер вопросительно посмотрел на Кайлу. Та произнесла название вслух.

Брови принца поползли вверх.

— Ка-а-ак? Скажи еще раз!

Девушка расхохоталась. И повторила. Три раза.

На четвертом принцу удалось воспроизвести услышанное в точности.

— А вы быстро учитесь, принц...

— Я способный малый, Кайла. Смею вас заверить, что вы не единожды убедитесь в справедливости моих слов.

— И скромный, как Гарконаш! — Девушка закончила собирать яйца и позволила принцу забрать наполненную до краев корзинку.

Киммер хотел уже было положить в нее и переданное Кайлой яйцо, как оно начало светиться, будто там изнутри птенчик решил раскрыть свое инкогнито.

— Так и должно быть?

— Замри и не шевелись! — Кайла приблизилась к принцу и прикрыла источник света ладонями, словно это — щит от невзгод и ненастья.

Раздался хлопок, и сквозь нестройный хор пушистиков прорезался тонкий голосок, оповещающий всех о том, что на одну персону в этом месте стало больше.

Киммер заворуженно смотрел на птенца, вылупившегося у него на глазах.

Слегка покрытый нежным пушком, он имел коричневый окрас и глазками-бусинками внимательно вглядывался в того, на чьих руках произошло его появление на свет.

— И часто вам приходится быть акушером, Кайла? — хрипло спросил принц, не смея пошевелиться.

— Я стала мамой в первый раз, как и вы, Киммер! — Девушка небрежно отряхнула руки от скорлупы, после чего забрала корзинку у принца. — До сегодняшнего дня я никогда не видела, как пушистики приходят в наш мир. И понятия не имела, что они могут вылупиться из

мертвых яиц.

— Мертвых?

— Да, — серьезно произнесла Кайла, пальцем погладив птенца, что не вызвало прилива удовольствия ни у Киммера, ни у крохи. — Мы собрали с вами мертвые яйца, принц. Съедобные, пригодные в пищу. Из них получается вкусный омлет.

Наследник Элирии почувствовал, как в предвкушении заныл его желудок.

— Но в них нет малышей. Они тяжелы, холодны и оттого пусты... — закончила свой рассказ о пушистиках Кайла.

— Получается, мы с вами стали свидетелями чуда? — Киммер ласково почесал птенчику под клювом, отчего тот зашелся радостным писком.

— Получается, да, — задумчиво сказала Кайла, хитро поглядывая на принца.

Она опустила корзину на пол, приосанилась и запела.

Киммер забыл, как дышать. Вместе с птенцом и грифоном, вольготно разместившимся в проходе хлева, он наслаждался пением Кайлы, чистым и нежным, как поцелуй любимой женщины.

Принца покорила ее голос еще тогда, когда они только обменялись парой слов, а теперь он мог сказать наверняка, что ничего красивее он в своей жизни не слышал. И от этого ему стало очень тоскливо.

Пушистики оставили принесенный корм и обступили Кайлу, взяв в плотное кольцо. Они довольно заклохтали и заискрились всеми цветами радуги, делая представление Кайлы ярким и красочным, словно она выступала перед самой настоящей дворцовой публикой на праздничном приеме у короля, а не в каком-то хлеву старого замка Ведьминой Чаши.

Киммер жадно запоминал ее такой, свободной и радостной, впитывая каждую секунду увиденного действия, каждую ноту ее чарующего голоса, справедливо опасаясь, что больше подобного он никогда не увидит и не услышит.

Кайла пела и замечала, как в глазах принца разрастается печаль. Такая неподъемная, безысходная и осмысленная, будто принц принял какое-то решение, неприятное и неизбежное.

От которого он не посмеет отступить, как бы тяжело ему ни пришлось.

ГЛАВА 7

— У меня нет слов, Киммер... Ваша техника просто ужасна! Разве вы не понимаете, что животному неприятно, когда его доят вот так, как вы, двумя пальцами?!

— Уж извините, Кайла, кулаком доить я не привык! Для меня главное результат, и я выиграл, имейте мужество признать это!

— Признать? Нет уж, дудки! Вы сжульничали! Вы заставили бедных морхов отдать вам молоко до капли, лишь бы больше вы не трогали их своими грязными пальцами!

— Они чистые! Впрочем, знавал я таких дам, как вы. Они ни при каких обстоятельствах не признают своего поражения, поэтому, так уж и быть, я принимаю его без подтверждения моей правоты и даже обещаю не глумиться! Честное королевское!

— Прошу вас, не посвящайте меня в подробности вашей бурной личной жизни. Я хочу спать спокойно и не бояться, что вы придете ко мне под покровом ночи, как за очередным трофеем в коллекцию.

— Готов поспорить, очаровательная Кайла, что это вы ко мне придете под покровом ночи, такая трепетная и волнующая, но я не дамся, увы и ах...

— Хам!

Я обиженно надулась и насупилась, пока Киммер беззаботно нес два больших кувшина с молоком, не забывая самодовольно сверкать зубами.

Ну-ну, улыбайся-улыбайся, моя месть будет сладка!

Поначалу ничто не предвещало беды. Мы закончили с пушистиком и занялись морхами, парнокопытными животными с толстой темной шубой, массивным лбом и небольшими рогами, значительно уступающими моим.

Раздельных секций в хлеву не было, поскольку пушистики и морхи прекрасно сосуществуют в дикой природе и создают взаимовыгодный симбиоз: пушистики выклевывают из теплой шкуры морхов паразитов, а те, в свою очередь, защищают их от хищников.

Странно, что такой союз не распался в хлеву, ведь пушистики были под моей полной защитой и заботой, и морхи не могли предложить им ничего равноценного взамен. Видимо, дело в многовековой дружбе. И во вкусовых предпочтениях пушистиков.

У морхов очень сытное молоко. Оно нравится мне, Милике и даже Тихоне со Шрамом. Подозреваю, что и Киммер оценит его по достоинству, но спрашивать об этом не буду из принципа. Слишком много чести общаться с жуликами, не скрывающими того, что они смухлевали!

Повелась, как сопливая девочка, на искренние глаза наперсточника! И его предложение: «Давайте, Кайла, поспорим, что мой кувшин станет полным раньше, чем ваш. Я морхов, правда, никогда раньше не встречал, но разберусь, чай, не пальцем деланный! Проиграю — исполню любое ваше желание, а если вдруг выиграю, то вы — мое. Идет?»

Ага, пошло! По скользкому маслянистому полу, по злобному заговору высших сил, не иначе!

Я оглянуться не успела, а у Киммера уже полный кувшин молока, хотя мой лишь наполовину заполнен. Вот где в жизни справедливость, а?

Страшно мне. Боязно. Переживаю я за желание его. Чую, непростое оно будет, ничего принц просто так не делает.

Загадает такое, от чего я приду в ужас и позже вспоминать буду со слезами на глазах. Вероятно, что-нибудь неприличное или того хуже. Попросит вернуть его во дворец Филиппа Спокойного или позвать Марлоу для душевного разговора. И не отвертеться мне, спор есть спор.

— Вы подозрительно притихли, Кайла, — уверенно произнес Киммер возле входа в донжон, опасливо щурясь в мою сторону. — Опять гадость замышляете, планируя вернуть меня в клетку?

Я замерла, осмысливая сказанные мне в спину слова (пошла быстрее, дабы не видеть озаренного победой лица принца!), после чего сказала следующее:

— Я умею достойно проигрывать, принц! Вы получите свое желание, каким бы оно ни было! Но впредь попрошу держать свои мысли как можно дальше, поскольку я не давала вам повода говорить о себе в подобном тоне!

Я с грохотом открыла дверь и с гордой осанкой и задранной к потолку головой проскользнула внутрь.

Киммер с грифоном озадаченно переглянулись, принц тяжело вздохнул и пошел за мной следом, пропустив грифона вперед.

Наследник Элирии решил, что Актеру лучше быть со всеми вместе, и я не стала спорить.

Мне было все равно.

— Спасибо за помощь, Киммер, но дальше я сама. Готовить пищу сугубо женская обязанность, вас ждут другие дела. Уверена, что Гарконаш и Милика обрадуются вашему обществу куда больше, чем я, и оценят его по достоинству.

— С чего вы решили, что готовка — женская обязанность? — произнес принц, игнорируя все остальные мои слова. — В Элирии кухня принадлежит мужчинам, и они блестяще справляются с этой задачей.

— Охотно верю вам на слово, Киммер, но спорить не буду, мне мои нервы дороже!

— Так вот в чем дело, — победоносно произнес принц, с вызовом уставившись на меня. — Переживаете насчет спора? Тогда я немедленно озвучиваю свое желание, Кайла, дабы покончить с этой историей раз и навсегда! Готовы?

Я кивнула, уперев руки в боки, и глубоко вздохнула. Посмотрим, что созрело в вашей голове, наследник Элирии!

— После завтрака вы проведете мне подробную экскурсию по замку. Идет? — Принц протянул мне обтянутую перчаткой ладонь для рукопожатия, будто скрепляя этим слова, как договор у ростовщика.

Я громко выдохнула и пожала руку принца, соглашаясь с отведенной мне ролью. Хочет увидеть замок? Всегда пожалуйста! Но по секретным ходам я его точно не поведу, и это не обсуждается! Не хочу потом искать Киммера по горам и лесам. Искренне боюсь обнаружить его хладный труп. И сей страх для меня намного сильнее, чем нежелание получить заслуженную взбучку от Марлоу!

— Раз мы пришли к соглашению, Кайла, то позвольте приготовить для вас мое коронное блюдо! — умоляюще попросил Киммер, приятно сжимая мою ладонь немного шершавой перчаткой. — И вы увидите, как это забываемо, когда кто-то о вас заботится. Вам ведь никто не готовил завтрак, не так ли, Кайла?

Я пожала плечами, тактично умалчивая о своем горьком детстве. Была одна женщина, нанятая Марлоу, в чьи обязанности входило меня кормить, обстирывать и одевать. До определенного момента. Пока маг не решил, что пора мне взрослеть и что я в состоянии сама о себе заботиться.

Именно тогда детство и закончилось: я осталась одна в огромном, как мне казалось, замке, и если бы Гарконаш не подавал признаки жизни, то остались бы от меня рожки да ножки, при условии что перед смертью я превращусь в дракона.

Правы вы, Киммер, забываемо, когда кто-то о тебе заботится, и этим оно и опасно. Вот привыкну я к вашему вниманию, и что мне потом придется делать? Лететь за вами в Элирию? Увы, все не так просто...

— Какая у вас большая кухня, — присвистнул принц, восхищенно оглядывая забитое утварью помещение. — Хозяйева замка любили вкусно поесть?

— А кто не любит? — хмыкнула я, вручая Киммеру белоснежный колпак и фартук. — Я таких не встречала!

— Вы безвылазно сидите в замке? — удивленно спросил принц, пряча густую шевелюру под поварским головным убором. — И не воете по ночам от тоски, распугивая местных волков?

— Почему же безвылазно? Я гуляю по Ведьминой Чаше, небывалой красоты место, скажу я вам. — Тут я не преувеличивала, место и впрямь живописное, особенно если знаешь, где ходить и от кого прятаться. — Вам очень повезло, принц, что вы здесь оказались! Впечатлений наберетесь на всю оставшуюся жизнь!

— И не поспоришь с вами, Кайла, — ухмыльнулся принц, открывая и закрывая многочисленные шкафчики и безуспешно пытаясь что-то найти. — А где у вас лежит кресало и кремь?

Простой вопрос, и мысли мои разбегаются, как крысы при виде Тихони.

Благодаря своей второй сущности для добычи огня мне достаточно сделать небольшую трансформацию глотки и желудка, чтобы подпалить дрова и приготовить пищу.

Ранее только она мне и была доступна, пока я не научилась изменять тело полностью. Поэтому огнем я не пользовалась.

— О, нашел. — Не дожидаясь моего ответа, Киммер достал из дальнего шкафчика, в который даже Милика не совала носа (что удивительно, ведь малышка была любознательной не по годам), проржавевшее насквозь кресало и отсыревший кремь, почерневший от времени.

Киммер огорченно потряс находками (отчего мне захотелось мигом провалиться сквозь землю!) и подошел к подпечью, намереваясь развести там огонь, дабы печь уже начала потихоньку нагреваться.

Ожидаемо, что у него не вышло осуществить задуманное. С такими приборами я глубоко сомневаюсь, что у кого-нибудь вообще получится то, что Киммер хочет воплотить в жизнь.

— Посмотрите еще в том ящике, принц, и разрешите мне попробовать, пока вы ищете: все-таки эта кухня — моя вотчина!

Киммер передал мне кресало и кремь, который, казалось, вот-вот рассыплется на мелкие кусочки и признает свое поражение перед временем и моим небрежным к нему отношением.

Как только принц отправился в указанном мною направлении, я повернулась к подпечью, старательно изображая кипучую деятельность по розжигу огня.

Сгорбившись, как старая ведьма под тяжестью прожитых лет, я прижала голову к плечу, ощущая, как меняется гортань и крутит живот.

Закрыв ладонью расширяющуюся часть левой щеки, почувствовала противное едкое жжение, нетерпеливо кричащее: пора! Хватит держать меня здесь, выпускай меня на волю, живо!

Я гулко закашлялась, выплевывая желтоватый склизкий комочек прямо в каменные недра подпечья, заодно и выкидывая туда остатки бесполезного кремья.

А потом обернулась в поисках принца и радостно увидела, что Киммер продолжал безрезультатные поиски, не заметив мои хитрые действия. Он методично проверял мои полки, словно пытался найти там не только огниво, но и целое сокровище, спрятанное от посторонних глаз в старом котелке, начищенном до блеска.

— Принц, у меня получилось, можете не обыскивать мою кухню, я сама вам охотно покажу все, что вас интересует.

Принц пораженно уставился на мерно дрожащий огонь, дающий тепло печи, и перевел недоумевающий взгляд на меня, спокойную и уверенную в том, что подобное выходит буквально по мановению пальцев, легко и непринужденно, как пролетающий над головой Гарконаш. Пару раз я видела, как он не вписывается в поворот, но это не имеет никакого отношения к случившемуся! Как говорится, исключение подтверждает правило!

— А... мм... — содержательно выдавил из себя принц.

— Ножи позади вас, Киммер. Если понадобятся специи или еще что-то, говорите, не стесняйтесь, буду рада оказать вам посильную помощь.

Принц перестал пребывать в легкой прострации и ехидно посмотрел на меня, его лицо

обретало осмысленное выражение.

Чтобы привести человека в чувство, существует великое множество способов. Одни предпочитают знакомство с ледяной водой, кто-то оживает после продолжительного похлопывания по щекам, а Киммер «трезвеет» от наглости.

Надо запомнить.

Я поудобнее уселась на трехногий табурет, приняла выжидательную позу, закинув ногу на ногу, и приготовилась наслаждаться демонстрацией проявления мужской заботы.

И насладилась ею сполна!

Я нетерпеливо поглядывала на то, как Киммер нежно берет яйца пушистиков и методично отделяет белки от желтков.

Потом с нескрываемым трепетом наблюдала за тем, как он взбивает белки до состояния воздушной пены, а желтки плавно смешивает с пряными травами при помощи моей любимой деревянной ложки. И почему-то не испытывала собственного порыва вернуть ее. Странно, неужели драконья жадность присмирела? Такое вообще возможно?

Я с удовольствием наблюдала, как принц, быстро и без лишних движений отправляет полученную массу в печь, не забывая периодически помешивать готовящееся блюдо все той же деревянной ложкой. И снова жадность молчит. Эй, дорогуша, ты там еще жива?

А вот я, по-моему, нет.

Я затаив дыхание смотрю, как Киммер плавно перемещается по моей кухне, словно заправский танцор по знакомой сцене, успевая нарезать мясо для Тихони и Шрама и покрошить небольшую головку сыра в готовящееся варево.

Принц не забыл и про то, что я здесь, хотя с такими запахами, парящими по кухне, можно позабыть про все. Он протянул мне кружку молока, и я ощутила, как в горле стало сухо.

Мне показалось или принц действительно старается лишний раз меня не касаться? Брезгует, что ли?

Подумаю об этом позже, когда ароматы еды перестанут дразнить меня, как нахальные воробьи дворовую кошку, а Киммер закончит проявлять заботу.

Слишком хорошо у него получается, а я к такому не готова. Отвыкать придется долго и мучительно.

А по-другому я не умею. И вряд ли когда-нибудь научусь.

Милика уплетала завтрак за обе щеки, громко причмокивая от удовольствия. Я благодарно вкушала приготовленное Киммером яство, которое от одной только мысли, что оно было сделано специально ради меня, становилось еще вкуснее и аппетитнее.

Тихоня не изменил себе ни на йоту, меланхолично наблюдая за нашими жующими физиономиями, а Шрам недоверчиво следил за грифоном, не принимая его пока в семью. Я же думала о том, как помыть Актера и остаться после этого целой и невредимой.

Сомневаюсь, что он позволит себя протереть чистым полотенцем, но даже с другой стороны стола я вижу запекшиеся раны на его крыльях, а обработать их нужно. Мало ли какую заразу еще занесет (если уже не занес!), а опыта в ампутации конечностей у меня нет.

Интересно, есть ли он у Киммера?

Принц светится от гордости, словно котел, начищенный до блеска к памятной дате ленивыми школярами. К поварским навыкам Киммера мы отнеслись как положено, со всем пиететом и уважением, что позволяло наследнику Элирии с чистой совестью уплетать свою порцию свежайшей арбулястры. Или эрболады, как называли блюдо сарийцы.

Мне же понравился вариант Киммера: омлет. Коротко и легко запомнить. Да и выговорить не так сложно, как арбулястра или эрболада. Язык сломаешь!

— Вы сразили меня в самое сердце, Киммер. — Я нисколько не лукавила, завтрак и вправду получился отличным. — Не думали стать поваром?

— Думал, Кайла, думал, ночами не спал и грезил о котлах, ложках, белых колпаках и фартуках. Да судьба у меня, видно, такая строптивая, что подбрасывает мне всякие-разные испытания, проверяя на прочность. Вот и приходится заниматься тем, к чему душа не лежит. Политикой, например.

— Вас послушать, Киммер, так принцем быть настолько тяжело, что проще поваром стать, чем блистать во дворце. Я повидала столько наследников королевской крови, что с уверенностью могу сказать: свою жизнь они на поварешку никогда не променяют.

— Принц принцу рознь. — В глазах Киммера блеснула сталь, того металлического отлива, от которого враги должны приходить в ужас.

Я же осталась равнодушной.

Я ем.

— Хорошо тем, кто не единственный венценосный ребенок в семье, — продолжил принц, вытирая губы полотенцем. — Можно возложить большую ответственность на плечи старшего отпрыска, ослабив хватку по отношению к младшим, не забывая их изредка шпынять, напоминая тем самым, что старшего может не стать в любой момент, а свято место пусто не бывает. Хуже обстоят дела у обретенного принца, и когда-нибудь я расскажу вам почему. Не хочу портить наш с вами завтрак неприятными фактами.

И улыбнулся Милике, сказав ей пару фраз на радойском. Малышка радостно что-то зашебетала в ответ. А я надулась, поражаясь, что подобное начинает входить у меня в привычку. Мужское общество так влияет, что ли?

Не люблю я интриги ради интриг. Они, как правило, выеденного яйца не стоят. А мраку и шороха наводят столько, что сердце бешено и неистово стучит, желая узнать любой ценой правду и не давая спокойно уснуть до ее обретения.

В итоге обязательно приходит разочарование, хлопает тебя по плечу, ласково треплет по волосам и выдает обыденную отговорку: я же тебя предупреждало, девочка моя, а ты снова по битому стеклу идешь в полный рост, любимое оно у тебя, да?

Переживу я недосказанность, немаленькая и ученная прожитыми годами, давно той тропкой хожу, привыкла уже. Волнуюсь я, что не понимаю того, что говорит Киммер Милике.

Вдруг он ей голову дурит?

Марлоу научил меня многому, и не все его уроки я одобряю целиком и полностью, но основной постулат его философии усвоила навсегда.

Никому нельзя доверять.

Я Киммера знаю всего один день. Как бы он ни был мне симпатичен, не стоит забывать о том, что он всеми силами стремится вернуться домой.

И экскурсия по замку — маленький шаг навстречу родной Элирии.

Для начала разведать место, в котором тебя удерживают, узнать ходы и выходы, сделать первые наброски к плану по освобождению своей королевской персоны. Вторым шагом станет изучение Ведьминой Чаши, особенностей ее климата и обитателей, дабы образ пути к спасению приобрел яркость и четкость. А если принц узнает, что драконом являюсь я...

Тогда после задушевных бесед с Миликой Киммер вполне может решиться взять ее в заложники, вынудив меня доставить его туда, куда посчитает нужным. И я не смогу ему противиться, ведь с чужой жизнью так просто не шутят. Особенно с жизнью ребенка, о прошлом которого я не имею ни малейшего представления.

Когда я нашла ее посреди промерзшего леса с мишкой в руках, Милика не разговаривала. Только плакала, вздрагивала от малейшего шороха и прижимала к груди единственное напоминание о прошлом. Мне потребовалось полгода на то, чтобы привести ее в чувство. Чтобы она перестала пугаться стучащего в окно ветра, укрываться с головой одеялом, прячась от неясных шорохов и скрипов, чтобы перестала плакать от воспоминаний, причиняющих ей боль.

Мне помогли Тихоня и Шрам. Два берийских пса стали ее защитниками от ночных кошмаров, страхов и опасностей, следуя за девочкой по пятам и позволяя себя гладить и тискать вне зависимости от времени суток.

Постепенно малышка оттаяла и начала доверять мне. Самым сложным оказалось подготовить ее к знакомству с Гарконашем, которое, несмотря на мои опасения, закончилось весьма хорошо и продуктивно: он выведаль ее имя.

Милика.

К сожалению, все языки для летающей книги одинаковы. Гарконаш общается мысленно, так сказать, на всеобщем языке, не имеющем диалектов, специфического произношения и грамматики.

Это позволяет ему разговаривать со всеми, но чего-то другого, кроме имени, мы от малышки так и не узнали. Сознание Милики решило оградить девочку от неприятных событий минувшего, лишь изредка напоминая о прошлом тяжелыми сновидениями, бросающими ее в дрожь, но благополучно исчезающими с первыми лучами утреннего солнца.

— Раз с завтраком покончено, то не проведете ли вы для меня обещанную экскурсию по замку?

— Разумеется, принц. — Я отставила пустую тарелку в сторону и переглянулась с Миликой, на личике которой появились заметные усы от молока морхов. — Я номою посуду, отведу Милику к Гарконашу и буду в полном вашем распоряжении.

— Вы не боитесь оставлять девочку на попечение книги? Мало ли что может случиться.

— Нет, почему я должна бояться за нее? — удивилась я. — Тихоня и Шрам от нее ни на шаг не отходят, а Гарконаш не слепой. Он прекрасно контролирует библиотеку и не допускает никаких вольностей на своих занятиях.

Брови Киммера поползли вверх.

— На занятиях? Он что, Милику учит?

— А почему Гарконаш не может ее учить? Его знания обширны и многогранны, и обучать он умеет, можете мне поверить. А то, что у него своеобразный вид... Знаете, Киммер, я не считаю это недостатком, скорее это его достоинство. Милике полезно видеть необычных существ, чтобы не пугаться подобных им в больших городах.

— Сомневаюсь, что таких, как Гарконаш, она когда-нибудь встретит, — улыбнулся принц, наконец-то понимая, к чему я клоню. — Хотите обучить девочку до поступления в школу, чтобы ей было легче грызть гранит науки?

— Да, все верно, принц. Только не в обычную школу, а в пансион благородных девиц.

— Даже так... — задумчиво протянул Киммер. — Интересно. Получается, бросать Ведьмину Чашу вы не собираетесь? Чем же она вас так пленила? Природа, замок, деньги?..

— Нет, принц, не природа, — грустно произнесла я, расстегивая верхнюю пуговицу на воротнике, — не замок, и не деньги. А вот это. — Преодолев еще две пуговицы, я продемонстрировала Киммеру ненавистный ошейник. — Вот что меня здесь держит и не дает бросить это криминальное занятие раз и навсегда. Я привязана к замку магией и не могу покидать его без разрешения хозяина, который не придумал ничего лучше, чем повесить мне на шею колдовскую удавку. Я не понаслышке знаю, каково это, когда ты мечтаешь увидеть целый мир, познакомиться с интересными людьми и нелюдьми, завести семью, а в итоге... остаешься в четырех стенах, где поговорить можно разве что с летающей книгой, да с двумя псами, если приходится совсем худо. Что ждет Милику, если она останется здесь надолго? Уверена, что повторит мою судьбу. А этого я не допущу, как бы тяжело мне ни пришлось.

ГЛАВА 8

— Язык мой враг мой, — обреченно кряхтел Киммер, пытаясь пролезть в небольшой прямоугольный проем, в глубине которого располагался искомый механизм. — Вот кто меня за него тянул? Пил бы сейчас горячий чай с гоблинскими сладостями в приятной женской компании, а вместо этого вожусь в грязи и сырости и строю из себя знатока с золотыми руками и большим сердцем. Зато как красавицы обрадуются, когда я все почию...

Кайла свое обещание выполнила, провела экскурсию как положено. Показала галереи, большинство комнат, даже рассказала уютные истории, связанные с гардинами, шкафами и прочими предметами позабытого богами замка. Киммер слушал ее голос, представляя, какая же она — брюнетка или блондинка? И какого цвета ее лучистые глаза? В одном принц был уверен полностью: Кайла точно красавица. Голос не может обманывать.

Как и запах. С недавних пор он тоже начал принимать участие в дополнении образа Кайлы и настойчиво преследовал наследника Элирии, где бы он ни оказался.

Особенно здесь, в подвальном помещении донжона, оборудованного под купальню.

По признанию Кайлы, эту просторную комнату она посещала лет так двенадцать назад, а может, и больше. Тогда почему ее запах пропитал тут все? Киммер не знал этого, да и не хотел знать. Он просто наслаждался заполняющим пространство ароматом, от которого становилось так тепло на душе, что и никакого солнца не было нужно. Голос бы тот еще, вызывающий рой приятных мурашек по телу, и о починке механизма можно точно забыть, что чревато последствиями.

Слово свое мужчина должен непременно держать, иначе никакого доверия от женщины он не получит. И уважения от других мужчин тоже.

В королевском дворце Элирии купальня занимала целое здание, массивное, вырубленное из белого камня и ставшее одним из ярких воспоминаний принца, только-только вернувшегося с полей сражений под победное пение горнов.

Наследник до сих пор помнил то светлое чувство, когда теплые струи воды скользят по уставшему телу, смывая вместе с грязью пережитые страдания, отчаяние и безысходность.

Купальня этого замка была совершенно иной. Приземленной. Словно граница между верхним и нижним мирами.

В ней царил полумрак, разбавленный зеленоватым светом. Он тускло бил из боковых плит до тех пор, пока Киммер не разобрался, какой из рычагов за что отвечает, и не наполнил купальню синим свечением, льющимся прямо с потолка. Для контраста принц добавил при помощи нехитрых манипуляций ярко-красные вспышки по краям пустых бассейнов, чтобы было видно, что где находится, — ненароком туда можно было свалиться.

Осталось разобраться в одной мелочи: как включить подачу воды?

С подобными устройствами Киммер никогда не сталкивался, но опыт ласково хлопывал его по плечу, приговаривая, мол, ничего, прорвемся, где наша не пропадала. Из любых передрыг живыми выходили, ты же помнишь?

И принц вспоминал, сдвигая неприметную плиту в сторону, изучая нанесенные с той стороны наброски и понимая, что Элирия отстала от чудного зверя по имени Прогресс. Утешало, что Сария тоже, но от осознания этого легче не становилось.

Магией можно сделать многое. Вылечить, когда снадобья и травы бессильны, противопоставить одного бойца целой армии и добиться этим победы, соорудить конструкцию, поражающую воображение и существующую вопреки всему.

Магия творит историю. А что делать там, где ее нет?

Милостью богов или глумлением над смертными, но магический эфир, являющийся необходимым элементом колдовской искры, распространен неравномерно. Где-то его больше, что позволяет магам творить сложные и энергозатратные заклинания. Где-то — меньше, что вынуждает колдунов тщательно рассчитывать свои силы. А где-то и вовсе его нет, что сводит попытки ощутить магию к нулю.

Такие страны, лишенные подпитки чародейства, объединились в Содружество и пошли другим

путем, продвигая гениев науки.

Со временем история показала, что такой подход оказался верным и единственным способом сохранить суверенитет от посягательств непрошенных гостей, имеющих тягу к колдовству и стремящихся отобрать чужие территории.

Содружество не стало изолированным объединением, оно охотно поставляло в другие страны, заинтересованные в их товарах, различную технику, облегчающую быт. С одним из образцов этой самой техники Киммеру и пришлось нежданно-негаданно познакомиться поближе.

Почему такой аппарат стоял в замке, принц прекрасно понимал. Окутавшие территорию каменной крепости плетения не оставляли ни малейшего шанса на то, что магия здесь будет работать. Вот создатели замка и подготовились основательно, купили чудо-машину для удовлетворения их насущных потребностей.

Пока однажды она не перестала поставлять в купальню воду.

Почему ее не починили сразу? Отпала надобность в ней?

Киммер долго и упорно ковырялся в непонятном аппарате, досконально рассматривая каждый элемент, пытаясь понять, что именно могло прийти в негодность.

Он думал, думал и думал, как вдруг пришло озарение. Неясное, подернутое дымкой сомнения и надежды, но Киммер, наученный хвататься за любую попытку, не стал отгонять его в сторону.

Лицо принца осветила победоносная улыбка, и он со всех ног побежал к Кайле, переживая, что внезапно пришедшая мысль исчезнет.

— Если я прав, то сегодня будет банный день! Надеюсь, что все получится... — бубнил наследник Элирии, перепрыгивая через несколько ступенек сразу.

Ему не терпелось увидеть радость на мордашке Милики и представить те же эмоции в глазах Кайлы. В глубине души он надеялся, что воображение и реальность когда-нибудь станут едиными.

Шрам настороженно обнюхивал воду, плавно заполняющую небольшой бассейн (коих в купальне построено с десяток, не меньше), попутно размышляя над тем, а стоит ли вообще туда лезть. Его брат Тихоня подобными думами не страдал и уже вовсю плескался с хохочущей Миликой, периодически пытаясь ухватить ее зубами.

Актер, за которого я волновалась больше, чем за других обитателей замка, спокойно отнесся к водным процедурам, и теперь над пузырящейся поверхностью торчала лишь его умная морда, причем глаза грифона были закрыты то ли от наслаждения, то ли от нежелания видеть набирающее обороты безобразие.

Я же, подобно Шраму, не спешила погрузиться в теплые объятия вод, но отнюдь не из-за страха перед стихией, а из-за стыда, вызванного собственной глупостью, что не укрылось от Киммера.

Принц нашел причину этой поломки. Кто-то вытащил важную деталь из аппарата, что привело к поломке системы подачи воды из горячих источников. И я даже знаю, кто это сделал!

Киммер описал мне отсутствующую деталь, и мне тут же вспомнилась она, такая красивая, блестящая, буквально кричащая о том, как ей плохо там, в темноте и сырости. Разве могла я, кроха, помешанная на притягивающих взгляд вещах, устоять и не забрать ее в милую и уютную сокровищницу? Конечно нет!

К тому же это был знатный повод выпроводить из замка Марлоу, чье присутствие отчасти зависело от работы механизма купели. Маг, чертыхаясь, ушел, а я позабыла о своей проделке, увлеченная другими проблемами быта и жизни в целом.

Как же смеялись глаза Киммера, когда пунцовая я принесла ему ту злосчастную детальку! Вот она, порода, вымуштрованная веками: лицо невозмутимое и учтивое, а глаза смеются!

Но принц понял, что не все я ему показала. Подозреваю, что будет мстить, открыто и не таясь. И действительно, зачем скрываться? На кого еще здесь я могу подумать? На Гарконаша?

Поймав Милику, с визгом улепетьвающую от разошедшегося Тихони, и пихнув ногой неопределившегося Шрама, чем вызвала его праведное возмущение, я открыла вкусно пахнущую травами и фруктами массу и намылила девочке волосы. Малышка перестала вырываться и блаженно прикрыла веки, наученная тем, что эта субстанция щиплет при попадании в незащищенные глаза.

Массируя голову девочки, я отвлеклась и не заметила, как Тихоня схватил один из принесенных мною глиняных горшочков и вместе с ним бухнулся в ближайшую выемку бассейна. Шрам перестал гневно сопеть и порывивать, даже грифон вынырнул из задумчивости, ожидая, что же будет дальше.

Сначала не происходило ровным счетом ничего. Только виновник всеобщего внимания подозрительно долго не всплывал, словно его там что-то держало. Я забеспокоилась о его судьбе и уже хотела было начать спасательные мероприятия, как вдруг вода забурлила насыщенно-фиолетовым цветом, и обычно молчаливый Тихоня с испуганным воплем выпрыгнул на волю.

Встретившись с моим возмущенным взглядом, берийский пес прижал уши, доказав, что они со Шрамом истинные братья, и поплелся обратно в извергающееся нечто, выплевывающее из себя лавандовые пузыри и пену. Милика завозилась, непрозрачно намекая мне, что тоже хочет последовать за озорником Тихоней.

Дождавшись, когда я смою с ее волос то, что эльфы называют шампунем, малышка с криком бросилась в неизвестность, навстречу мыльным приключениям.

Я же решила поплавать в чистом бассейне и, когда мне надоело в нем плескаться под возмущенное сопение Шрама, перебралась в соседний резервуар, где весело куталась в пену Милика.

Я замерла над колышущимся продуктом эльфийской работы, купленным мною когда-то впрок и в огромных количествах, собираясь попасть к малышке и Тихоне величаво и аккуратно, не намочив свои волосы.

Однако моим планам сбыться не довелось.

Мстительный берийский пес разрушил мои мечты оставить прическу сухой и одним точным толчком в спину отправил меня в бассейн, а позже довольно прыгнул за мной следом. Грифон заклекотал в поддержку Шрама, но присоединяться к нам не стал, намереваясь держаться от буйных на приличном расстоянии.

Быстро вынырнув, я почувствовала, как в спину мне уткнулся знакомый мокрый нос. Тихоня нашел-таки на дне бассейна взятый без спроса горшочек и теперь указывал мне на то, что можно его забрать и положить к остальным, ведь плавать с незакрытой пастью неудобно, мыльная вода невкусная!

Весело наплескавшись и получив уйму положительных эмоций, мы уже собирались вытираться, чтобы покинуть купальню в приятном расположении духа, как с потолка ударил дождь!

Сильные струи воды были неожиданными и приятными, вызвав полный счастья визг у Милики и молчаливое принятие сложившейся ситуации у псов и грифона.

Я улыбнулась, прекрасно понимая, чьих рук это дело. Киммер мстил за не показанные ему секретные комнаты, но творил «справедливость» без стремления унижить и показать, какой он грозный бывает в гневе и как нужно исполнять то, что он велит.

Надо будет отомстить принцу... О, точно! Придумала! Приготовлю-ка я ту рыбину, что недавно попадалась мне на глаза, а его в помощники не возьму. Ух как Киммер расстроится!

Бедняжка! Мне почти его жалко. Совсем чуть-чуть, самую капельку!

В гостиной Киммера не было. Не нашла я принца и на кухне, да и в библиотеку он не заходил.

Вот куда подевался наследник Элирии? Неужели пошел искать дорогу домой?

С невеселыми мыслями я обходила замок этаж за этажом, заглядывала в многочисленные комнаты и оставляла частичку надежды в каждой из них.

Открывала шкафы, смотрела под кроватями и проверяла гардины. Увы, Киммера и след простыл.

С тяжелым сердцем, полным отчаяния, я зашла в очередное помещение и замерла на пороге.

Вот же негодник!

Казалось бы, что еще нужно для счастья? Купальня работает, дождись нас и можешь смело идти принимать водные процедуры, но нет! Простые пути у нас не в почете, мы сложные любим! Мы бадью дотащим, воды наберем из колодца, принесем тяжелые ведра и будем лежать, отмокать и делать вид, что нам это безумно нравится!

Только откуда мы достали огонь?

— Из кухни при помощи лучины, — с закрытыми глазами и блаженно откинув голову назад произнес Киммер, словно прочитав мои мысли. — Но с огнем надо что-то делать, Кайла. Огнива в замке больше нет?

— Я поищу, мой принц, — сквозь зубы прошипела я. В лепешку расшибусь, но найду. Иначе когда-нибудь точно проколюсь, и возникнут ненужные вопросы. — А после простого люда вы брезгуете купаться, Киммер?

Наследник Элирии аж подпрыгнул на месте, взболтав тем самым воду, и с удивлением посмотрел на меня.

— С чего вдруг такие выводы, Кайла?

— А с того, мой принц, что вы потратили уйму сил на то, чтобы сделать себе это, — показала я на бадью, полную воды и... королевского тела. — Могли бы мне сказать, мы пустили бы вас первым, минуя такие сложности и жертвы. Вдруг вы, бедненький, надорветесь, получите травму, и папенька ваш нам еще претензию предъявит, что издевались над кровиночкой, как могли.

Киммер расхохотался. Смеялся он так заразительно, что я тоже невольно хихикнула, чувствуя, как выступили слезы на глазах. Нервное, наверное. Надо будет травку успокаивающую заварить. И принцу в придачу, чтобы спал и не смел бродить по замку без спроса.

— Не переживайте, Кайла, — сказал Киммер, вдоволь навеселившись. — Мой отец не настолько щепетилен, чтобы проверять на мне каждую царапину и вести учет моих ссадин и порезов. А насчет всего этого... Мне надо было размяться, ощутить, как мышцы работают, как кровь бежит по венам и как легкая усталость наполняет тело. Вам не понять мужские прихоти, Кайла...

— Да где уж мне! — начала горячиться я. — Делайте что хотите, принц! Только ставьте меня в известность заранее. Не хочу переживать и накручивать себя по пустякам.

Принц оперся на край бадьи, изучающе глядя на меня, словно видел впервые. Я не осталась в долгу и подарила Киммеру свой отточенный до блеска тяжелый взгляд. Играть в гляделки я умела, спасибо Марлоу.

— Вы переживали за меня, Кайла, как же приятно моему сердцу... Хороню, милая девушка, пусть будет по-вашему. Я, Киммер Кроткий, сын Трогда Свирепого, торжественно клянусь, что не покину Ведьмину Чашу без разрешения прекрасной тюремщицы по имени Кайла. Призываю богов в свидетели искренности моей клятвы, и пусть они покарают меня, если слово свое я предаю. Да будет так!

Я поражено уставилась на принца. Да вы, наследник престола Элирии, полный псих, на всю вашу венценосную голову! Кто такими клятвами разбрасывается, да еще и перед кем!

— Вы погорячились, Киммер. Я сделаю вид, что ничего не слышала и не видела.

— Поздно, Кайла. Просто так вы от меня не отделаетесь. Надеюсь, теперь вы будете со мной честны?

— А разве я не была честна с вами, принц? — попыталась выкрутиться я, но, глядя в его насмешливые глаза, сдалась. Ладно, будь что будет! — Что ж, Киммер, хорошо, я буду с вами честна. Что именно вас интересует?

— Срок пребывания здесь. Как долго я еще буду находиться в Ведьминой Чаше?

— Пять дней, — подсчитала я в уме.

— И что потом?

— Вы окажетесь дома. За вами явится маг и вернет вас в сарийский дворец. Либо дракон доставит вас туда, откуда принес. Вам нечего бояться, принц. Мы не убийцы.

— Это я уже понял. Из Ведьминой Чаши можно выбраться?

— Только с помощью мага или дракона, — уверенно заявила я, что было чистой правдой. — Остальные способы мне неизвестны.

Киммер первым разорвал зрительный контакт и молча выбрался из бадьи. Я отшатнулась и прикрыла ладонью глаза, как подобает приличной девушке. Но оставила небольшую щель между указательным и безымянным пальцами, потому что приличия приличиями, а интерес никто не отменял!

Не стесняясь своей наготы, Киммер быстро вытерся полотенцем и стремительно оделся.

— Вы закончили? — спросила я, подавив желание разочарованно вздохнуть. Могли бы и помедленнее натягивать на себя штаны и рубашку, Киммер!

— Да, Кайла, можете убирать ладонь и прекращать делать вид, что вы не подглядываете, — произнес принц, проходя мимо меня. — Надеюсь, вам понравилось?

Я возмущенно зашипела, но Киммер и бровью не повел. Совершенно несносный мужчина!

ГЛАВА 9

— Как вам таверна, принцесса? Бывали раньше в заведениях подобного рода?

— Бывала, Бирх, и обращайтесь ко мне по имени. Не хочу привлекать лишнее внимание своим титулом.

— Как скажете, Виария. — Маг пил вино маленькими глоточками, не давая подавальщице доливать пьянящую жидкость до самых краев. Настырная девица крутилась неподалеку, и Бирх внимательно следил за ее перемещениями по залу. Влюбилась она в него, что ли?

Виария раздраженно ковырялась в принесенном блюде, напоминаям остатки от того, что подавалось два дня назад. Кристоф за всю дорогу не проронил ни слова, перекинувшись лишь парой фраз с Бирхом, и теперь серой тенью сидел рядом с принцессой. Один только маг сохранял жизнерадостность и любовался красотами мест, мимо которых они проезжали верхом на лошадях.

— Почему с нами не обедает ваш паж? — Бирх не мог долго молчать, и его болтливость начала раздражать принцессу. Идеальный образ дал трещину. — Разве приличия позволяют трапезу отдельно от опекуна-рыцаря?

— К черту приличия, Бирх! Мы не во дворце, чтобы им безоглядно следовать и терпеть этого... этого... у меня нет слов, чтобы выразить всю полноту моего презрения к нему!

— Чем же он вам так не угодил, принцесса? На мой взгляд, вполне милый мальчик. Немного трусливый, правда, но все это лечится боем, проверено на личном опыте.

Виария бросила тяжелый взгляд на Бирха, словно загнала копые в шкуру дикого быка. Тот давно бы уже лежал у ног принцессы, а маг и глазом не повел. Толстокожий, однако!

— Я могу быть с вами откровенной, Бирх?

— Разумеется, принцесса! — Маг указал на едва заметную руну на столешнице. — Отводящий знак уже работает так, как надо. Окружающие не поймут ни единого слова, что проскользнет между нами. Особенно достанется читающим по губам — несварение им обеспечено.

Кристоф заерзал, придвигаясь поближе, дабы запомнить каждый штрих интересной руны. Зарг такого ему не показывал. Он вообще ничего не показывал! После того инцидента с куполом маг Филиппа Спокойного ни разу не подходил к своему ученику, словно его и не существовало.

— Я не люблю предателей, Бирх, такой я уродилась. Во мне бурлит кровь валькирий, а она не выносит фальши и гнили, коих в Джанарио столько, что хватит на целое государство лицемеров. Вы знаете историю Сарии, Бирх?

Маг кивнул, делая еще один маленький глоток.

— Тогда вы помните, что изначально в Сарии насчитывалось семь Высокородных домов. Пока один не решил, что для правления не нужен король, что он жалкая обуза и ни на что не годен. Его можно свергнуть и затопить страну хаосом и неразберихой, пока трон не перейдет к тому, кто сильнее... Тогда Седьмой дом пал, но не был разрушен до основания. Прошли годы, сменялись столетия, а этот муравейник становится только крепче, набирая силы для повторного захвата власти. И этот дом все еще присылает своих сыновей для посвящения в рыцари, не в качестве платы за совершенное зло, а для того, чтобы они были рядом с королем. Чтобы в решающий момент нанести один-единственный удар, что станет роковым и смертельным. — Принцесса отпила из своего кубка, ощутив сухость во рту, после чего скривилась и отодвинула кубок в сторону. Какое мерзкое вино, кислятина! — Вам очевидна трусость Джанарио, а как по мне — это искусная маска, которой нельзя доверять!

— Мне кажется, вы преувеличиваете, Виария, и видите врагов там, где их нет.

— Возможно, Бирх, но лучше быть такой, подозревающей всех и вся, чем доверять тем, кто точно предаст. Нельзя изменить сущность, в которую веками закладывали зло, и только зло. — Виария перевела взгляд на массивное полотно, закрывающее собой всю стену рядом с ними. — Королева Вессергерского леса понимает меня как никто другой!

Кристоф нервничал из-за находящейся неподалеку от него красочной картины. Огромный лес, объятый пламенем, кричал с той стороны полотна о помощи, боли и непонимании. Молили

птицы о снисхождении, не смея покинуть родные пенаты, как и живущее там зверье и падающие на землю нелюди. Лишь объятая огнем фигура лучилась спокойствием и принятием того, что ее ожидает. И от этого Кристофу становилось как-то не по себе.

— Вы хорошо знаете судьбу Вессергерского леса? — В голосе Бирха проскользнуло что-то непонятное... Удивление... насмешка... печаль?

— Достаточно, чтобы делать выводы. Разум королевы затуманили иллюзии темного мага, чье сердце желало лишь одного: уничтожить Вессергерский лес любой ценой. Она слишком поздно поняла, что оказалась в умело расставленных сетях, и поплатилась за это своей жизнью. Нельзя верить тому, кто обязательно предаст! Порождения тьмы не меняются!

— Ложь! — громыхнуло над ухом Виарии, заставив ее развернуться к тому, кто посмел повисить на нее голос.

Это был Зарг. От его спокойствия не осталось и следа.

— Вы трактуете историю так, как вам вздумается, лишь бы она свободно помещалась в рамки ваших представлений, и ничьих больше! — Зарг навис над принцессой грозным вороном, потрепанным жизнью и временем. — Вессергерский лес сгорел не из-за козней злого колдуна, а потому, что давно прогнил. Его съедала болезнь, выпивая все соки до капли и обрекая населяющий те земли народ на вымирание. Только огонь мог спасти Вессергерский лес от медленного увядания, очистив его от скверны и хвори. Говорите, что королева отдала свою жизнь, прозрев и не перенеся позора? О нет! Из-за страха и боязни перемен! Она предала любовь ради мученической смерти. Разве это героизм? — Зарг с хрустом выпрямился, пожирая глазами невозмутимую принцессу. — Нам пора ехать, время не ждет!

— Вот и полетали маски, — довольно сказала Виария, покидая таверну.

Кристоф последовал за принцессой, а Бирх еле слышно пробормотал, стирая руну, что оказалась бессильной перед магом Филиппа Спокойного:

— Жаль, что Киммер не видел, как пала ваша...

Конные прогулки маг Элирии не жаловал. Зачем трястись в седле и напрягать ни в чем не повинное животное, если можно создать портал в искомую точку и телепортироваться туда довольным и в меру счастливым?

Эх, если бы Бирх знал, где держат Киммера, то непременно бы воспользовался излюбленным способом, а не слушал сейчас нравоучения Себастьяна, грустные вздохи Джанарио и еле слышное фырканье Виарии в ответ на любые приказы рыцаря Высокородного дома.

Принцесса вела себя относительно спокойно: не закатывала сцен, не устраивала конфликтов на пустом месте, но всем своим видом давала понять, как относится к тому, что Себастьяна назначили главным. Тот, в свою очередь, попросту не замечал Виарию, словно она осталась дожидаться жениха во дворце Сарии с ежедневным ритуалом созерцания ускользающей дымки заката, за которой вот-вот должен был появиться наследник Элирии.

— А вы хорошо сыграли роль наивной принцессы, Виария, — произнес Бирх, рассматривая все, что окружало их небольшой отряд. Маг искал выгоду в сложившейся ситуации, заполняя раздражение новыми впечатлениями и видами. Оказывается, что если очень сильно постараться, то можно получать удовольствие и от медленной езды. Удивительно!

— У меня был хороший пример перед глазами. — Виария выразительно посмотрела на Бирха. — Моя кузина. Если бы я была мужчиной, то сказала бы, что она мне всю плешь проела, как нужно выглядеть и что следует говорить, чтобы произвести нужное впечатление.

— Испугались, что Киммер может отказаться и убежать в Элирию? — усмехнулся Бирх.

— Скорее опасалась, — улыбнулась в ответ Виария. — И приняла соответствующие меры, чтобы подобного точно не случилось.

Маг уловил в интонациях будущей супруги Киммера легкую грусть, умело растворенную временем до состояния обыденного воспоминания, не причиняющего сильной боли. Видимо, не всем по нраву пришлось принцессе со своей точкой зрения, что умела постоять за себя и не терпела пренебрежительного отношения к собственной персоне. На кротких овечек спрос гораздо выше, чем на гордых львиц.

Бирх еще хотел кое-что спросить у Виарии, но не успел.

Раздался свист, и пущенная невидимым лучником стрела попыталась отведать плоти ведущего отряд Себастьяна. Когда до цели оставалось каких-то жалких полметра, она ударилась в невидимую преграду и отлетела. Зарг держал свое слово: его магия работала безупречно.

Прикрытая листвою земля пришла в движение, выпуская на волю воинов, одетых во все черное. Нападающие, вооруженные длинными изогнутыми клинками, организованно бросились на рыцарей: одна часть атаковала Зарга, как главный источник магического щита, а вторая — принцессу, решив, что такой рычаг давления сбрасывать со счетов не стоит.

Стрелы с шумом рассекали воздух, заставляя щит реагировать на попытки вторжения извне, что, в свою очередь, вынуждало Зарга расходовать магический резерв сильнее, предотвращая возможное появление дыр в поставленной им защите.

На принцессу насаело сразу трое. Они методично прижимали ее к границе щита, заставляя отступать назад. Бирх пытался прийти ей на помощь, но его молнии не причиняли нападающим абсолютно никакого вреда, позволяя лишь удерживать их на почтительном расстоянии.

Кристоф укрылся за спиной Бирха, подпитывая его энергией, дабы магия в руках элирийского колдуна не иссякла. Юнец видел, как сначала пал один рыцарь, как завалился второй и как третий был пронзен сразу двумя мечами.

Себастьян стремился к принцессе, позабыв о том, что стоит защищать Зарга, а вот маг позаботиться о себе не забыл.

Щит затрещал по швам, словно стекло от удара камня, и начал блекнуть, растворяясь в воздухе.

Воодушевленные таким исходом лучники выглянули из своих укрытий, ни от кого не таясь.

Это было их роковой ошибкой.

Фигура Зарга уплотнилась, стала серой и дымчатой, словно кокон, из которого вот-вот должна выбраться прекрасная бабочка.

И она появилась на свет.

Во все стороны от мага полетели призрачные щупальца, и пространство огласили крики тех, в кого они попадали.

Замахнувшийся на Виарию мечом воин безжизненной грудой опустился на землю, а из его тела энергия по щупальцам устремилась к Заргу, восполняя потраченные запасы магии на годы вперед.

Кристоф с явным ужасом и затаенным восторгом наблюдал за происходящим, не веря, что стал свидетелем такого события.

Он впервые видел, как пожиратель питается теми, кто посмел заступить ему дорогу. И в глубине души надеялся, что наблюдает такую картину в последний раз.

В лагере царила тишина. Говорить было не о чем.

Павших рыцарей погребли в тех ямах, откуда вылезли посланные за отрядом убийцы. От нападавших остались лишь заговоренные доспехи да оружие, валяющееся там, где было совершено нападение. А вот тела их бесследно испарились.

Зарг хорошо подчистил за собой следы.

Виария напряженно вглядывалась в размеренные всполохи костра, словно пытаясь разглядеть в нем допущенные ею ошибки.

Кристоф спал, уткнувшись в плечо Бирха, Себастьян о чем-то негромко беседовал с Джанарио, который еще не определился, какое выражение лица ему выставить на всеобщее обозрение: скорбящее, поскольку полегло три рыцаря, или радостное, ведь он смог убить четверых и постоять за себя.

В отличие от Виарии.

На ее счету было только двое.

Отдельно от всех сидел Зарг, любовно поглаживая кристалл, чье свечение не казалось таким уж ярким по сравнению с костром, разгоняющим густой мрак наступившей ночи. Нельзя сказать, что сарийский маг таким образом жалел чувства остальных участников отряда, давая им тем самым возможность привыкнуть к своей сущности. Даже во дворце Филиппа Спокойного Зарг держался вдалеке от придворных и стражников, делая исключение разве что для Кристофа. Да и то потому, что занятия с мальчишкой ему навязали!

— Вы знали, что он пожиратель? — спросил Бирх, подкидывая ветку в костер и не уточняя, кого он имеет в виду. Говорить о ком-то другом после произошедшего не имело никакого смысла.

— Да, — не стала скрывать Виария. — В детстве он выпил мою лошадь. Хороший был конь, грозный, непокорный, никого не уважал, даже меня. Мог запросто скинуть с седла и убежать, а мне оставалось только смотреть, как развеивается его черная пышная грива... Дух свободы, что не укротить никому и не удержать ничем. Думаю, этим он и приглянулся Заргу. Никогда не забуду его довольную рожу после того, что он сделал...

— Я смотрю, вы его не боитесь. — Бирх заметил, как Себастьян отправился вглубь леса, оставив лагерь под защитой рыцарей, назначенных часовыми. Джанарио последовал примеру Кристофа, уснув со счастливой улыбкой на губах. — А вдруг он возьмет и...

— Ничего он мне не сделает, — уверенно перебила Бирха Виария. — Зарг дал клятву мне и отцу не причинять вреда королевскому роду Сарии. Подозреваю, что такой же клятвой с элирийской династией связаны и вы, Бирх!

— Все верно, принцесса. Связан по рукам и ногам. — Маг не стал умалчивать о подобном факте своей биографии. — Когда Кристоф проснется, я спрошу его про проведенный им ритуал, возможно, удастся выяснить что-нибудь интересное.

— Полагаете, Зарг приложил руку к разрушению защиты дворца?

— Пока говорить об этом рано. Я видел бреши в куполе. Чтобы сотворить такое, нужно много энергии. Теоретически ритуал Познания дает необходимое количество разрушительной силы, если не брать в расчет того, что Зарг — пожиратель.

— Это многое меняет? — спросила Виария, краем глаза следя за обсуждаемой персоной. Сирийский маг неподвижно смотрел на кроны деревьев, словно его здесь и не было, и даже не думал погружаться в царство вечернего сна.

— Многое, — уверенно ответил принцессе Бирх. — У пожирателей огромный резерв. Он в десятки раз больше, чем у простого мага. К тому же они чувствуют флюиды колдовства, как бабочки любимый цветочный нектар. Я сильно сомневаюсь, что Зарг бы смог пройти мимо такого дармового лакомства, способного нанести непоправимый ущерб куполу. По рассказам наставника, вечный голод пожирателя не позволит ему отказаться от того, что падает на него буквально с неба.

— А если он был сыт? — Виарии тяжело было признавать подобный вариант случившихся событий, но просто так его отбросить она не могла. Ненависть ненавистью, а объективность еще никто не отменял. — Что тогда?

— Тогда... что мешает Заргу усилить ритуал Познания? — возбужденно загорелся пришедшей на ум идеей Бирх. — Все сходится! Кристоф проводит ритуал, слабенький, как и полагается магу его уровня. Зарг засекает всплеск магии, усиливает его до необходимой кондиции... и... Вот! В куполе появляются дыры. Резерв Зарга неполон, но отнюдь не потому, что маг латал бреши в защите, а потому, что он, наоборот, их создавал! Только возникает вопрос: зачем ему это?

— Действительно, зачем?..

Веки ощутимо потяжелели, усталость навалилась всем своим немалым весом, уговаривая Виарию подумать о причинах поступка мага позже. Бирх помог принцессе устроиться на импровизированном ложе из листьев как можно удобнее, после чего прислонился к стволу дерева, проклиная выработанную еще в его бытность учеником привычку спать сидя.

Элирийский маг быстро оказался в сетях липкого сна, окутавшего большую часть разбитого

лагеря. Не спали лишь часовые, Себастьян да Зарг.

В глазах мага отражались блики костра, а руки сжимали посох, оставляя на древке следы от ногтей.

ГЛАВА 10

Как же я жалею, что не закрыла этого несносного принца в клетке. Голым! Чтобы он точно не смог достать отмычки из потайных карманов! Проблем было бы на порядок меньше, чем сейчас!

Целый день Киммер казался обходительным и милым, помогал мне по хозяйству, на пару с Гарконашем занимался обучением Милики, играл в догонялки с Тихоней и Шрамом и даже интересовался у меня здоровьем Актера.

Как, мол, поживает грифон? Зажили ли его раны, может ли он летать?

Я отвечала, что точных прогнозов пока дать не могу: мало времени прошло, нужно еще понаблюдать за состоянием Актера, продолжая намеченный курс лечения и добавляя в питье лечебные капли цветка с труднопроизносимым названием.

Будь моя воля, я бы непременно заперла грифона в том же самом помещении для лошадей, в котором он с удовольствием проводил ночи, дабы уменьшить его контакты с всякими авантюрными личностями. И держала бы там Актера до тех пор, пока от полученных им ран не осталось бы никакого следа.

Увы, боги рассудили иначе.

И теперь грифон виновато трется о мою ногу, пытаюсь уткнуться клювом в бедро, а я гневно смотрю на едва различимую фигуру Киммера, балансирующего на крыше недоступной башни. Когда он спустится, я запиру его в темнице до прихода Марлоу, и это не обсуждается!

Хватит играть в добрую хозяйку, все, надоело!

Я и так долго терпела его выходки, но использовать раненое животное для удовлетворения собственных эгоистичных прихотей — это слишком!

Вы доигрались, наследник престола Элирии!

Ой, а где он?

Киммер исчез в проломе крыши, и мое сердце бешено забилося. С одной стороны, я радовалась, что он не сорвался вниз, а с другой — мало ли какая опасность его поджидает внутри.

Придется стоять и ждать, надеясь, что все закончится хорошо. Или...

Актер правильно истолковал мой взгляд, обреченно издал вопль протеста, но позволил мне сесть на свою спину. Ничего, грифонище, потерпишь! Выдержал Киммера, выдержишь и меня. Я хуже принца хотя бы потому, что моя наглость значительно меньше. В несколько десятков раз.

Полет мне понравился. Приятно, когда не ты возишь, а тебя везут. А вот приземление не впечатлило.

Я поскользнулась на черепице, пропитанной сырым налетом тумана и частых дождей, и целеустремленно заскользила вниз, навстречу приключениям и скорому перевоплощению в дракона.

Интересно, у меня получится перекинуться в него спонтанно и без предварительной подготовки? Никогда раньше не практиковала подобное, видимо, пришло время начать.

Я успела ухватиться за выступающий карниз крыши, вцепившись в него мертвой хваткой, так что пальцы заныли от столь близкого знакомства с металлом.

Попробовала подтянуться.

Не получилось.

Попробовала еще раз.

Тот же результат.

На третьей попытке я почувствовала, как чья-то наглая морда активно пытается помочь мне

преодолеть временные трудности, предлагая использовать его физиономию в качестве рычага, а мое мягкое место — в роли точки соприкосновения.

Совместными усилиями мы вновь вернули меня на крышу, после чего я протерла черепицу от всякого рода осадков, по-пластунски передвигаясь по ней, чтобы залезть в ту злосчастную дыру, через которую Киммер попал внутрь.

Выберусь, обязательно поблагодарю Актера дополнительной тушкой кролика за то, что не улетел, не бросил в беде и выручил, когда это было необходимо. А Киммера я запру из принципа, как только его найду.

Наследника престола Элирии я обнаружила на самом нижнем этаже, увлеченно сопящего и пытающегося открыть очередной замок. Рядом с ним валялся мой походный мешок, взятый без всякого разрешения и спроса. А зачем, у нас же все общее: замок, ребенок, грифон!

Мне надоело ждать, когда этот любитель отмычек справится. Любопытно, где он научился взлому и проникновению в чужие дома? Трудное детство или это входит в обязательную программу воспитания благородных принцев? Тогда почему предыдущие пленники такого не умели?

Я немного не подрасчитала силу. Совсем чуть-чуть.

Подумаешь, Киммер отлетел к стене и ощутимо врезался спиной.

Подумаешь, замок не выдержал удара моей ноги и не подлежит восстановлению.

Зато я ускорила то, чего вы добивались, принц. Вы рады этому?

— Когда вы обижаетесь, Кайла, вы похожи на маленького насупленного бурундука, у которого отобрали последний орех.

Молчу, делаю вид, что принца здесь нет. Жду, когда подействует сонное зелье.

Ты пей, Киммер, пей, не отвлекайся. Я тебя почти не слушаю...

— И в чем моя вина? В том, что я понял, как пробраться в закрытую башню, о которой вы грезили днями и ночами?

Именно. Грезила. А вы разрушили мою мечту, Киммер, разве так поступают приличные мужчины?

— И вы отобрали найденную мною вещь, Кайла! Вам не стыдно?

Ни капельки! То, что лежит в моем мешке, тут же переходит в мою личную собственность. Не знали о таком древнем правиле выживания, наглый принц?

— Я-то думал, вы приличная девушка, а вы...

Узнать, почему я вдруг стала падшей женщиной, мне не удалось. Возможно, о причине изменения моего статуса Киммер поведаст позже. Когда проснется и поймет, что донжон сузился до размеров одной комнатки с решетчатым окном, в которой мало места для нас двоих.

И снова принц мило посапывает в тачке, а я везу его туда, откуда он уже самостоятельно не выберется. Я обыскала принца. Больше у него отмычек нет.

Я заперла обе двери на замок, предварительно укрыв Киммера одеялом и добавив к корзинам с магическим углем еще одну. Ночи холодные, не хочу, чтобы принц замерз и простыл.

И вспоминал меня нехорошими словами вперемешку с кашлем. Лечи его потом!

Пожелав Милике приятных сновидений и оставив охранять ее покой Тихоню со Шрамом, я дошла вместе с Актером до площади, после чего наши пути разошлись: грифон отправился отдыхать в облюбованные им стога сена, мне же милей была уютная башенка, где я проводила большую часть времени.

До появления малышки и несносного принца Элирии!

Быстро переодевшись в ночную рубашку, я залезла на любимый матрас, зажгла свечу и достала то, что вынес Киммер из закрытой башни. Этим предметом оказалась немного потрепанная записная книжка из тех, что пользуются повышенным спросом у знати вот уже не одно столетие.

Такого рода вещи не горят, не рвутся, не желтеют от времени и не поддаются воздействию влаги. Богатые особы любят за дополнительную плату добавлять всякого рода заклинания, дабы любопытные глаза не могли разобрать и буквы чужих воспоминаний, мыслей, идей.

Так-с, посмотрим, стоит ли защита на попавшемся мне в руки дневнике?

Я пролистала несколько страниц, исписанных непонятными письменами, поднесла свечу поближе, напрягаясь до рези в глазах, но понять, что там было написано, у меня не вышло.

Видимо, придется просить Гарконаша помочь мне еще и с посланиями из прошлого, помимо радойского языка. Пора общаться с Миликой вербально, без жестов и третьих лиц. И дело тут далеко не в летающей книге...

Как там учил Гарконаш? Если не получилось сразу, попробуй повторить спустя время.

Пробую и повторяю это утомительное после насыщенного дня занятие.

Я снова вчитываюсь в каждую строчку дневника до выступающих слез, после чего делаю небольшой перерыв, давая глазам отдых.

Мое занятие продолжалось до тех пор, пока странные закорючки не стали превращаться в слова, а слова — в предложения.

Затаив дыхание, я принялась читать то, что так долго пылилось в закрытой башне и не подпускало меня к себе. Надеюсь, я пойму почему...

«Очнулся я в незнакомом месте. Как попал сюда — не помню. Голова до сих пор болит, а во рту стоит непонятный кислый привкус тех настоек, что в меня вливает Марлоу, единственная ниточка к тому, что со мной произошло. С трудом могу держать перо, но писать не брошу, иначе точно забуду драконий язык, и шансы на то, что у меня получится вспомнить прошлую жизнь, станут ничтожны. Они и сейчас невысоки, но я уверен, что, записывая все то, что знаю, смогу приоткрыть завесу тайны относительно того, кем я был ранее...

Марлоу говорит, что я упал прямо с неба. Изодранный и покусанный, непонятно как долетевший сюда. При падении я сломал себе крыло и был настолько измотан, что не издал ни звука. И молча превратился в человека.

В таком состоянии он доставил меня к себе в замок и вылечил. Он не отходил от моей постели, ожидая, когда я наконец-то открою глаза. Марлоу уверен, что меня ему послали боги, дабы наставить его на путь истинный. Получается, я им стал не нужен? И они сбросили меня вниз, как бесполезную вещь?..

Место называется Ведьминой Чашей. Здесь предки Марлоу построили родовое гнездо, в котором теперь живет только мой спаситель. Он маг средней руки. Зарабатывает Марлоу себе на хлеб зрелищными фокусами на ярмарках и мечтает добиться значимых высот в колдовском искусстве и разбогатеть. У него есть пара идей, как достичь успеха. Когда я поправлюсь окончательно, он расскажет мне, что задумал. Надеюсь, мне удастся отплатить Марлоу за его доброту и помощь.

К выполнению замысла мага мы приступили только после того, как я окончательно восстановился. Когда сломанное крыло наконец-то зажило, и мне ничто не мешало взлететь над Ведьминой Чашей, издав протяжный громкий рев, эхом разнесшийся над всей этой странной землей. Марлоу опекает меня, как курочка-несушка нерадивого цыпленка, что не мешает ему рассказывать мне о деле. Не буду лукавить, что оно мне нравится, но в словах мага есть определенный смысл. Первый раз все решит, покажет, будем ли мы продолжать начатое или нет...

По словам мага, это легкие деньги. Благодаря заработанной честным трудом репутации он

стал вхож в дома знати для проведения там частных представлений, а позже Марлоу начали приглашать и во дворцы правителей, в государствах которых он изредка бывал. Фокусника поразило то, какие шарлатаны скрываются за масками знатоков колдовского искусства и как слаба поставленная ими защита от воров и прочих любителей поживиться чужим добром. Так что пробраться туда и выкрасть то, что тебе нужно, не составит особого труда. Только брать золотые украшения мы не собирались. Нас интересовали принцы и принцессы, коих короли с королевами холят и лелеют, ради которых готовы на все. Вот и проверим, насколько наши предположения верны.

Марлоу оказался прав. Мы заработали очень и очень много. Хватит, чтобы несколько лет жить припеваючи и ни в чем себе не отказывать. Свою долю я сразу же положил под проценты в надежный банк гномов. Пусть себе копят, чем пылятся где-нибудь на чердаке, покрытые узорной паутиной. Марлоу принялся скупать книги по магии и древние манускрипты. Иными словами, восполнять пробелы в образовании. Маг признался, что рано остался сиротой, поэтому ему еще нужно многому учиться, дабы достичь той планки, которую он для себя поставил. Я же пока начну налаживать быт замка. Этот построенный вопреки всему храм холостяцкой жизни нуждается в крепкой руке и порядке. Займусь-ка я пока им, а дальше будет видно.

Не нравится мне поведение Марлоу. Он стал скрытен, осунулся, пропадает либо за книгами, либо где-то в городе. Говорит, что нашел себе настоящего учителя, истинного знатока магического искусства, который обещал указать верный путь к поставленной цели. Попахивает фанатизмом, поэтому понаблюдаю-ка я за ним получше. Не доверяю тем, кто появляется, когда у тебя заводятся лишние деньги!

Пропал... Я пропал... окончательно и бесповоротно... Как только увидел ее глаза, я понял, что мое сердце теперь не принадлежит мне. Его забрала принцесса Аскории, наша с Марлоу вторая „жертва“. Магу стало мало полученного выкупа за рыдающего по несколько часов принца. Прибывшая погостить к дальней родственнице принцесса оказалась идеальным вариантом для воплощения наших коварных планов. И теперь она гневно смотрит на меня и отказывается есть. Что же мне делать?

Пришлось выпустить ее из клетки. Подозреваю, в той жизни, когда я знал свое имя, я был тем еще слабаком, неспособным отказать рыдающим девицам. Хотя... может быть, дело именно в этой красавице, при виде которой у меня замирает сердце и я путаюсь в словах, как пьяница в ногах, но проверять свои предположения меня не тянет. Боюсь, что не дождетсся моя принцесса, пока я буду выяснять, так ли это на самом деле. Я вожу ее по замку, изредка мы гуляем по площади. Узнав, что мы находимся в Ведьминой Чаше, она притихла, но с судьбой не смирилась. Надо держать с ней ухо остро.

Разве такое вообще возможно?! Это происки коварных богов, не иначе. По-другому я не могу объяснить то, что сегодня произошло. Разбил я в одной из комнат оранжерею или, как злословит Марлоу, ее подобие. Сам маг опять пропадает неизвестно где со своим учителем, набирается тайных знаний и „бесценного“ опыта, предоставив весь замок в мое полное распоряжение. Я не придумал ничего лучше, как показать принцессе, чем занимаюсь в свободное от нее время. Мои цветы.

Думаю, в ее дворце имеются растения побогаче и покрасивее, чем у меня, но я-то тружусь на благо моих подопечных один, а у нее там слуг полно, так что сравнивать не имеет смысла. Алисия впечатлилась моими цветами, по глазам вижу, что ей они понравились. Как долго она ходила между рядами и тщательно их осматривала, после чего заметила один понурый цветок и меня отчитала! Видите ли, не умею я обращаться с офизалиусом стручковым, не любит он свет, в тень его нужно пересадить. Дай мне, мол, инструменты соответствующие, я тебе покажу, как нужно правильно за ним ухаживать. Я слегка ошалел от такой тирады: какая-то белоручка (пусть и горячо любимая!) будет меня жизни учить?! Еще чего! Не бывать этому! Завязался жаркий спор, в процессе коего мы случайно коснулись объекта нашей дискуссии. И он расцвел!

Его опущенный к земле бутон медленно потянулся к потолку, раскрывая белую сердцевину, обрамленную желтыми лепестками, а листья налились силой и позеленели так ярко, словно только этот цветок получает всю любовь, нежность и заботу. Мы с Алисией были поражены чудом, свидетелем которого стали.

Марлоу вернулся в замок, и наши с принцессой прогулки пришлось прекратить. Маг заперся в кабинете, не показывая и носа за порог, но провоцировать его я не рискну. Меня настораживает фанатичный блеск в его глазах. И та странная книга, с которой он не расстается. Мне удалось рассмотреть ее через незакрытую дверь кабинета, и она летает, летает! Я видел ее перемещения по комнате своими собственными глазами! Наблюдал за ними до тех пор, пока Марлоу не закрыл дверь перед моим удивленным лицом. Странные дела творятся, странные... Не пора ли мне покинуть мага? Схватить Алисию в охапку и улететь туда, где нас никто не достанет? При мысли о том, что нам придется расстаться, на душе становится пусто. Гоню от себя эти мысли прочь. Не время забивать подобной ерундой голову.

Настал час, когда Марлоу наконец-то назвал дату, когда Алисия будет отправлена в родные пенаты. Через три дня. Сразу стало тоскливо и горько. Я привык к ее доброй улыбке, ямочкам на щеках и взгляду, такому взрослому, но в то же время детскому, сочетающему в себе и строгость, и наивность, и интерес ко всему существу. Мне кажется, что я не жил до нее. Нет, не кажется, я точно не жил. Существовал. И правильно я потерял память, правильно! Чтобы начать жизнь с чистого листа. С яркого события. С Алисией, с которой я мечтаю провести остаток своих дней.

Принцесса расстроилась. Я вижу, как погрузнело ее милое личико, как потухли пылающие вечным стремлением к прекрасному глаза и побледнели румяные щечки, на которые я мог бы любоваться целую вечность. В наших прогулках исчезла легкость и беспечность. Теперь же с нами под ручку совершают променады печаль и обреченность, мерзкие дамы, не желающие так просто уходить и оставить нас в покое. Странно. Я думал, что Алисия обрадуется новости, что ее пребывание в Ведьминой Чаше наконец-то закончится и дом родной откроет ей свои гостеприимные двери. Принцесса моих мыслей не оценила, назвала бесчувственным сухарем и потребовала вернуть ее в клетку. Не понимаю я женщин, определенно не понимаю.

Даже не знаю, с чего начать. Слишком много событий за целый день, в голове не укладывается все это, но я попробую сформулировать то, что случилось, и то, что ощущаю после этого.

Так уж вышло, что Алисия на меня дулась все утро, как и Марлоу, и оба непонятно из-за чего. Благо маг недолго портил мне настроение недовольной физиономией и своим присутствием, покинув замок и Ведьмину Чашу ближе к полудню. Мне же ничего не оставалось, как спуститься к принцессе, которая, к моему удивлению и счастью, сменила гнев на милость, выразив желание вновь посетить со мной оранжерею замка. Нам отведено быть вместе каких-то жалких полтора дня, как же я мог ей отказать?

Весь путь до оранжереи мы проделали в молчании, изредка поглядывая друг на друга, словно пытаюсь запомнить каждую черточку лица, глаза, улыбку... И вот мы оказались в том самом месте — возле цветка, что стал нашим по воле рока. Алисия заплакала. Навзрыд и обреченно, отчего мне захотелось перевоплотиться в зверя и выть с ней в голос. Я прижал к себе рыдающую принцессу, стараясь хоть как-то забрать ее душевную боль себе и подарить ей минуты счастья и тепла. Не уверен, что у меня получилось задуманное, но Алисия перестала плакать. И поцеловала меня. А я — ее...

Любимая просит меня отправиться с ней в Аскорию. Я же в раздумьях. После случившегося я просто обязан на ней жениться, но кто я — и кто она? Союз безродного дракона и принцессы — мезальянс, да и только! Меня вряд ли примет семья Алисии, но что я потеряю, если не пойду с ней? Замок? Это не мой дом, лишь временное пристанище. Наследие рода Марлоу, чей отпрыск пугает меня безумным видом. Маг совсем не ест и не спит, похож на жалкую тень себя прошлого. Он затворился в том кабинете, где летает пугающая меня книга, и что-то готовит там непонятное, отчего у меня волосы становятся дыбом, когда я просто прохожу

мимо плотно затворенных дверей. Боюсь ли я лишиться дружбы Марлоу? Нет, каждый из нас жил сам по себе. Я благодарен ему за то, что он выходил меня. Если бы не он, то я бы никогда не встретил Алисию. Но надо двигаться дальше, и я улечу вместе с любимой в Аскорию. А перед этим узнаю, что же прячет Марлоу в той закрытой от посторонних глаз комнате...»

ГЛАВА 11

Складывалось впечатление, что Бирх будто и не спал. Закрыв глаза и сразу открыл.

Была ночь, а теперь — хмурое утро. Как физиономии у Джанарио и Кристофа, сменивших рыцарей Высокородных домов на посту часовых.

Виарии на месте не оказалось. Как и Себастьяна. Как и Зарга.

И Бирх для себя не мог точно определить, чье отсутствие для него страшнее, принцессы или пожирателя.

Маг с хрустом размялся. Мышцы затекли, нужно разогнать кровь и найти тех, кто самовольно покинул лагерь. Пока кто-то другой не сделал это за Бирха, мало ли кто бродит в этом лесу.

Почему здесь так тихо?

Бирх осторожно пробирался сквозь заросли кустарников, стараясь издавать как можно меньше шума. Он прислушивался к малейшим изменениям в тишине, отмечая постоянство окружающей его природы.

Но лес молчал. То ли не доверял Бирху, то ли по натуре своей был немногословным, но ничего нового маг у него не выведал, что начинало настораживать и раздражать.

Отбросив плохие мысли в сторону, элирийский волшебник обогнул попавшийся ему на пути огромный валун и замер, не веря тому, что увидел.

Себастьян и Виария стояли прижавшись друг к другу. Глаза принцессы лучились тем знакомым Бирху чувством, которое согревало человека снаружи и легко могло сжечь его изнутри.

В них бушевала любовь.

— Себа, ну не дуйся на меня! — воркующим голосом произнесла Виария, теснее прижимаясь к рыцарю. — Не могу я открыто показывать свои чувства, их неправильно поймут!

— Я не дуюсь, Ви, — сказал Себастьян, обнимая принцессу и поглаживая ее спину левой рукой. — Я устал скрываться и прятаться. Кто я для тебя? Развлечение? Игрушка?

Принцесса гневно отстранилась от рыцаря:

— У тебя нет сердца, Себа! Иначе мы не возвращались бы снова к этой теме. Мы давно с тобой все обсудили и выяснили. Ты — моя любовь, первая, единственная и неповторимая.

— Неповторимая... — с горечью выдавил из себя Себастьян. — Я видел, с каким восхищением ты смотрела на принца Элирии. На меня ты так никогда не смотрела.

— А как мне на него смотреть? — устало сказала Виария.

Бирх подумал, что подобный разговор происходит между ними явно не в первый раз.

— Киммер мой будущий супруг, и я не хочу вступать в брак с ненавистью и неприязнью.

— Он наш враг, Ви, как ты это не понимаешь! Он убивал твой народ, и ты спустишь ему такое с рук? Одумайся!

— Я одумалась, Себа. — От тона Виарии повеяло сталью. — Давно одумалась. И поняла, что войну пора заканчивать. Не стоит она той крови, что из-за нее пролилась, льется и будет литься до тех пор, пока мы не прекратим это неблагодарное занятие. Чего мы добились за столько лет? Тех земель, из-за которых все началось, у нас все равно нет. Они переходят то к нам, то к ним, то снова к нам. И эти земли пустуют, Себа, пустуют! Там никто не живет, никто! Какой смысл возводить дома, разводить скот, засеивать поля, если на следующий день власть может перемениться? Мы попали в замкнутый круг, Себа, который нужно разорвать. И я это сделаю.

— Выйдя замуж за принца? — сказал рыцарь, с шумом выдохнув воздух и сложив руки на груди, принимая защитную позу.

— Став ему верной женой, опорой и поддержкой. — Виария повторила жест начальника

королевской стражи, и теперь они стояли друг против друга не как возлюбленные, а как два заядлых спорщика, чей поединок был близок к завершению как никогда ранее. — Нам пора расстаться, Себастьян. Я благодарна тебе за все, правда, от всего сердца, но у наших с тобой чувств нет больше будущего. Мы оба знали, что рано или поздно наши пути разойдутся. Это время пришло...

Как ни пыталась принцесса казаться сдержанной и немного отчужденной, ее голос дрогнул, а по щеке скользнула одинокая слезинка. Рыцарь молчал и не делал попыток успокоить любимую, прекрасно понимая, что если шагнет к ней, то Виария попросту расплачется и не сможет закончить начатое. И за это принцесса была ему искренне благодарна.

— Поэтому ты меня к себе не подпустила? — глухо произнес начальник королевской стражи. — Для него себя берегла? Для нелюбимого? Который даже прикоснуться к тебе не хочет?!

— Пока нелюбимого, Себастьян. Стерпится — слюбится. А что касается прикосновений... Возможно, Киммер такой же, как ты. Не желает прекращения войны и видит в каждом существе с нашей стороны врага. Но он прибыл в Сарию заключить со мной союз, а значит, не настолько я ему противна, чтобы и дальше губить наши народы...

Виария замолчала и отвернулась от рыцаря, буравя взглядом облетевшие кроны деревьев. Себастьян нерешительно приблизился к принцессе, положив ладони ей на плечи.

— Извини меня за эти слова. Мне больно оттого, что я потерял тебя без боя и не по своей воле, хотя сердцу от этого не легче. Я понимаю, что так будет лучше для всех, однако принять наш с тобой разрыв я пока не могу. Когда вернемся, я попрошу твоего отца перевести меня на дальние заставы. Не хочу смотреть, как твоя жертва воплощается в жизнь...

Виария резко обернулась и жадно поцеловала Себастьяна, принимая его признания в свое сердце и пытаясь сохранить там все то, что было между ними. Рыцарь ответил на ее поцелуй с такой же неистовостью, но все же первым нашел в себе силы разорвать объятия.

— Пора остановиться, любимая. — Начальник королевской стражи ласково провел ладонью по щеке Виарии, словно забирая пролитую слезинку принцессы туда, где ей будет не так одиноко. — Иначе мы зайдем настолько далеко, что мне придется вызвать Киммера на поединок и снова заставить наши народы враждовать. Если сейчас мы разорвем наши отношения, то, может быть, получится разорвать и тот замкнутый круг, о котором ты говорила?

Виария улыбнулась, глядя в лучистые глаза своего рыцаря в последний раз. Ей было грустно, но это была светлая грусть. Странное чувство. И поступок, который она все же должна совершить, странный.

Принцесса сняла с шеи медальон и протянула его рыцарю.

— Это единственное, что осталось мне от матери, бросившей нас с отцом. Я ношу этот медальон долгие годы и теперь хочу, чтобы он был с тобой. Как память о нас. Чтобы каждый раз, когда ты его касался, вспоминал обо мне. А я о тебе, когда по старой привычке начну его искать...

Бирху надоело наблюдать за прощающейся парочкой, и он собрался было идти обратно в лагерь, как вдруг сильные руки зажали ему рот и поволокли прочь от Виарии и Себастьяна.

— Подслушивать нехорошо, Бирх, вам в детстве этого никто не говорил?

— Как и вам, Зарг! Давно здесь стоите уши греете?

— Фу, как вульгарно, Бирх. Выражаетесь так, словно всю жизнь прожили в трущобах.

— Да куда уж мне до того, кто лошадей ест!

Маги двух враждующих королевств шли рядом, обмениваясь колкими стрелами-фразами и как бы невзначай брошенными словами-копьями.

— Помнит еще принцесса, значит, — хмыкнул Зарг, перепрыгивая через поваленное бревно. — А я уже стал забывать. Зачем хранить в памяти всякий мусор?

— Мусор ли? Для вас жизнь не имеет абсолютно никакой ценности, да, Зарг?

— Почему же? Я ценю жизнь как никто другой, — осклабился сарийский маг, не позволяя Бирху растянуться на земле, когда тот поскользнулся на пропитанной утренней росой траве. — И даю выбор всем, кто встречается на моем пути: переходить мне дорогу или нет.

— Какая интересная позиция, — ухмыльнулся маг Элирии, пропуская колдуна Сарии вперед по узкой петляющей тропинке, ведущей в лагерь. — Получается, конь перешел вам дорогу?

— Именно, Бирх, именно! Это тупое животное попыталось меня затоптать! Дважды! Что странно, обычно зверье всякое убегает в страхе. Видимо, посчитало себя достаточно сильным, чтобы вступить в противостояние со мной. Жаль, что я с ним быстро покончил. Раз — и нет его, одни подковы валяются!

— Вас не смутило то, что вы выпили его на глазах принцессы?

— Не смутило. Я дал Виарии бесплатный урок, который она, к сожалению, так и не усвоила. Нельзя недооценивать противника и надеяться лишь на физическую силу. Тот, кто выглядит слабым, может иметь в рукаве такие козыри, что победа вполне может оказаться на его стороне.

— А почему мы идем в лагерь окольными путями? Хотите меня сожрать?

— Вас? Нет, Бирх, разумеется, нет. Вы свидетель наших благих намерений и стремления спасти принца от дракона, зачем мне вас убивать? Вы должны пережить поход целым и невредимым. В обход мы идем совсем по другой причине. Нужно дать Виарии с Себастьяном шанс прийти раньше нас. Чтобы не было лишних вопросов и подозрений.

— Вы знали, что они...

— Общаются? — Зарг попытался изобразить иронию, но его водянистые глаза не передали всю полноту этого чувства. Лишь злость или равнодушие мог выразить таким образом сарийский маг. — Разумеется, я был в курсе вспыхнувшей между ними искры. Я наблюдал зарождение их... любви, если можно так сказать. Презабавное зрелище. Чувство, родившееся вопреки всему и не имеющее будущего. Вашему подопечному не стоит переживать, товар непорчен.

Бирх поморщился от вульгарности сравнения сарийского мага.

— Вам не кажется, что личная жизнь принцессы — не ваше дело? — Элирийский волшебник негодовал. Животное! Настоящее животное! Холодное, бессердечное и приземленное, как червь, копошащийся в земле.

— Мое, и ничье иное. Мы с вами давали клятву, Бирх, помните? Защищать доверенные нам семьи от любых опасностей, которые способны повлечь за собой смерть вверенного нам лица. Себастьян представляет угрозу для здоровья принцессы. Разобьет ей сердце, а она не переживет его поступка и бросится с башни, что тогда? Не буду ли я виноват в том, что произошло? Клятва может воспринимать все именно так.

— М-да, об этом я не подумал. — Бирх задумчиво потер переносицу, словно стряхивая с нее невидимую пыль, которая появлялась только тогда, когда он нервничал.

— То-то я смотрю, вы спокойны, как сытый тролль! Не переживайте понапрасну, Бирх, моя теория вполне может оказаться неверной, но, если ваш подопечный умрет, а вы превратитесь в пепел, значит, я был прав.

Лес со стороны лагеря озарила яркая синяя вспышка, а следом раздался рев раненого и разозленного монстра. Не сговариваясь, Бирх и Зарг поспешили на помощь отряду, уповая на то, что там еще остались люди, которых можно спасти.

У Кристофа получилось. Он не просто сотворил разящую молнию, но и попал в незваного гостя, заглянувшего с явным намерением позавтракать путниками. Ранее ученик Зарга не мог похвастаться подобными достижениями. Сейчас же у Кристофа вышло то, над чем он бился последний год. Можно собой гордиться, если удастся остаться в живых.

Нарушившая идиллию раннего утра тварь не отличалась человеколюбием и деликатным обращением с предполагаемой пищей. Один из рыцарей уже лежал поломанной куклой, устремив пустые глаза в желтеющую листву деревьев.

Джанарио отвлекал внимание монстра на себя, лихо петляя между камнями и вещами, изредка ныряя в кусты и укрываясь за стволами деревьев, давая тем самым шанс с трудом державшимся на ногах рыцарю и Кристофу наносить удары по не чувствующему боли зверю.

Странная она была, эта тварь. Непропорциональная, с маленькой зубастой головой, вытянутой шеей, длинными лапами с четырьмя когтями на каждой. Тело заключено в хитин, на спине — два выступа, намекающие на крылья, удаленные природой за ненадобностью.

И теперь монстр выбрал в качестве следующей жертвы Кристофа, перестав обращать внимание на Джанарио и решив наказать ученика мага за пущенную в него молнию.

Мальчишке подобная смена приоритетов не пришлась по нраву, но что делать?

Бежать! Бежать со всех ног и удирать зайцем.

Джанарио и рыцарь бросились на выручку Кристофу. Первый отправлял в тело монстра гневные послания в виде стрел, что отлетали от кровожадной твари, как пущенные через трубочку горошины от каменной стены.

Рыцарь же надеялся на то, что существо отвлеклось, и пытался подсесть тощие ноги зверя, тем самым снизив его маневренность и верткость. Он настолько увлекся, что пропустил момент, когда монстру надоели назойливые приставания тех, кто должен был в страхе от него удирать.

Тварь крутанулась на месте, выбросив вперед правую заднюю конечность. Рыцаря не спасла кованная гномами кольчуга и фамильный шлем. Воздух наполнился запахом крови, и монстр временно оставил Кристофа, решив набить желудок тем, что стало доступно в данный момент.

Ученик мага забежал за дерево, переводя дыхание. Джанарио остервенело выпускал одну стрелу за другой, не добиваясь ровным счетом ничего. На этого монстра холодное оружие не действовало.

Кристоф проверил свой резерв. Пущенная молния здорово его опустошила, и на вторую сил вряд ли могло хватить. Был еще накопитель, отложенный в мешок на тот самый случай, который неожиданно наступил.

Крадучись ученик мага двигался в сторону оставленных без присмотра вещей, изредка поглядывая на пирующего монстра. Зверь не обращал на перемещения Кристофа и стрельбу Джанарио абсолютно никакого внимания. Когда я ем, я глух и нем. Да и что могут противопоставить ему эти смертники? Их и так осталось только двое! Потом ими можно заняться! Не уйдут далеко!

Стрелы закончились. Паж с тихим ругательством отбросил бесполезный лук в сторону. Это конец! Пробить хитин довольно урчащего монстра было не под силу. А надежды таяли, как грязный весенний снег под лучами летнего солнца.

Кристофу вряд ли удастся сразить наглуго тварь. Он молод и неопытен, а лихорадочный блеск в глазах выдает неполный резерв слишком много взявшего на себя мальчишки.

И что теперь ему остается?

Бросить Кристофа на растерзание зверя, а самому уповать на то, что монстр насытится тремя жертвами? Нет, Джанарио так не поступит. Виария не поймет такого поступка, а король долго разбираться не будет, и Седьмой Высокородный дом вмиг лишится отвоеванных с таким трудом позиций, что были утрачены после памятного бунта против предка Филиппа Спокойного. Подобного исхода Джанарио допустить никак не мог.

Он жестом показал Кристофу, чтобы тот уходил, и без лишних слов направился к твари, поигрывая тяжелым мечом.

Когда до монстра оставались считанные шаги, две молнии с шипением поразили зверя, отбросив в сторону от недоеденного трупа.

Джанарио отпрыгнул от пронесшейся мимо него туши, радуясь, что не потерял меч и не напоролся на него при падении.

Тварь подскочила вверх и угрожающе заверещала. Бирх и Зарг не сговариваясь окружили ее.

Волшебник Элирии едва слышно что-то сказал, и его руки покрылись зеленым свечением, наливаясь цветом при каждом его слове.

Колдун Сарии выпустил ненасытные щупальца, чтобы поживиться разошедшимся зверем. Бесплотные орудия пожирателя окутали устрашающе клокочущего монстра и с недовольством вернулись к Заргу.

— Что вы на меня так смотрите? Мертвяк это поганый! — оправдывался за неудачу со щупальцами маг. — Я не всеядный, тухлятиной не питаюсь.

Стоило Заргу произнести это, как Джанарио ощутил всю прелесть запаха гнилого мяса, вырвавшегося на свободу из открытых ран твари, которые появились благодаря ударам молний двух опытных чародеев.

Элирийский волшебник, паж принцессы и ученик сирийского колдуна с откровенным недовольством поморщились от вони разлагающихся внутренностей монстра, а вот Зарга подобные ароматы внутреннего мира зверя не впечатлили. Нужно сильно постараться, чтобы сарийского мага впечатлить!

Отсутствие свежего воздуха не помешало Бирху нанести очередной удар по наглой твари, но вышла промашка. Тварь увернулась с издевательским рыком, но радовалась недолго, получив магическую оплеуху от Зарга, решившего на практике показать, что и без щупальцев он на многое способен.

Монстр упал на спину, издавая неясные звуки из раздробленной пасти. Джанарио, не теряя времени даром, погружал меч все глубже и глубже в голову зверя, пока лапы твари не перестали дергаться в конвульсиях.

Шатаясь, паж добрал до потухшего костра и повалился без сил.

Кристоф же отчаянно рылся в вещах, коих он немало вытряхнул из недр своего мешка на всеобщее обозрение. Накопителя среди них не было...

ГЛАВА 12

И снова я пытаюсь уснуть. Тщетно. Прочитанное не дает мне покоя.

Эх, и почему я не занялась изучением находки утром?!

Последние строки дневника обрывались на самом интересном месте. Что увидел неизвестный мне дракон в кабинете Марлоу? Лишь одно существо могло мне поведать всю правду о событиях... какой давности? Точно не десятилетней, ведь я живу в этом чертовом замке уже двадцать лет.

Я не стала ждать рассвета и поспешила в библиотеку, прекрасно зная, что сон Гарконаша — понятие эфемерное. И не столь важное, ведь даже без него дух будет пребывать в добром здравии. Порой хорошо быть книгой. Имеются в этом свои плюсы!

— Твоя тяга к знаниям настолько сильна, что не может подождать до утра? — Гарконаш не стал строить из себя обиженного соню, ненавидящего весь мир за то, что его разбудили. Стоило только мне зайти в библиотеку, как он тут же подлетел, просясь на ручки. Разве я могу ему отказать?

— Скорее любопытство, Гарконаш, — мягко улыбнулась я летающей книге, наблюдающей за мной единственным глазом, который однажды мне удалось поймать. Маленькой была, глупой и настырной. Никакого уважения к старшим! — В замке были еще драконы до меня?

Гарконаш задумался, непрерывно переворачивая страницы, словно невидимый монах листал древнюю летопись.

— Моя память молчит, Кайла, — через минуту сказал Гарконаш. — Так же как молчала и тогда, когда ты спрашивала меня о своей семье. Если еще один дракон и был здесь, в замке, то точно до меня. Иначе бы я наверняка знал.

Я расстроилась. Ведь так надеялась, что Гарконаш даст ответ на интересующие меня вопросы. Жаль, что незнакомец не написал своего имени в дневнике, возможно, зная его, книга смогла бы хоть чем-то мне помочь. Но ведь в записной книжке было еще одно...

— А принцесса Алисия? Ты не встречал ее в замке?

И снова страницы бешено заколыхались. Гарконаш усиленно шелестел желтоватыми листьями, изображая кипучую деятельность. Я неотрывно наблюдала за его мыслительным процессом, завороченная скоростью мелькающих букв.

Когда же до конца книги оставалось с десяток страниц, Гарконаш перестал наполнять комнату шорохом бумаги, и я с удивлением заметила причину его остановки. Несколько абсолютно чистых листов книги были перевязаны красной лентой и не позволяли Гарконашу себя прочитать.

Я коснулась их и с воплем отдернула руку, прижав ее к губам.

— Жжется, — пожаловалась я Гарконашу, рассматривая покрасневшие от контакта с лентой пальцы.

— А как ты хотела? Чтобы секреты так просто доставались первому встречному? — Книга болтала в свойственной ей манере, словно ничего и не произошло, но досаду и удивление в тоне я уловила. Гарконаш явно впечатлен, что загадка оказалась внутри его. Обычно тайны мироздания скрываются где-нибудь на полках библиотеки замка. А тут...

— Хотела, чтобы не так больно было! Эту ленту можно как-то убрать?

— Попыаться можно. — Гарконаш переместил свой единственный глаз поближе к той ужалившей меня штуке и принялся ее изучать.

Мне же надоело держать его на весу (книга являлась наглядной иллюстрацией того, что знания легкими не бывают!), и я положила Гарконаша на стол, давая ему возможность детальной рассмотреть блокирующую воспоминания ленту.

Сама же направилась в сторону забытых до отказа стеллажей, поглядывая на переливающиеся в тусклом свете свечей указатели, прибитые на полки кем-то из рода Марлоу. Видно, что резчик по дереву сильно старался, вкладывая душу в каждую завитушку поставленных в один

ряд книг. Любовь к неодушевленным предметам — что может быть милее и долговечнее?

— Женская глупость и мужское упрямство, при условии что ты сторонний наблюдатель сего процесса! — разошелся в моей голове Гарконаш, напоминая мне о том, что думать о чем-то ином в присутствии летающей книги чревато. Он все записывает! — Кайла, пора тебе приниматься за ведьминскую работу. Зелья варить!

— Только не это! Может быть, есть другие способы снять с тебя этот... эту...

— Этот. Ограничителем зовется, пренеприятнейшая вещь. Снимается либо магически, либо с помощью зелий. Сама понимаешь, что ты, я и Киммер в магии не сильны. Разумеется, можно попытаться привести сюда какого-нибудь колдуна-чародея, но что-то мне подсказывает, что Марлоу нам с тобой помогать не будет, а присутствие другого волшебника в замке ему, мягко говоря, придется не по нраву. Поэтому нам остается лишь одно...

— Варить зелье, которое снимет ограничитель, — с тихой скорбью вздохнула я. — Надеюсь, рецепт у тебя имеется?

— Имеется, но, чтобы подтвердить его правильность, тебе придется хорошенько прошерстить эти книжные полки. Неси стремянку, поиски будут долгими!..

Как же приятна утренняя прохлада! Невероятное наслаждение!

После того как я надышалась библиотечной пылью, простое посещение примыкающего к комнате коридора воспринималось как долгожданный праздник, а первозданная природа Ведьминой Чаши — как истинный подарок богов!

Думаю, Киммер со мной согласится, что свежий воздух намного лучше клетки. Простора значительно больше, да и не давят стены со всех сторон. Иными словами, полная идиллия!

Даже птенец пробрался к вам, принц, чтобы вас навестить! Выбрался, понимаете ли, из хлева и ластится, маленький, ластится, словно лет двадцать не видел предмет своего обожания, а не всего лишь ночь. А Киммер его почесывает и общается с ним доверительно так, ласково, а со мной — нет. Как будто не я его вытащила из тюрьмы и взяла с собой на ознакомительную прогулку по Ведьминой Чаше, сменив гнев на милость. Вот и где после этого в жизни справедливость?!

Молчишь, принц? Что ж, молчи! Как ты со мной, так и я с тобой буду! Попросишь ты меня поведать о тайных тропках, а я тебе скажу...

— Осторожно, Кайла! — Киммер успел схватить меня за локоть, не давая одной невнимательной драконице осыпаться со склона вниз, как маленькие камушки.

И откуда он здесь взялся? Не помню я этот склон. Вот что значит в замке сидеть и нос свой не высовывать. Расплачиваюсь теперь, увы и ах...

— Вы под ноги вообще смотрите?!

— Частенько, принц, — процедила я, сбрасывая его пальцы со своего локтя. — К чему слова, когда столь ярки жесты? Раз выручили несчастную девицу, так погрозите пальцем, чего уж там! А вы разбрасываетесь словами столь небрежно... Эх, принц, как вам не стыдно!

— Вы не думали, Кайла, что мое отношение к вам является результатом вашего же отношения ко мне?! Вы меня усыпили!

— Позаботилась о вашем сне!

— Забрали найденную мною вещь!

— Приняла возможный магический удар на себя! — парировала я. — Видите, с каким трудом я хожу по этой земле? Могли бы посочувствовать, а вы...

— Заперли меня в тюрьме! — продолжал выставлять мне претензии принц.

Наивный! Разве можно с нами, девушками, вести разговор в подобном тоне? Мы же такие ранимые, впечатлительные, на нас голос повышать нельзя! Иначе можно легко оказаться в дураках и после долго просить прощения за неподобающее отношение. Насмотрелась я

представлений, что Снедька устраивала своему благоверному. Вот где истинное мастерство и грация женского коварства!

Так, что бы вспомнить такого жалостливого? Может быть, то распрекрасное утро, когда я впервые проснулась одна в целом замке? Или же порку от Марлоу, опробовавшего на мне новый кнут? Или долгожданное превращение, после которого я два дня провалялась пластом на площади? Нет, последнее не подходит. Радости от удавшейся трансформации было в разы больше...

— Кайла, вы что, плачете? Вы это бросьте, морщины появятся! Они вам нужны?! — Киммер сгреб меня в охапку и прижал к груди, не забывая слегка баюкать.

Сразу уютно стало, так хорошо, что я расклеилась еще сильнее. Не знаю, какое из воспоминаний послужило катализатором, но ревела я знатно. Душевно. С надрывом. Но без переходящих в визг нот.

Климат у нас довольно-таки прохладный. Еще простудится, не дай бог. Стыдно будет.

Мне.

Потом.

Сейчас не стыдно. Сейчас очень даже приятно. Если бы обняли покрепче, то вообще было замечательно.

Но и так сойдет. На первый раз!

— Я же за вас переживаю, Киммер. — Я смогла совладать с нахлынувшими эмоциями, даже голос не звенит, что удивительно. Интересно, а лицо не опухло от слез? — А вы целеустремленно пытаетесь свести счеты с жизнью, пока меня нет с вами рядом. Вы могли упасть, разбиться. И что бы я тогда делала?

Принц не пытался мне возражать, продолжая обнимать и не забывая проводить перчаткой по моим волосам. И тут же меня начал грызть вредный зверек по имени Каверзный Вопросик: а голой рукой, Киммер, вы можете меня погладить? Я не чумная и, между прочим, моюсь! Регулярно!

— Воскресли бы меня, — усмехнулся принц, и сидящий в его волосах птенец утвердительно пискнул.

Подхалим! Вот она, мужская солидарность в действии!

— У вас уже есть опыт, и он сидит у меня прямо в волосах.

Малыш подтвердил сказанное трелью и цапнул Киммера за чуб, приняв его за пищу.

— А если серьезно, милая Кайла, то у меня и в мыслях не было подвергать ваши чувства столь огромной опасности. Я уповал на то, что мое «путешествие» закончится раньше, чем вы проснетесь и заметите мое отсутствие. Мне так хотелось доставить вам радость, как тогда, на кухне, что я не продумал всех возможных последствий. Мой сюрприз не удался, но я надеюсь, что другие будут намного лучше. Мир?

И прежде чем я ответила на столь вопиющую дерзость наследника Элирии, прямым текстом мне заявившего, что меня ожидают новые потрясения от его незапланированных выходов, он сильнее сжал объятия, словно я была любимой подушкой недополучившего материнской ласки ребенка.

Кислород стремительно уходил из легких, что подстегнуло меня в принятии правильного решения.

— Ладно, принц, ваша взяла! Извинения приняты, и я больше не сержусь! — От столь бесцеремонного со мной обращения мой голос осип, и я получила порцию спасительного воздуха, когда Киммер отступил на шаг.

Хорошо, что места здесь глухие и слепые, иначе моя репутация после сегодняшних событий существенно бы пострадала. Это ж надо, незамужняя девушка обнимается не с женихом, а с принцем соседнего государства, чьей женой ей не стать никогда. Обидно и неприятно. И почему здравый смысл и совесть просыпаются только тогда, когда все уже случилось? Почему не раньше?

Принц выжидающе смотрел на меня, причем не в глаза, а как бы сквозь меня. Был бы на моем месте Марлоу, расплата за неуважение последовала бы незамедлительно. Я же поправила накидку и сухо заявила Киммеру:

— Я благодарна вам, принц, за то, что вы не оставили меня и попытались привести в чувство, но прошу вас впредь подобного не делать. Незамужней девушке не пристало бывать в объятиях мужчины, не претендующего на ее руку и сердце. Надеюсь, что мы друг друга поняли. За мной!

Киммер возвел глаза к небу, при этом решив не делать мне замечаний за командирский тон в адрес его королевского лица. Да и по большей части мои слова к принцу-то и не относились целиком и полностью. Я так обращалась и к самой себе, призывая смотреть на случившееся максимально трезво и взвешенно, не тешась напрасными иллюзиями. Я остро реагирую на Киммера лишь из-за того, что он первый симпатичный мужчина в замке, который относится ко мне сравнительно неплохо. И принц подходящего мне возраста, вот гормоны-то и бушуют! Пора прекращать строить воздушные замки, у меня есть свой собственный, и его потрогать можно. А Киммера трогать не надо. Не моя он пара, увы, не моя...

Разговор благоприятно подействовал как на Киммера, так и на меня. Настроение, получив заряд неопишуемой бодрости и энергии, ошутимо подскочило вверх, желание дуться и обижаться тут же собрало свои вещички и убежало в неизвестном направлении, а принц решил провести со мной обстоятельную культурную беседу. Обо всем! О погоде, Ведьминой Чаше, увиденных мною городах и королевствах и даже (нельзя о таком говорить в приличном обществе, ой нельзя!) о политике, в которой никогда не интересовались женским мнением!

Киммер меня выслушал, над чем-то необидно посмеялся, над чем-то задумался и в итоге похвалил за смелость суждений и наблюдательность. От столь лестной похвалы я зарделась аки маков цвет. Подозреваю, что если бы не густая хвоя деревьев, то видно меня было бы с любых крыш башен замка.

Я достала список ингредиентов от Гарконаша и еще раз с ним сверилась. Забывчивость не являлась моей постоянной спутницей жизни, но изредка навевалась в гости, да еще и без предупреждения. На всякий случай я записала все то, что транслировала мне в голову умная летающая книга, ведь помимо беспамятства со мной был еще один значимый фактор — наследный принц Элирии, чье странное воздействие для меня оставалось непредсказуемым.

Могла ли я его не брать с собой за пределы замка? Могла. Но мне спокойней, когда Киммер находится рядом, под присмотром, и у меня не останавливается сердце от подозрений — вдруг он решил сбежать? К тому же в этих лесах одной ходить небезопасно, есть тут ребята, от которых стоит держаться подальше. А если милостью богов мы попадемся, то мужская сила Киммера будет очень кстати. Не хотелось бы превращаться в дракона и вызывать ненужные вопросы. Рано пока Киммеру знать о способностях девушки Кайлы. Рано.

А лучше вообще о них не знать. Целее будет!

— Вот это гигант! — восхищенно произнес принц, глядя на выделяющегося из общей массы деревьев исполина, чей облик действительно впечатлял.

Окруженный игольчатыми собратьями, объект пристального внимания Киммера не имел той стройности и взъерошенности кроны, как у остальных, у него был массивный гладкий ствол и длинные искривленные ветки, устремленные вверх. Чем-то ярмата душистая (Гарконаш уверял, что сей уникал природы зовется именно так, и никак иначе!) напоминала погасший факел, если рассматривать ее отдаленно и без определенного скептицизма.

— На острие копыа похоже, что-то есть в этом дереве такое... разящее, — задумчиво произнес Киммер, разглядывая ярмату со всех возможных ракурсов.

Свое мнение насчет ассоциаций я принцу озвучивать не собиралась. Главное, чтобы не мешал мне, пока я буду пробираться к верхушке дерева.

Копье, значит, копье. Посмотри еще, принц! Это так увлекательно.

— Киммер, если услышите мой крик, — я изобразила вопль раненой гарпии, отчего птенец негодуяще пискнул и зарылся в волосы наследника Элирии от греха подальше, — то сразу же прячьтесь и не высовывайтесь, пока я не подам сигнал снова. Вам ясно?

— В этом лесу живет кто-то еще?

— Да, и они не слишком дружелюбны. Лучше им на глаза не попадаться, целее будете!

Не люблю лазить по деревьям! Скинув обувь, я не стала просить Киммера отвернуться и полезла к верхушке ярматы. А чего стесняться-то? Я в штанах, не в юбке, все приличия соблюдены. На руках — перчатки, дабы не испачкать пальцы едкими выделениями дерева, портящими вещи не хуже, чем драконья... хм... не важно что! Жаль, что носочки придется сжечь вместе с перчатками, они мне нравились. Правда, мне все мои вещи нравятся, а куда, собственно, деваться-то? Приходится жертвовать и получать свободное место в подарок. Только этой мыслью я себя утешаю в подобных ситуациях.

Пару раз я сползала, один раз едва не сорвалась вниз под треск все же выдержавших меня веток и обеспокоенный взгляд переживающего Киммера, но судьба лишь проверяла меня на прочность.

Балансируя на пружинящих ветках ярматы, я старательно пробиралась цели — неприметному ореху размером с мой кулак. Он сливался с ветками дерева, являясь, по сути, его сердцем, которое можно спокойно забрать, если сюда доберешься и проявишь силу воли. Мне приходилось залезать так высоко в далеком детстве, когда нестерпимо хотелось чего-нибудь красивого, чтобы аж за душу брало.

И ярмата душистая в этом плане была выигрышным вариантом: завораживающий вид открывался с ее верхушки, да и мудрость жизненную дерево давало с избытком. За все хорошее рано или поздно приходится платить. Ничего просто так не бывает.

Я с трепетом коснулась шершавого ореха и потянула его на себя, искренне надеясь, что Гарконаш прав. У дерева вырастет новое сердце, и ярмата не погибнет по прихоти одной глупой драконицы, желающей докопаться до правды всеми возможными способами.

Что же стало с неизвестным драконом и принцессой Алисией? Живы ли они?

Я искренне надеялась, что, если мне удастся снять защиту с памяти Гарконаша, это приблизит меня на шаг ближе к пониманию, откуда я взялась в Ведьминой Чаше. И что произошло с теми, кто подарил мне жизнь.

ГЛАВА 13

Года два назад мне довелось побывать на представлении бродячего цирка. Не абы какого, а именитого, не раз и не два выступавшего перед разношерстной публикой с большим успехом, поэтому билет стоил втридорога. До сих пор помню щемящее чувство восторга, когда парень и девушка под куполом цирка шапито делали всякие красивые па. Как он крепко держал ее за руку, не давая упасть, а она без страха выполняла отрепетированные трюки их совместной программы.

И сегодня мы с Киммером пополнили славные ряды этих циркачей!

— Ну и зачем вы за мной полезли? — Некомфортно вести беседу, когда твои ноги болтаются далеко от земли, а голова неудобно задрана вверх, но выбора у меня нет. Вполне возможно, что позже выяснить причину поступка Киммера я могу и не успеть. Мало ли что случится здесь и сейчас.

— Я услышал ваш крик и полез узнать, что с вами. — Принц был совершенно спокоен, словно держать меня так для него не составляло особого труда. — Как видите, не зря!

Ага, вижу! Прямо оторвать взгляд не могу, как же мне повезло!

Вот откуда вы взялись на мою голову, такой внимательный и заботливый, а, Киммер?!

Другой бы на вашем месте стоял столбом или место себе понадежней искал, где бы схорониться на случай появления неведомых врагов.

А я теперь не знаю, плакать мне от внезапного счастья или смеяться от собственного невезения. Не надо было мне столь бурно радоваться сорванному сердцу ярматы, ох не надо было!

— Это вы виноваты, Киммер! Вы приносите мне неудачу!

— Вы всегда можете договориться с драконом, Кайла, чтобы он меня вернул раньше положенного срока! — усмехнулся принц и притянул меня поближе к себе, вызвав бурю чувств в моей душе. — И тогда вы точно будете в выигрыше!

Кто-то явно решил покрасоваться и поиграть мышцами, вот только зачем? Я уже оценила и нахожусь под впечатлением. Не надо провоцировать меня на дополнительные эмоции. Ни к чему хорошему это не приведет, проходили, знаем-с!

— Как и вы, Киммер!

Принц тянул меня все ближе к себе, вцепившись другой рукой в толстую ветку ярматы.

Я положила орех в карман и приготовилась вцепиться в спасительную ветку мертвой хваткой. Другой попытки перестать болтать ногами у меня явно не предвидится.

— Разве? — На лице Киммера проступила испарина, и он с рыком уменьшил расстояние между мной и веткой.

Я не стала мешкать и выполнила задуманное с блеском, схватив ветку рукой, а позже и ногу перекинула на нее для верности. Принц помог мне забраться туда, после чего прижал меня к себе, оперевшись для верности в ствол дерева. Эх, придется и вещи Киммера сжечь вместе с моими перчатками и носочками. Такими темпами мои запасы оскудеют раньше срока. Придется мне снова шить днями и ночами... или проще все купить?

Киммер смотрел все тем же странным взглядом, словно меня здесь и не существовало.

Я занервничала.

Не нравится мне сложившаяся ситуация.

Я снова иду той извилистой дорожкой, по которой приличные девушки не ходят. Оказываюсь в объятиях принца уже второй раз, что является непозволительной роскошью. Пора избавляться от опеки Марлоу, убираться прочь из Ведьминой Чаши и искать себе мужа толкового, рукастого и любимого, чтобы дом на берегу у моря построить и детишек родить, трех, не меньше.

Осталась лишь самая малость. Сущий пустяк. Избавиться от треклятого мага и жить

припеваючи. И как это сделать?

— Что вы делаете? — настороженно спросила я Киммера, уткнувшегося носом в мои волосы.

— Вам неприятно? — Принц слегка отстранился и провел тыльной стороной перчатки по локонам подозрительной драконицы.

— Нет, и это мне не нравится. Не люблю неопределенность. — Я сглотнула от прилива чувств, но сумела не выдать обуявшие меня эмоции. Спасибо урокам Марлоу!

— Отчего же? — Киммер задумчиво коснулся моего лица, как слепой ощупывает вставшее на его пути препятствие. Мягко, недоверчиво и с затаенной надеждой на лучшее. — Между нами все совершенно ясно. Вы — порядочная девушка, с принципами и со стальным стержнем внутри, что вызывает мое восхищение и уважение. Я же — мужчина, попавший под ваше обаяние. И есть грань, которую мы с вами никогда не переступим. Нам осталось быть вместе каких-то жалких три дня, после чего мы вряд ли когда-нибудь встретимся. Разве стоит портить их ненужными сомнениями?

Я опешила, признавая, что в словах принца имеется определенный смысл. Нам отведено не так много времени на то, чтобы насладиться обществом друг друга. Я получу внимание, положенное понравившейся девушке. А что получит Киммер?

Загадка.

Но я готова сыграть в эту игру, поскольку принц прав. Есть грань, которую мы ни за что не переступим. И хорошо, что мы оба понимаем ее значимость в жизни наследника Элирии и драконицы из Ведьминой Чаши.

Странное такое чувство — головой он понимал, что нельзя обнимать Кайлу, прикасаться к ее волосам и вдыхать их сладкий аромат, а все равно продолжал делать то, что считал правильным.

Вопреки голосу разума. По воле сердца. Непозволительная роскошь, нежданно-негаданно свалившаяся на Киммера с неба. И от этого подарка судьбы отказаться будет совсем непросто.

— Станный у вас ошейник, Кайла. Сплошной металл без рун, магических иероглифов и прочих колдовских знаков. Их нанесли на внутреннюю поверхность этой... мерзости?

— Вероятнее всего, Киммер, ваше предположение справедливо. Мне не довелось разглядеть ошейник со всех сторон. Могу лишь сказать, что его внутренняя подкладка, по ощущениям, сделана из мягкого материала, не царапающего кожу и не затрудняющего дыхание. А вот металл... Он не совсем обычен, Киммер, и я думаю, что дело именно в нем.

Наследник престола Элирии ждал. Чувствовал, как Кайла собирается с силами и мыслями, чтобы открыться и поведать ему о том, что причиняет ей боль. Киммер не торопил девушку и не спешил беречь ее раны. Иначе Кайла замкнется и уйдет в себя, а принцу придется довольствоваться лишь догадками, ничем не подкрепленными. Догадками, на которых далеко не уедешь.

— На мне этот ошейник столько, сколько я себя помню. — Кайла говорила обыденным тоном, словно рассказывала соседке, как приготовить вкусную похлебку, не более того. — Не сильно солгу, если скажу, что с рождения. Ведь именно тогда я попала сюда, в замок, расположенный в Ведьминой Чаше.

Горькая усмешка заиграла на губах рассказчицы, и аромат девушки тут же изменился. Дохнуло осенью. А так приятно пахло ранней весной...

— Знаете, Киммер, как противно жить с этой штукой, которая растет вместе с тобой? Просыпаться с ней каждое утро, заниматься домашними делами и засыпать с этим ошейником, понимая, что так будет продолжаться всю твою сознательную жизнь. И хочется выть от безысходности, от тоски, от надоевших стен, что окружают тебя долгие годы. Только... поможет ли это мне? Сомневаюсь... Я в клетке, Киммер, в самой настоящей клетке, которую сменила бы с превеликим удовольствием, представься мне шанс уйти отсюда. Даже без ничего.

Киммер прижал девушку к себе, стараясь передать ей хотя бы крупицу своего тепла. Внешне принц оставался совершенно спокойным, а внутри его бушевала злоба, требуя найти

коварного мага, сотворившего с Кайлой Такое, и пообщаться при помощи хорошей стали. В замке имеется оружие, Киммер запомнил, где оно лежит.

— Расскажите мне о ваших попытках выбраться отсюда, Кайла. Ни за что не поверю, что их не было.

— Были, что тут скрывать! — не стала отпираться девушка, удобно положив голову Киммеру на плечо. — За хорошую работу хозяин выпускал меня в близлежащие города на несколько часов, дабы я не тронулась умом от долгого пребывания в замке. Там я искала мастеров из гильдий гномов, эльфов, орков... Разные расы и мировоззрения, знания, опыт и умение обращаться с инструментами для самых сложных работ... Мнение едино: снять ошейник может только тот, кто его надел на мою многострадальную шею. Никому другому столь трудный процесс не подвластен.

— Вы не пробовали бежать из Ведьминой Чаши, Кайла? Вдруг хозяин вас попросту обманывает?

— Пробовала, Киммер, далеко не ушла. Скрутило меня так, что еле поползла. Тяжело ползти по снегу, в метель, когда все тело ломит от боли. Как до замка добралась, до сих пор не понимаю. Второй раз я подобный подвиг не совершу. Кишка у меня тонка...

Киммер достал индикатор магии из кармана и принялся водить им вокруг ошейника Кайлы.

Девушка не видела, как камешек меняет свой окрас, пристально всматриваясь в напряженное лицо принца, на котором появлялось удивление, смешанное с возмущением и досадой.

— Желтый цвет указывает на то, что на ошейник наложены чары сокрытия чародейских знаков. Поэтому их никто и не видит, Кайла, как ни пытаются. — Киммер старательно рассказывал девушке то, что Бирх вдавливал в его голову не одно занятие. — Фиолетовый выдает вашу связь с ошейником по определенному параметру. Уверен, что речь идет о зависимости ошейника от вас: вы росли, и он соответственно рос вместе с вами. А вот красный цвет здесь самый интересный.

Принц приобнял девушку покрепче. Реакция Кайлы на новости о ее ошейнике может быть самой разной. От истеричного смеха до слез. От попытки вырваться из рук принца до потери сознания в его же руках. Стоит девушку подстраховать. На всякий случай.

— Вы не привязаны к замку через ошейник, Кайла. Его основное предназначение заключается в ином... в кардинальном изменении вашей внешности... Вы не та, кого видите каждый день в зеркале и в глазах окружающих вас существ. И я очень хочу узнать у бездушного мага, сотворившего с вами такое, чем именно вы заслужили подобное наказание.

Час от часу не легче! Жила я себе спокойно, изредка трогая по приказу Марлоу королевичей да принцесс, выбираясь иногда по делам земным, суетным, а оказывается, что я — это не я. И такое бывает на свете.

День открытий сегодня, можно праздник устраивать. Пир на весь мир, так сказать! Поводов уйма, и один лучше другого!

Киммер признался, что ко мне равнодушен. Повод? Повод!

Ошейник изменяет мой облик. Повод? Повод! За него стоит выпить минимум кружку пива!

А кольцо-то фамильное, что Марлоу принадлежит, не таким уж безвредным оказалось. Через него маг меня и привязал к замку, да еще и силы из меня тянет, гад пузатый!

Молодец он, Марлоу, хорошо соображает. Не то что я. Правильно придумал запугать наивного ребенка ошейником, мол, именно из-за него ты не можешь покидать надолго Ведьмину Чашу. Если бы маг с самого начала сказал мне, что кольцо является виновником моих страданий, то сняла бы его тут же. Не получилось бы снять — отгрызла бы палец и улетела куда-нибудь подальше. В ту же Элирию, например. Чем не вариант?

Вот теперь, правда, не знаю, что и делать. На распутье стою.

Избавиться от фамильного украшения Марлоу? И как быстро я смогу покинуть Ведьмину Чашу вместе с Киммером, Миликой, Тихоней, Шрамом, Актером и Гарконашем? Я сильно сомневаюсь, что последний захочет покидать насиженное место. Да и жить в страхе за судьбу

близких мне существ не хочу. Одна я сбежала бы точно, а вот за них у меня сердце кровью обливается. Марлоу не тот человек, что забудет и простит. Царство Неприкаянных Душ перевернет вверх дном, а своего непременно добьется.

Такого врага опасно оставлять живым и невредимым, стоит озаботиться его прямым попаданием к любимым предкам. Но лишь после того, как Марлоу поведаст секрет, как снять этот ненавистный ошейник.

На этом настаивает Киммер. Мне же, если честно, все равно. Я привыкла к своей внешности, и она меня полностью устраивает. С трудом представляю, что могу выглядеть как-то иначе.

Мое неприятие идеи наследника престола Элирии было вызвано еще и тем, что возвращение в исходную форму весьма болезненный процесс, а перспектива выяснить, что имеется огромный горб, жирная бородавка на кривом носу или бельмо на правом глазу, меня абсолютно не прельщает.

Для себя же я решила следующее: расправляюсь с Марлоу при помощи Киммера, возвращаю принца пред заплаканные очи принцессы Сарии, пристраиваю Милику в пансион благородных девиц и вместе с грифоном и берийскими псами поселяюсь где-нибудь в глухой провинции с возможностью покинуть ее, когда мне заблагорассудится.

Жаль, что замок я больше не увижу. Привыкла я к нему. И к запасам своим. И к скоту домашнему. Да и к быту налаженному.

Положа руку на сердце, не хочу я убивать Марлоу. Он причинил мне много зла, и шрамы есть не только на теле. А грех этот для меня может вполне оказаться неподъемным. И так на душе моей предостаточно разного рода провинностей перед богами. Не одних гарпий я лишила жизни когда-то. Не одних...

Иду впереди Киммера, периодически поглядываю на его идиллию с Чудом. Да-да, именно так он назвал спасенного птенца пушистиком. Кажется, эти двое нашли друг друга. Прямо завидно немного... совсем чуть-чуть!

Получила внимания, как сорока на ветке, дай другим насладиться им сполна. Чудо же нам с Киммером обниматься не мешало? Не мешало! Вот и я не буду им мешать!

Птенец просидел все время на соседней ветке, не прерывая наше общение писком, пением и прочими звуками, перетягивая воображаемое одеяло на себя. Будто его и не было на ярмате душистой вместе с нами. Маленькое скрытное Чудо!

Я остановилась и жестом приказала Киммеру не шевелиться. Осторожно переступила через едва заметную леску и велела принцу ступать за мной след в след.

— Какие интересные лесники обитают в сей неприступной глуши. — Наследник престола Элирии заинтересованно разглядывал приготовленную для зазевавшегося зверя ловушку. — Вы их точно никогда не встречали, Кайла?

— Ну отчего же, принц, видела пару раз. Издалека.

— Не соизволили с ними познакомиться? Приняли бы вас в семью, не так было бы одиноко.

— Не люблю, когда знакомство начинают с криков, ругани, да еще и с копий. Если бы попали — другой разговор. А так... зачем мне семья из таких же мазил, как я?

ГЛАВА 14

— Поражаюсь вашей силе, Кайла! Получить такую рану и терпеть, преодолевая боль и стойко стиснув зубы... мое вам заслуженное уважение. Теперь я понимаю, почему вы смогли прожить в Ведьминой Чаше столько лет...

Молчу. Еле сдерживаюсь, чтобы не огреть принца от всей широты души.

Удерживает лишь одно: потом его придется тащить на себе в замок. А мне это надо?

— Не молчите, Кайла, скажите хоть слово! Иначе я окончательно уверюсь в том, что у вас шоковое состояние...

А другого, Киммер, у меня и не будет! Не каждый день в меня попадают семена иглистой мырхи! И все из-за вас, Киммер! Из-за вас! Можно же смотреть по сторонам и выполнять в точности то, что я велю?! Помощник называется!

Вот теперь лежу на боку и не знаю, плакать мне или смеяться. Первое все-таки предпочтительнее. Семена у иглистой мырхи болючие, прорасти хотят.

И буду я ходить по замку такая красивая, с цветами в...

— Я был на войне, Кайла, и знаю, как оказать раненому первую медицинскую помощь. Перестаньте закрывать от меня причинное место, ведь никто, кроме меня, вам здесь не поможет!..

Ошибочка, Киммер! Мне никто не поможет пережить это горе. Семена мырхи удаляются при помощи хирургических инструментов, лезвия которых нагревают до определенной температуры. И остаются от них шрамы на всю оставшуюся жизнь. Не верите? Я когда-нибудь вам, Киммер, покажу.

На руке у меня есть один. По глупости заработала, как сейчас. Полезла прикрывать спину наследного принца Элирии. Его-то закрыла, а зад свой не уберегла!

Вот где в жизни справедливость, а?

— Нет ее! — подтвердил мои мысли Киммер.

Я что, говорила вслух? Вот балда!

— Не выдержала ваших истерик и сбежала. Я же остался и никуда от вас сбегать не собираюсь. Более того, я уберу семена так, что, кроме наших с вами воспоминаний, ничего не останется. Даже шрама! Слово чести!

— Вы их у меня высосете, что ли? — брякнула я не подумав.

От боли совсем плохая стала, мозги набекрень, что дальше?

— Секрет, — озорно улыбнулся мне принц, одним движением переворачивая меня на живот. — Время, Кайла, время! Не надоело еще от боли зубы в порошок стирать? Давайте быстрее, оголяйтесь! Я и сам могу это сделать за вас, но что-то на изнасилование тогда будет похож сей процесс. Не по-людски получится, Кайла...

А пялиться на мои ягодицы по-людски?! О боги, какой позор... О чем я только думаю.

В гробовой тишине (Чудо не рискнуло подать свой голосок в такой момент!) я приспустила походные штаны вместе с отнюдь не эльфийским нижним бельем и принялась ждать обещанной помощи Киммера. Если его слова окажутся правдой, то обязательно, когда вернемся в замок, надену эльфийское. Распотрошу запасы своего приданого!

Далеко не факт, что принцу будет позволено увидеть мои кружева, но настроение от этого у меня точно поднимется. Снедька уверяла, что от осознания того, что на тебе красивое белье, сразу становишься увереннее и привлекательнее. Вот и проверим на практике!

Слышу, как принц снимает с руки перчатку и отбрасывает ее в сторону. Чувствую, как нечто холодное скользит по нежной коже, как оно замирает над больным местом и постепенно снижает градус нахлынувшей на меня пульсации.

— Вытаскиваю по одному... и не смотрите на сей процесс, Кайла, зрелище не для

слабонервных...

Зря вы так сказали, Киммер! Пока вы не заикнулись об этом, у меня не было ни малейшего интереса таращиться на то, как вы избавляете меня от последствий нашей с вами глупости. А теперь он, разумеется, возник, и я не устою перед соблазном насладиться сей процедурой сполна!..

Поворачиваю голову и вижу — кисть принца находится внутри моей пораженной ягодицы, словно так и должно быть! Он что, призрак, что ли?

— Спокойно, Кайла, спокойно! Сейчас я вам все объясню. Придется выполнить то почти забытое обещание, данное вам в наш первый совместный завтрак. Только прошу, не дергайтесь! Не хочу потом ловить вас по всему лесу и вытаскивать эти треклятые семена! Наслаждайтесь моим рассказом, это лучше, чем лежать в тишине...

Меня не зря прозвали обретенным принцем, Кайла. У моего отца, Трогда Свирепого, не было детей. Не понесла от него королева, уйдя после неудачных родов в монастырь замаливать свои грехи. Жаль, что такое случилось, ведь она была ни в чем не виновата. Виноват был мой отец... и моя мать!

Так уж вышло, что Трогд Свирепый уродился весьма охочим до женского пола. Мог легко вскружить голову наивной девице, провести с ней ночь, а утром бросить. Его победы множились, лица и имена забывались. К чему любовь, когда ты не волен следовать бьющемуся в груди сердцу, ведь жену тебе найдет совет или вышестоящая королевская персона. Так и жил себе Трогд Свирепый, пока не повстречал мою мать, ставшую очередной игрушкой. Только для нее мой отец очередным не был.

Она влюбилась, Кайла. Пламенно, искренне, до боли в сердце, разрывавшемся от горькой правды: дочь простого мельника Трогду Свирепому не нужна.

Не смогла моя мать принять тот факт, что ею воспользовались.

Затаила она злобу на отца и после того, как ему выбрали достойную невесту, пошла к болотной ведьме.

Та не стала ходить вокруг да около, сразу предупредив, что мою мать ожидает страшная расплата, поскольку столь ужасные заклятия просто так не работают. Никогда не знаешь, что высшие силы заберут взамен за помощь в делах подобного рода.

Что взять с дочки мельника? Здоровье? Мельницу? А может быть, голос? Мой отец настолько искалечил душу и сердце матери, что ей было все равно, что отдавать. Лишь бы Трогд Свирепый испытал хоть что-то подобное, что испытала дочь мельника.

Да пусть он никогда ни одной девицы не коснется!

Брошенная в сердцах фраза оказалась роковой. Болотная ведьма исполнила просьбу матери, сказав напоследок, что за грехи родителей сполна расплачиваются их любимые дети.

Мать не придавала ее словам особого значения, а через восемь месяцев родился я. Сын дочери мельника и короля Элирии. Бастард, о котором не ведал Трогд Свирепый!

Прошло двенадцать лет. Мать давно позабыла о ведьме и ее проклятии, а у бывшего ее возлюбленного не получалось завести с королевой ребенка, ходили упорные слухи о том, что и с другими женщинами у него тоже ничего не складывается. А последствия проклятия начали в полной мере проявляться на мне.

Вы не представляете, Кайла, какая это мука — не видеть женщин. Их красоту, светящиеся глаза, улыбки... Сплошной туман. Весь черный и гнетущий, очерчивающий контуры фигур, которых ты не можешь коснуться. Не потому, что ты не хочешь или они не хотят. Просто так распорядилось проклятие, сыграв со мною злую шутку.

Я словно призрак, Кайла.

И это лишает меня права на семью, детей и счастье, которое у мельника вполне могло быть с какой-нибудь влюбленной в него крестьянкой.

Однако месть решила все за меня, и попробуй ей объясни, что сын за отца не ответчик.

Моя мать пришла в ужас от осознания того, что приключилось со мной по ее вине. В отчаянии она бежала под проливным дождем к той болотной ведьме и, стоя на коленях, умоляла снять с меня последствия проклятия.

Все тщетно. Сделанного назад не воротишь.

Под каркающий смех болотной ведьмы моя мать уходила прочь, понуро опустив голову.

Шли годы. Женский лик мне виделся лишь на портретах да на изображениях монет, а оставаться дома я больше не мог: война с Сарией выжимала все ресурсы из моей страны, в том числе и людские.

Достигнув призывного возраста, я самостоятельно отправился на фронт. Не потому, что стремился участвовать в боевых сражениях, нет. Меня тяготило чувство вины матери, тот пропитанный мертвечиной запах, исходящий от этого страдания человеческой души.

Поступок матери забрал у меня часть зрения в привычном обывательском смысле, усилив мое осязание и слух, словно в отместку за то, что было для меня недоступно.

Столь щедрые подарки помогли мне выжить там, где наступившая ночь не гарантировала перемирие, а рассвет не означал начало военных действий. Я не геройствовал, Кайла, но и не шел последним в атаку, однако из каждой передрыги я выходил без единой царапины.

И однажды мне довелось предстать перед самим королем.

Трогд Свирепый прибыл в сопровождении личной гвардии и Бирха к нам, выжившим после взятия форпоста сарийской армии. Я впервые увидел отца вживую и ужаснулся тому, что предстало моим глазам.

Сгорбленная фигура, осунувшееся лицо, потухший взгляд и безразличие в голосе. Слова без искры, без сопереживания, как будто мы не жизни свои отдаем с его именем на устах, а занимаемся бесполезным делом, которое ничего не стоит. И ради кого?

Я не выдержал, Кайла, и все высказал ему. Невзирая на то что это было открытое неуважение к монарху. В тот момент я не думал о последствиях своего поступка, как и моя мать двадцать лет назад. Не смог смолчать, глядя на то, как мои собратья по оружию, пережившие неопишущий ужас войны, постепенно понимали, что сражались зря. Защитой родной страны там и не пахло.

До рукоприкладства не дошло, но короля я вывел из себя, заставил его выплеснуть ярость наружу и забыть о своем высоком статусе.

Мы жарко спорили, не замечая, как гвардия Трогда окружает меня плотным кольцом, а сам король давно отринул приличия ведения переговоров.

В тот момент Бирх заметил наше с отцом сходство, выждал, когда меня уведут в темницу, где я должен был находиться до заседания трибунала, и лишь потом поделился своими предположениями с его величеством Трогдом Свирепым, гарантом процветания Элирии.

Были долгие магические проверки и всякого рода экспертизы.

В конечном счете Трогд Свирепый меня признал, и я стал обретенным принцем, как меня прозвали в народе. Тем, кому по силам вернуть Элирии ее истинное величие и закончить войну.

И будьте уверены, Кайла, последнее не за горами. Осталось дождаться вашего мага и вернуть мир в отношения Элирии и Сарии. Потому что пора прекратить то, что не приносит ничего, кроме боли и искалеченных судеб...

Два откровения за два дня — это слишком для меня. Нет, серьезно, я после дневника еще не отошла, а тут Киммер со своим выбивающим почву из-под ног признанием. Главное, нашел подходящее время и место, чтобы посвятить в свою тайну девушку, с которой знаком настолько долго, что можно сосчитать дни на пальцах одной руки. Bravo, принц, продолжайте в том же духе!

Прямо не знаю, что и делать после того, что услышала.

Верить и дальше словам принца, что он ко мне неровно дышит? Такое чувство, что за моей спиной Снедька крутит пальцем у виска да приговаривает: «Не будь наивной клушей!»

Мужчины любят глазами. Не слышала я историй о том, чтобы влюбленные соединились узами брака благодаря привлекательному запаху девушки и ее чарующему голосу. Репутация и внешность всегда играли решающую роль в выборе будущей пары, но никак не аромат женского тела. Или у Киммера на меня такая реакция потому, что я единственная девушка в округе? Надо за ним присматривать!

Я покосилась на принца, задумчивого и тихого, как Шрам перед очередной пакостью. Понял, наверное, что сболтнул лишнее, да и не в те уши. Не переживайте, наследник Элирии, я никому не скажу о вашем секрете.

Я вообще не буду о вас говорить.

Никому и никогда.

Вы будете моим светлым воспоминанием о лучшем мгновении, проведенном в Ведьминой Чаше. И напоминанием о том, что так и не стало явью.

Я повертела в руках странный предмет, похожий на непонятный зуб вымершего зверя. Сей чудный элемент Киммер достал из моего бедра после того, как убрал приветствия иглистой мырхи. И отдал мне его на долгую память, ехидно улыбаясь!

Сомневаюсь, что Киммер мне специально подбросил этот зуб, а учитывая область моего тела, где была найдена вещица неизвестного происхождения, полагаю, что именно так решил отомстить мне тот сирийский маг.

Оригинально!

И сил хватило пробить шкуру дракона, дабы донести послание как можно ближе к тому, кто тебя впечатлил!

Вот захотелось как-то бросить все и слетать в Сарию, найти того мага и как следует с ним поговорить! Обещаю, что буду с ним предельно нежна и с полным мочевым пузырем.

Ему понравится, будет лучше первого раза. Даю честное слово дракона!

— На ярмату душистую слазили, у иглистой мырхи колючек насобирали... Что-то еще, Кайла?

— Остался последний ингредиент, и можно идти домой. Заскучали, принц?

— Отнюдь нет, Кайла... как же можно заскучать в обществе такой обворожительной красавицы?

— Вы льстите, принц, так убедительно, что я почти вам верю. Но вы не видите моего лица... Так как вы можете утверждать, что я красива?

— Красивы, Кайла, и даже не сомневайтесь в этом. Не все прекрасное измеряется смазливой мордашкой и точеной фигуркой! — Киммер говорил серьезно, без намека на сарказм или иронию.

Интересно, он правда так думает или передо мной специально выделяется? Кто ж их, принцев-то, разберет!

— Нет ничего красивее поступков и отношения к окружающим. Я люблюсь вами, Кайла. Как вы заботитесь о Милике, берийских псах и грифоне. Как вы спорите со мной, отстаиваете свою точку зрения до последнего аргумента, не признавая никаких поражений и побед другой стороны. Как вы боитесь показаться такой, какая вы есть на самом деле: чувственной, нежной и ранимой. Потому что нет с вами того, кто станет для вас надежной опорой и щитом от житейских невзгод. Я бы очень хотел им быть для вас, Кайла, только принцу нельзя связывать себя узами брака с незнатной особой. А с мельником вы никогда бы не встретились в Ведьминой Чаше...

— Тогда зачем вы мне это говорите, Киммер? — Чувственная и ранимая я никак не могла понять, чем вызвана столь бурная реакция. Нравится ковыряться в том, что трогать априори нельзя? — Решили примкнуть к невзгодам, раз не смогли стать щитом?

— Решил не молчать и быть с вами честным. — Наследник престола Элирии невесело

усмехнулся, почесывая под шейкой жмурящегося от удовольствия птенца. — Я же первый ваш мужчина, Кайла, и не стоит отрицать сей интересный факт. Первый, кого вы кормили вместе со своей семьей. Первый, кому вы показали свой чудесный замок. Первый, с кем вы разделили прогулку по Ведьминой Чаше. И первый, кто открыто говорит вам о своих чувствах.

— Зато я у вас не первая, принц Киммер! — недовольно сказала я, поправляя висящую на бедре сумку с добытыми для зелья ингредиентами, и передразнила тон наследника престола Элирии: — И не стоит отрицать сей интересный факт!

— Даже в мыслях не было спорить с вами, Кайла. — Принц примирительно поднял руки, словно сдаваясь давнему недругу в его немилостивый плен. — Я общался с женщинами, когда родился мельником, был воином и стал принцем. Иначе злым языкам не составило бы особого труда приписать меня к тем, кто предпочитает женскому полу мужской. Однако дальше общения не заходило. Выдуманная помолвка всегда меня выручала и служила поводом не показывать свой роковой изъян.

— Не стоит посвящать меня в тайны вашей интимной жизни, принц, я не жрец и не смогу помочь вам искупить грехи! — Я остановилась на берегу реки, усыпанном камнями разной величины и сырой землей, мысленно прикидывая, который сейчас час. По моим подсчетам выходило, что полдень. Значит, вода уже прогрелась настолько, насколько возможно в природных условиях Ведьминой Чаши. — А как вы собирались жить с принцессой Сарии, Киммер? Брак же предполагает это... ну это...

— Постель? — не стал сглаживать углы он. Хорошо, что «коитус» не сказал, иначе бы мое лицо точно за версту видно было! — Личный маг отца, Бирх, работает над решением данной проблемы. Положительные результаты уже имеются: на мне перчатки его работы, что позволяет касаться прекрасных дам. Осталось придумать другую перчатку, на... и брак из пустышки станет реальностью!

— Фу, Киммер! Можно же было обойтись без пошлостей?! — Я представила эту самую перчатку на кое-чем другом и покраснела. Хорошо, что принц не видит моей залитой краской физиономии. Подкалывал бы всю оставшуюся дорогу, как пить дать! — Последний нужный мне компонент находится в реке. За ним полезу я. И не стоит спорить! — пресекла я попытки принца меня остановить. — Кого легче вытащить из воды, меня или вас? То-то же. Теперь отвернитесь... А впрочем... можете и не отворачиваться. Если вы мне не соврали конечно же.

Одежду я сложила аккуратной стопкой на большом гладком валуне. Обувь поставила в стороне от шали и штанов и непринужденной походкой отправилась покорять речную гладь Ведьминой Чаши. Разумеется, не голой! На мне была длинная белая рубашка, точно такая же покоилась в сумке, переданной на хранение Киммеру.

Осторожно зашла в реку. Брр! Холодная какая!

Все-таки я теплолюбивое создание, подобные вынужденные ванны удовольствия не приносят никакого, разве что осознание преодоления себя вопреки сложившимся обстоятельствам.

Когда вода дошла мне до пояса, я обреченно вдохнула и нырнула в поисках красной водоросли, служащей чем-то вроде закрепителя основы будущего зелья.

С каждым новым гребком я приближалась к покрытому илом дну, чувствуя, как рубашка облепила тело, а тысячи мельчайших ледяных иголок атакуют мое не защищенное драконьей чешуей тело.

Коснулась шершавых водорослей, счищая с них ракушки и склизкую массу. Я рьяно искала нужное мне растение, ведь перед глазами уже начали расплываться черные круги. Плохой это сигнал, ой плохой!

Ускорила настолько, насколько это возможно. Грудь болела от давящей на нее толщи воды и недостатка кислорода. Нужно найти водоросль до того, как закончится воздух. Повторные речные процедуры вполне могут стать для меня последними.

Нашла! Нашла! — чуть было не закричала я, забыв о том, где нахожусь. Вот она, моя прелесть, красным сверкает сквозь мутные потоки ила. Вырвала водоросль, после чего начала всплывать, даже не представляя, куда меня могло отнести течением реки. Оно здесь сильное и очень коварное. Никогда не знаешь, где окажешься в следующий раз.

Сеть! Я попала в сеть! Ну почему мне сегодня так не везет?!

Барахталась в ней, как пойманная рыбина, и все больше в ней запутывалась. Подводный мир стал меркнуть перед глазами. Надеюсь, Киммер о Милике позаботится...

ГЛАВА 15

И снова этот огонь, и его любимая в объятиях смертоносной стихии.

Он не может сделать шаг. Один-единственный шаг навстречу ей. Такова воля Д'хартэ, и он не в силах ослушаться. И за это он ненавидит себя до сих пор.

Остается только смотреть, как та, которую он любил, превращается в пепел.

Без крика. Без мольбы. Без прощальных слов.

Его приспешники стоят ждут. Наслаждаются.

Его беспомощностью. Его болью. Его заживо сожженной надеждой.

Он поднял руку, собираясь отдать приказ об отступлении. Пора покидать место разрушенных иллюзий.

Иллюзий о том, что у них могло быть совместное будущее. Иллюзий о том, что все могло сложиться иначе.

Приспешники замерли в надменных позах и рассыпались прахом. Темная пыль медленно закружилась в воздухе. Языки пламени застыли словно каменные изваяния.

Так было всякий раз, когда к нему приходила она. И он ценил эти яркие мгновения, за которые они проживали целую жизнь.

Он слез с коня и несмело подошел к ней.

Ее взгляд изменился за долгое время их встреч.

Исчезли боль, разочарование, досада и непонимание.

Принятие сложившихся обстоятельств поселилось там, где, казалось, уже не будет ничего, кроме отчуждения и ненависти. Но никак не любви, при виде которой ему хотелось быть раненым, побитым волком.

Он не заслужил этого чувства. Чувства, что поддерживало в нем подобие жизни все эти долгие тяжелые годы.

— Ты давно ко мне не приходил. — В ее голосе нет упреков, обиды. Простая констатация факта, от которой хочется провалиться сквозь землю. — Что-то случилось?

— Ничего существенного, Эмри. Моя служба у Д'хартэ подходит к концу. Осталось последнее дело, после которого я буду свободен. — Горькая усмешка появилась на его лице. Разве может быть свободным тот, кто все потерял?

Он не берет ее за руку первым. Это непозволительная роскошь — ощущать тепло той, которая горит каждый раз в его сне. Эмри не важно, почему он больше не сжимает ее ладонь. Она сама нарушает негласно принятое им правило и крепко держит его кисть, словно боится разорвать ту невесомую связь, что возникла между ними вопреки обстоятельствам. Вопреки всему.

— Ты не рад? — Она удивлена и даже озадачена немного. — Ты столько мечтал о том, как уйдешь от Д'хартэ, перестанешь служить ему, а теперь...

— Я запутался, Эмри, и не знаю, как поступить. — Он посмотрел в ее медовые глаза, такие теплые, такие нежные. Они так подходят к зеленой коже Эмри, подчеркивая ее статус среди дриад Вессергерского леса, что стерт был с лица земли той роковой предательской ночью. — Я умираю, Эмри, и мой закат уже близок. Я могу его отсрочить, прожить еще несколько десятков лет, но... ради чего? Слишком много крови я пролил, слишком много судеб искалечил. Мне мерзко от осознания того, что я сделал. И я до сих пор виню тебя в том, что тогда ты выбрала не меня, а лес... Все могло бы сложиться иначе...

— Не сложилось бы, Калеб, поверь мне... — Она ведет его мимо застывших всполохов пламени, огибая их, словно дворцовые колонны. Подальше от этого злосчастного места. — Без Вессергерского леса я бы медленно угасала, и твоя магия ничего бы не смогла с этим поделать. У меня не было выбора, Калеб, его сделали за меня. Твой Д'хартэ решил все за нас.

Он молчал. Ему нечего было возразить. Да и что ответить на правду?

— Я хочу выпустить тебя, Эмри. Не могу смотреть на то, как из-за моей глупости ты раз за разом умираешь у меня на глазах. Мой план по твоему возвращению наконец-то близок к завершению. Осталось всего несколько дней, и удерживающий тебя здесь кошмар навсегда закончится. Если ты этого захочешь, то я пойду до конца. Если нет, то мы с тобой оставим все как есть. Я не спросил тебя тогда, чего же ты хочешь, за что мы и расплачиваемся по сей день. Больше я такой ошибки не допущу. Ты позволишь мне вернуть тебя в мир живых?

Она замерла, будто бы натыкаясь на невидимую стену. Развернувшись, нежно поцеловала его в губы, вкладывая в этот поцелуй то небольшое, что у нее осталось.

— Значит, нет? — оборвав поцелуй, спрашивает он. Именно так они общались раньше, без слов передавая свои чувства и эмоции, что их переполняли. И сейчас снова вернулись к тому запретному языку, который однажды связал их под сенью столетних дубов.

— Нет, Калеб, не стоит идти по головам ради меня. Знаешь, в тот миг, когда я вижу тебя перед тем, как огонь поглотит мое тело, меня переполняет злость. На тебя. На себя. На нас. На твою самоуверенность. На мою непреклонную гордость. На желание видеть, как ты страдаешь, когда меня не станет. И после того, как пламя меня съедает, у меня появляешься ты, а у тебя — я. Без этих душевных порывов, что нас с тобой обуревают. И мы остаемся друг у друга, чистые, без грязи и фальши. Я не хочу менять это ради сомнительного шанса на лучшее. Разве я не права?

— Как скажешь, любимая, как скажешь...

Виария ни с кем не разговаривала и была погружена в себя. Она мерно покачивалась в седле недавно купленной лошади и остановившимся взглядом смотрела прямо перед собой. Принцесса никак не могла прийти в себя после бойни на привале.

Бирх и Кристоф приглядывали за ней по мере сил, изредка говоря какие-то ободряющие слова.

Тщетно.

Пока принцесса сама себя не простит, никто ей помочь не в силах. Кристоф знал об этой особенности Виарии как никто другой.

Она лично хоронила двух погибших рыцарей в промерзлой лесной земле и плакала над их могилой до самого рассвета. А после несла свой походный мешок, не проронив ни слова. Даже когда Себастьян купил ей коня взамен убитой наемниками во время первого нападения. Также он приобрел лошадей всему отряду, лишившемуся четвероногих скакунов по воле злого рока... или кого-то еще?

— И долго Виария будет пребывать в подобном состоянии? — спросил Бирх Кристофа, скачущего рядом с ним.

Они замыкали строй, пропустив в центр принцессу, отряд при этом вел Зарг, а Себастьян и Джанарио прикрывали дочь Филиппа Спокойного по бокам.

Джанарио после победы над порождением тьмы, устроившего им с Кристофом веселье, и уничтоженной гарпии, попавшейся под горячую руку пажу Виарии спустя несколько часов, ошутимо прибавил в весе в глазах сотоварищей и теперь держался немного надменно, мол, смотрите, я тоже могу быть вам полезен.

Себастьян же, напротив, вел себя совершенно спокойно, словно его покусал Зарг. Ни один мускул на его лице не дрогнул от осознания, что из шести рыцарей он единственный остался в живых.

Виария и Джанарио не в счет. Какие из них рыцари!

На очередном привале Бирх подсел к Кристофу, держа в поле зрения Виарию, оказавшуюся под опекой Джанарио. Зарг и Себастьян обсуждали дальнейшее продвижение отряда. Изредка рыцарь повышал на Зарга голос, явно забывая, кто перед ним находится.

Однако маг не одергивал начальника королевской стражи, отвечая невпопад на его вопросы, словно его самого здесь не существовало. Неужели он вместе с Виарией ушел бродить туда, куда простому смертному путь заказан?

— Бирх, у вас есть план? — Юный Кристоф беспокоился, и небезосновательно. — Нас кто-то методично душит, словно знает каждый наш шаг наперед. Сначала наемники, потом та ожившая мерзость, и половины отряда как не бывало! Вам не кажется, что они напали на нас не просто так?

— Тише, Кристоф, не кричи, иначе тебя услышат за милю вокруг! — Бирх не сводил напряженных глаз с Зарга, сумевшего отбиться от натиска пытливого Себастьяна и решившего подкрепиться вяленным мясом. — Думаю, твой наставник замешан в том, что наши ряды поредели.

— Зарг? Странно! Он столько лет служит Филиппу Спокойному, зачем ему рисковать своим положением ради сомнительной авантюры?

— Деньги. Власть. Или личный интерес, о котором мы с тобой не знаем. — Бирх наблюдал за тем, как сарийский маг тщательно пережевывает тонкие красные куски конины, изредка пригубивая вино из фляги. — Если верить твоему подробному рассказу, то проведенный тобой ритуал Познания не мог высвободить столько энергии, чтобы она пробил защитный купол. Значит...

— ...Это сделал Зарг! — продолжил за Бирха Кристоф. — Получается, он был в курсе того, что дракон нападет на сарийский дворец?!

— Полагаю, что он даже знает, где находится логово зверя, и ведет нас туда запутанными тропами. Но меня беспокоит другое... Один ли Зарг нам противостоит?

— Думаете, Джанарио и Себастьян с ним заодно?

— Не исключено, — вздохнул Бирх, замечая, что Зарг закончил трапезу и направился вглубь леса, предварительно поставив в известность Себастьяна о своем желании временно покинуть отряд. — Меня смущает лишь то, что паж и начальник стражи бились вместе с нами и имели неплохие шансы отправиться на тот свет вместо погибших рыцарей... Присмотри за Виарией, я потолкую с Заргом с глазу на глаз. И будь начеку. Вдруг это очередная ловушка сарийского мага!

Кристоф придвинулся поближе к Виарии, а наставник Киммера проследовал за Заргом, надеясь, что судьба окажется на его стороне против всемогущего пожирателя, не переваривающего лишь давно прогнившую плоть, но вполне способного закусить излишне самоуверенным магом...

Сердце напомнило о себе внезапно, как это бывало всякий раз, когда Бирх забывал о качающем кровь по жилам важном органе. По молодости лет он не обращал на эту мышцу абсолютно никакого внимания. Однако с годами она стала беспокоить элирийского мага все чаще, словно призывая его задуматься о нелегкой судьбе их дальнейшего существования.

Бирх замер, скрючившись в три погибели.

Боль сдавила его сердце, словно яблоко кузнечными тисками, вынуждая элирийского мага дышать через раз.

Тишина облепила чародея со всех сторон, словно наспех свитый кокон гигантского паука, сквозь паутину которого пробивался голос преследуемого им существа:

— И давно это с вами, Бирх?

Зарг стоял за спиной пытавшегося прийти в себя колдуна, любовно поглаживая указывающий кристалл, чье свечение погасло. Теперь в руках у сарийского мага был обычный посох, коих по миру разбросано сотни, если не тысячи. Ничем не примечательная палка, что может быть опасным оружием в умелых руках.

— Он больше не светит... — с трудом выдавил из себя Бирх, чувствуя, как боль поубавила свой пыл и дала ему небольшую передышку.

— Девчонка вынула маячок, — зло сплюнул в траву Зарг. — Не везет мне с бабами, не любят они меня... от подарков моих отказываются, гадины!

— Вы даже не отрицаете свою причастность... — сказал элирийский чародей, выпрямляясь в полный рост, ощущая приятное покалывание магии в своих ладонях. Нужно выждать момент и

бить наверняка, с первого раза. Второго шанса Зарг ему точно не предоставит.

— А к чему играть в эти ненужные придворные игры? — пожал плечами пожиратель, делая шаг к наставнику Киммера. — Мне надоело притворяться, изображать из себя лизоблюда, верно служащему Филиппу Спокойному и всей Сарии. Пора выйти из тени жалкого Зарга и показать свое истинное лицо, кем я являюсь на самом деле. Кем мы с вами являемся, Бирх. Вы готовы узреть истину? И перестать страдать от сердечной боли, что мучает вас уже целых семь лет?

Лицо мага Элирии вытянулось от удивления, а Зарг расхохотался, заметив, как его слова подействовали на наставника Киммера.

— Вы так и не поняли, Бирх... Я знаю вас так же хорошо, как себя самого. Я на шаг впереди вас, и из-за этого вы проиграли.

Бирх не успел.

Он опоздал на долю секунды.

Его синий шар уже был готов стереть наглую ухмылку с лица зазнавшегося мага, однако предательский удар сзади нарушил планы Бирха на честный поединок.

Потерявшего сознания элирийского чародея заботливо уложил на траву бандитского вида тролль, ожидающий похвалы от Зарга.

Пожиратель коснулся затылка и, поморщившись, отдернул руку.

— Не зря Марлоу мне тебя рекомендовал, — довольно сказал Зарг улыбающемуся во всю свою острозубую пасть троллю. — Забирай его и неси в лагерь. Остальных я приведу чуть позже.

Помощник Марлоу закинул безвольное тело Бирха себе на плечо и пошел в известную только ему и магу Сарии сторону.

Зарг же какое-то время смотрел ему вслед, после чего направился прочь, потирая затылок и бормоча что-то себе под нос.

ГЛАВА 16

Пробуждение было приятным. Тепло так, уютненько. Да и рука не болит, что подозрительно. Дергала я водоросль, себя не жалеючи, до красной отметины на ладони. Надо бы посмотреть, что с ней стряслось, да открывать глаза неохота.

Борюсь с природной ленью изо всех сил и после недолгого ее сопротивления замечаю, что сбылась моя давняя мечта — побывать на ручках у замечательного мужчины, от улыбки которого у меня учащенно бьется сердце.

— С возвращением, Кайла.

Киммер смотрит на меня пристально, и от его взгляда мне не по себе. Что он там увидел? Я вымазалась, пока ныряла за водорослью...

Точно!

Я же тонула! И как я выбралась на берег? И как оказалась здесь... А здесь... это где?

С неохотой высвободилась из объятий наследника престола Элирии и огляделась по сторонам. М-да, лучше бы я глаза и не открывала!

Клетка! Определенно клетка, только странная какая-то.

Деревянная.

Полностью.

И пол, и потолок, и прутья.

Никогда подобного пережитка прошлого не видела.

А что на мне за одежда?!

— Мы в плену, Кайла, — сказал мне Киммер то, что я знаю уже несколько секунд. — И что им нужно от нас, мне непонятно. Одежду для вас мне дали. Переодевал вас я.

Краснею.

Чувствую, что частично. Щеки, нос, кончики ушей и шея местами.

А чего я, собственно, переживаю? Принц не видит моего лица и всех прелестей тела одной нервной драконицы, так чего, спрашивается, накручивать себя до такой степени? Пощупал так пощупал, я все равно ничего не помню о тех позорных минутах, а допытываться у принца насчет его «ощущений» не буду точно.

Мне мои нервы дороже!

— Мои штаны и рубашка были сухими! — заметила я, меряя шагами небольшую клетку. Потолок высокий, можно ходить в полный рост. Милосердные!

— Увы, Кайла, состояние вашей одежды их особо не интересовало. Как и моей. Забрали даже перчатки, не говоря уже о принадлежащих вам вещам!

Прав принц, прав, а я на него бочку качу. Сидит в штанах коротких, аж голени волосатые видно, да и разрез рубахи на груди такой глубокий, что и иную поросль видно. Странно, раньше меня его шерстистость не интересовала. Да и сейчас не особо интересуется, честно говоря.

Есть и есть. Не в ней женское счастье.

— Вы меня вытащили? И где птенец? — решила уточнить я любопытные для меня детали. А клетка-то во дворе стоит, постройки вижу, только маленькие, словно для детей сделанные. Карлики тут, что ли, живут?

— Я, — кивнул Киммер. — Вас долго не было, я заволновался и спустился вниз по течению. Увидел привязанную сетку для ловли рыбы, сигнальный колокольчик неистово дергался, словно в нее попало что-то поистине исполинское. Помню, что о больших рыбах вы мне не рассказывали, так что других вариантов, кто мог там быть, у меня не возникло. Оставил Чудо и

одежду на берегу, полез за вами в воду. Ребра и грудь не болят?

— Нет, — удивилась я. — А должны?

Киммер не ответил, уставившись на что-то за моей спиной.

Я обернулась и увидела тех, от кого по молодости еле унесла ноги, крылья и хвост.

Тогда я не успела их рассмотреть, удирала так, что пятки сверкали, а теперь судьба дает мне возможность насладиться несостоявшимся зрелищем сполна.

Эти существа были небольшого роста, с массивными ступнями. Две мои, не меньше. Руки у них короткие, на головах — рогатые шлемы с разноцветными перьями. Интересно, где такие взяли?

У большинства из оружия — копья, у некоторых, правда, я заметила мечи, больше смахивающие на кинжалы, а у одного воина из-за спины выглядывал колчан со стрелами.

Испугалась ли я воинственной братии? Нисколечко.

Не убили тогда, когда нашли нас с Киммером, значит, мы им живые нужны. Попробуют пролить нашу кровь, превращусь в дракона и устрою им стихийное огненное бедствие. И плевать, что принц узрит меня в полном боевом обличье. Его здоровье дороже!

Вперед вышел самый главный из существ. Для демонстрации статуса его рога по сравнению с рогами остальной братии были самыми массивными. Вожак неразборчиво прошипел что-то собратьям по костяным наростам, и дверь клетки перед ним чинно открыли.

Жестом предводитель низкорослых призвал нас с Киммером покинуть это уютное временное пристанище двух переживших водные процедуры сердец и следовать за ним. Наличие десятка вооруженных существ добавляло точности его безмолвным приказам.

Шли мы недолго.

Свернули за ближайший домик, и я увидела постамент с местным божеством. Знакомая фигурка, выполненная из почерневшего от времени камня.

Странно... откуда я ее помню?

Предводитель что-то говорил на своем непонятном языке, активно жестикулируя, и с каждым элементом пантомимы он постепенно прозревал, что мы не понимаем абсолютно ничего из того, что он пытался до нас донести.

Не выдержав нашей с Киммером тупости, главарь схватил фигурку божества и крадущимися шагами ушел за угол. Вернулся с пустыми руками и обличающе ткнул в меня пальцем.

А я-то тут при чем?

— Кайла, вы ничего у вождя не брали? — Киммер смотрел на меня так, словно присутствовал при совершенной мной краже.

Вот уж от кого, а от принца такого не ожидала! Подлость, не иначе!

— Разумеется нет! — уперев руки в боки, произнесла я. — За кого вы меня принимаете?!

— Подумайте, может быть, когда-то давно вы видели нечто подобное? Вспомните, Кайла, от этого зависит, как долго мы пробудем у них в плену. А в замке Милика одна, среди животных, выглядывается в запотевшие окна и ждет, ждет, когда же вы появитесь...

Гад! Не человек! Змея ползучая!

И почему он на стороне вождя, а не на моей?!

Киммер знает меня гораздо дольше, чем этого недоросля рогатого, вернувшего на постамент убранный на время фигурку божества. Неужели я наблюдаю пресловутую мужскую солидарность?! Ах, Киммер, я была лучшего мнения о вас...

Смотрю на источник моих страданий, на статуэтку каменную (на принца не смотрю из принципа! Враг!), и напрягаю остатки разума, так и не пришедшего в себя после погружения в воды Ведьминой Чаши.

Вот неспроста она мне кажется знакомой. И где-то видела я ее...

— Может, перестанете давиться злорадными смешками, Киммер?!

— Предлагаете смеяться в полный голос, Кайла?

— Разумеется нет, Киммер! Напекаю вам: а не пора ли пресечь столь неподобающее поведение по отношению к даме? Мы все совершаем ошибки...

— А кое-кто занимается этим постоянно! Ладно бы разовый случай с той деталькой из купальни, но утащить статуэтку местного божества и держать у себя... сколько лет? Десять?

— Не ваше дело, Киммер! Вы даже не представляете, насколько она прекрасна...

— Воровство — грех, и эта дорога напрямик ведет в тюрьму. Не слышали об этом, Кайла?

— Откуда, Киммер? Я же только из леса вышла и всех премудростей жизни не знаю. Хорошо, что у меня есть вы, такой правильный, умный и рассудительный...

Делаю честные и заискивающие глаза. Эх! Забываю, что на Киммера мои женские чары не действуют. Однако принц улыбается и переводит свой смеющийся взгляд в сторону крон деревьев и пышных кустов. Он что, по голосу моему понимает, когда следует перестать меня допекать и переключиться на что-нибудь иное?

Вон Чудо и Актер не обласканы, займитесь лучше ими, принц, а ко мне не лезьте. Опять хапужничество выходит мне упитанной грязной хрюшкой! Не мешайте мне страдать в свое удовольствие!..

Вытащила я таки из недр своей памяти крупицы воспоминаний о статуэтке. Не такой, как у вождя, но похожей. Сделанной из серебра и стоящей в лесу без присмотра.

Для юной и глупой драконицы, только-только начинающей постигать свою истинную природу, было крайне тяжело держать себя в руках и не пополнять сокровищницу красивыми и блестящими вещами. Да еще такими, что лежат себе в лесу одни-одинешеньки и буквально манят тебя, шепчут: возьми, возьми нас и унеси к себе! Там нас точно ничто и никто не потревожит!

Действительно, когда приступы моей kleptomании (Гарконаш блеснул передо мной знаниями, а я, не будь глупой, запомнила!) прошли, я в сокровищницу и носа не показывала. А за эти дни уже второй раз иду. И почему мои секреты начали выплывать с вашим появлением в моей жизни, Киммер? Проклятие на вас, что ли, еще одно или старое действует так избирательно и метко?

Не смотрит на меня принц. Гладит Актера по мягкой шкуре и сюсюкает с Чудом, радостно трезвонящим о нашем возвращении всему потайному ходу. Пустому, сырому и старому, по которому я хожу всякий раз, когда мне нужно выбраться за стены замка.

Буквально десять минут назад мы с вождем и его молчаливой братией расстались к обоюдному удовольствию.

Обладатель больших рогов ушел от нас в добром здравии, унося с собой украденную мною статуэтку, а я с Киммером, Актером и Чудом вернулась в замок, не переживая о том, что посторонние лица узнают о ходе. Хотели бы выведать его местоположение, давно бы вывели. А волков бояться — в лес не ходить. Уж кто-кто, а я об этом знаю не понаслышке.

Вождь и его соплеменники проводили нас до самого озера, после чего я галопом понеслась по подземному ходу за статуэткой, оставив принца в качестве живого залога. Столь опасный шаг дался мне легко, поскольку на пути к замку нам встретился грифон, вызванный из замка по нашим душам Чудом.

Актера с трудом удалось утихомирить, а что из себя представляют разъяренные полуптицы-полульвы, мне доводилось видеть, поэтому Киммеру по большому счету ничто и не угрожало. Но бежала я быстро, не экономя силы и собственные нервы. Мало ли что могло произойти с наследником престола Элирии и любимыми зверьми за мое недолгое отсутствие.

— Зелье варим вместе?

— Разве вам не нужно личного пространства, Киммер? Отдохнуть там, побыть наедине с самим собой, осмыслить прошедший день и... вздремнуть?

— Ну уж нет, Кайла! Только попробуйте меня снова напоить сонным зельем! Тогда я точно сбегу по тоннелю в лес! Искать меня до весны будете, даю вам честное королевское слово!

— Какой вы... категоричный, Киммер! А где же ваше пресловутое желание угодить небезразличной вам даме? Приготовить ей вкусный полдник, пока она занята сугубо женскими делами?

— Увы, Кайла. — Принц принял скорбный вид, будто я его на каторгу отправляю, постегивая плетью по спине! И куда делся тот юноша, поразивший меня авторским омлетом? — От осознания, что дама моего сердца может подвергнуться опасности с любой из сторон, ранее казавшихся мне безопасными для нее, я не могу спокойно находиться от нее далеко. Вдруг за вами явятся те, у кого вы давным-давно умыкнули ценную вещь?

— Хам! — Я закрыла дверь своей комнаты перед самым носом Киммера, сделав сей жест негромким, нерезким и не бесповоротным, поскольку помощь принца мне действительно нужна. Сугубо в целях переноски важных вещей!

Можно смотреть бесконечно на три вещи: как Милика сосредоточенно разрисовывает стены замка мелками, как Шрам с лаем удирает от Гарконаша и как Киммер разводит костер под котлом, упорно сохраняя на своем лице отсутствующее выражение. Ну-ну, принц, нельзя таким быть! А где же благодарность за мою помощь? Помогла, между прочим, дотащить котел не морально, а физически. Иначе бы вы, наследник Элирии, точно спину сорвали. А вам это надо?

Поскольку замок полностью покрыт блокирующими магию плетениями, готовить зелье там я не рискнула. Частичка чародейства мне наверняка понадобится, ведь, чтобы осуществить задуманное, нужно быть либо ведьмой, либо колдуньей.

Я же не умею вкладывать в полезное варево душу, связываться в процессе приготовления с высшими силами, как это делают все представительницы древнейших знаний, и усиливать основу зелья заклинаниями, плетениями и прочими атрибутами обязательного ритуала «высших» существ. Зато у меня есть особые ингредиенты, и с их помощью можно получить щепотку магии, которой хватит для уничтожения ленты, удерживающей память Гарконаша.

Теоретически.

Так считает летающая книга, и мне хочется верить, что она права.

Второго шанса собрать за столь короткий срок все нужные для зелья компоненты у меня не будет.

Права на ошибку у ищущей правду молодой драконицы попросту нет. А у Кайлы тем более!

— Готово! — Огонь накинулся на поленья, словно они были последней трапезой в этом спорном и изменчивом мире.

Киммер подошел ко мне и крепко обнял. Сразу уютно так стало, словно меня укрыли от всех бед и ненастий, закрыв собой от сомнений перед грядущими временами. Я буду скучать по столь милой сердцу привычке наследника Элирии, но признаюсь ли я ему в этом? Сомневаюсь...

Вдохнула полной грудью. Выдохнула.

Закрыла глаза, прокручивая в голове всю последовательность ближайших действий. Присутствие принца меня несколько не отвлекало от дела, а, наоборот, придавало бодрости духа и уверенности в собственных небезграничных силах.

Плавно вылила в котел два кувшина с драконьими слезами — основу будущего зелья и мою надежду на магическую искру. Сколько эмоций в них накоплено, сколько переживаний собрано... Еще и источник энергии рядом находится, варить варево полезное пытается да намять напрягает, дабы в соответствующее состояние себя погрузить. Только радости больше, чем горя.

Перед глазами звонко смеющаяся Милика в купальне; Шрам с Тихоней, пытающиеся стащить

окорок, специально для них приготовленный; поздравляющий с очередной годовщиной пребывания в замке Гарконаш; грозный в решимости защитить близких ему людей Актер; и Киммер, подаривший мне пьянящее чувство полета без крыльев.

Я люблю вас, принц, и могу сказать за что.

За все.

За то, что вы есть и были рядом со мной все это время.

Я не забуду вас, Киммер, пусть мы и не сможем быть вместе.

Что не является поводом не идти на поводу у сердца...

Киммер сидел на поваленном дереве, наблюдая за тем, как Кайла порхает, колдуя над зельем. Какие у нее плавные, неторопливые и отточенные движения. Она полностью погружена в процесс, и любоваться сосредоточенной Кайлой для Киммера одно удовольствие. В каждом ее жесте жила красота.

Ингредиенты медленно подходили к концу, а зелье грелось и клубилось по всей поляне Ведьминой Чаши. Раздался хлопок с выбросом разноцветных искр, и Кайла прекратила безумный танец вокруг котла. Киммер поспешил к ней, скидывая с себя плащ и не замечая «бунтующую троицу» ведьм, следящих за процессом создания зелья.

Пересадив Кайлу с прохладной земли на поваленное дерево, Киммер укутал девушку своей накидкой, так и не заметив, как призраки давно умерших ведьм растворились в сумерках приближающейся ночи.

ГЛАВА 17

Алисия лежала на столе. В разорванном платье, с синяками и разбитой губой. Без сознания.

Я перевожу единственный глаз то на Марлоу, замершего в испуге, то на его учителя, спокойного и надменно-холодного, всем своим видом напоминающего мертвеца посреди очередной лунной ночи. Ничто не выдает гнева наставника, но один небрежный его жест — и хозяин замка с криком падает на колени, держась за опухшую руку, что приняла на себя всю злость ночного гостя.

— Разве я просил тебя лезть в мои дела, Алистер? Тебе мало моих наказов и книг? Или тебе захотелось сотворить то, что даже мне не под силу? Отвечай, жалкий кусок мяса!

— Я не хотел, учитель! — Марлоу заскулил, как побитая дворняга. — Я всего лишь расписал вашу теорию, дабы лучше ее понять! Кто знал, что Торкис полезет в мои бумаги и попытается сбежать с той смазливой принцесской!

— Как же жалко звучат твои оправдания, Алистер, ты бы себя послушал! — В голосе наставника Марлоу прорезается злость на нерадивого ученика, грозящая вылиться в нечто большее, чем обычная магическая порка. — Ты понимаешь, что из-за твоей гордыни я отброшен в самое начало моего пути?! Где теперь мне искать дракона? Торкис мертв! И все из-за тебя!..

— Учитель, но ведь согласно вашей теории вам требуется носитель королевской крови и дитя расплаты за ошибки прошлого, дабы вызволить вашу дриаду из заточения. Алисия прекрасно подходит на роль первой жертвы, а где же вы возьмете вторую? Без нее ваша затея обернется прахом, треугольник силы не замкнут, и все ваши старания...

— ...и так лежат замурованными во льдах одной из гор Ведьминой Чаши! Довольно, Алистер! Твои оправдания ничтожны и не стоят времени, с лихвой истраченного на тебя! Я ошибся, выбрав тебя в ученики, купившись на потенциал ярмарочного шута, способного лишь на фокусы, да и только!

— Кaleb, вы не хотите заняться принцессой? — Мне надоело быть простым зрителем, наблюдающим за изливанием желчи одного и попытками отсрочить неизбежное другого. — За смерть принцессы вас по головке не погладят, а она уж точно не виновата в том, что с ней произошло.

Учитель хмуро на меня посмотрел и молча подошел к Алисии, нависая над ее неподвижным телом. У нее с Торкисом могло бы все сложиться удачно, если бы Кaleb не переместился без предупреждения в замок, решив покормить меня раньше положенного срока. А в итоге застал Марлоу спящим под действием лепестков сонного растения и дракона, удирающего с принцессой на спине. Вот говорил я Алистеру, что его потакание желаниям Торкиса до добра не доведет. Как в воду глядел!

— Раны я ей залечу, — произнес Кaleb, разглядывая Алисию, словно видя ее насквозь. — Память приведу в порядок, сотру воспоминания о пребывании в замке. Ни один менталист не докопается до правды. Через неделю вернешь ее в Аскорию, заберешь выкуп и ляжешь на дно. А я подумаю, как нам быть дальше.

— У нее странная реакция на стазис, Кaleb! — Если Марлоу не видит очевидных симптомов, то это не значит, что их нет. Наставник Алистера еще не вернулся в доброе расположение духа, чтобы принцесса стала для него важной, как раньше. Крушение надежд застилает глаза. — На ее руках то появляются, то исчезают темно-синие пятна. Так и должно быть, Кaleb?

Я знаю ответ, но если озвучу его раньше, чем наставник Марлоу, то получу свою порцию боли, как и Алистер. Кaleb не любит, когда кто-то оказывается умнее его. И сейчас я рискую понести заслуженную кару за дерзкий тон, однако молчать из-за страха за собственную шкуру считаю ниже собственного достоинства. Да и к тому же что можно взять с простой языкастой книги, не так ли?..

— Подойти ко мне, Алистер. Что ты видишь?

Марлоу приблизился к Алисии, убаюкивая пострадавшую руку, и без особого энтузиазма уставился на принцессу, не веря, что в ней может быть сокрыто то, что не увидел Кaleb с первого раза.

— Не может быть!.. — пораженно произнес Алистер, переводя ошалелый взгляд то на наставника, то на меня. — Получается, не все потеряно, учитель?..

— Получается, что так, Алистер! — Калеб принялся мерить шагами комнату, расхаживая туда-сюда, и мой единственный глаз никак не мог поспеть за ним. — Недаром мудрецы говорят, что из любой неудачи можно получить выгоду, если скрупулезно рассмотреть ее со всех возможных сторон. Торкис мертв, но Алисия беременна от него, что дает мне отсрочку в поисках ответов. Планы меняются, Алистер! Ждем, когда дитя Торкиса появится на свет, после чего возвращаем Алисию к родным. За это время я найду недостающий фрагмент схемы, а получить носителя королевской крови не так уж и сложно, как кажется на первый взгляд.

— А если не найдете, учитель? — Марлоу перестал лебезить перед Калебом, осознавая, что угроза расплаты за случившееся с Торкисом его окончательно миновала. — Вы не нашли его двадцать лет назад, так почему вы думаете, что обнаружите его за время беременности Алисии?

Калеб продолжал задумчиво расхаживать по комнате, прикидывая в голове возможные варианты развития событий.

— Когда у дракона заканчивается процесс полового созревания, Гарконаш?

— Годам к двенадцати, плюс-минус два года.

— А что может его замедлить? — Наставник Марлоу замер на месте и цепко посмотрел на меня, ожидая, когда я мысленно поведаю ему обо всем, что знаю по интересующей его тематике.

— Ограниченный энергоресурс и полное отсутствие сведений о происхождении, роде и видовых особенностях. Драконья кровь безусловно мощный инструмент передачи накопленных веками знаний, но и она далеко не всесильна.

— Орел прожил всю жизнь среди куриц, не подозревая, что он орел, и не стремясь расправить крылья, дабы воспарить к сородичам в бескрайнее небо... Алистер! Помнишь, ты хотел опутать замок гасящими магию плетениями, чтобы лишиться колдовских сил тех, кто надумает обчистить твое родовое логово?

— Да, учитель, но... где я возьму источник энергии для столь масштабной операции? Неужели вы предлагаете...

— Именно, Алистер, ты правильно меня понял. — Калеб погладил Алисию по волосам, убирая непослушную прядь с ее лица. — Как только ребенку исполнится год, я повешу на него подпитку Гарконаша, дабы не мотаться сюда всякий раз, когда книга начнет ослабевать. Через пять лет ты водрузишь на ее хрупкие детские плечи защиту от посторонней магии, и не забудь сделать привязку на место, Алистер! Надеюсь, ты не хочешь повторения истории с Торкисом?

Марлоу утвердительно кивнул, и его наставник продолжил:

— Когда у будущего дракона случится первый оборот, можешь вернуться к своим делишкам по похищению отпрысков сильных мира сего. Но до той поры сиди тихо и не высывайся, как гoblin во времена зимних холодов. Ты понял меня, Алистер?!

— Понял вас, учитель, но разве я не должен сдвух с ребенка пылинки? А если с ним что-то случится?

— Не случится, Алистер, если ты позволишь ребенку Торкиса некоторое послабление в его пребывании здесь. Пусть замок будет в его полном распоряжении, изредка выпускай его в города на определенный срок. И помни, что перед тобой дитя Торкиса, неблагодарного мерзавца, позабывшего добро, которое ты для него сделал, и променявшего вашу дружбу на сомнительную связь с принцессой. Не позволяй светлым чувствам опять одурманить твой разум. Ребенок должен тебя уважать и ненавидеть, дабы все его мысли были направлены на то, чтобы выжить на этом малом клочке земли и суметь тебе отомстить, а не строить планы на побег. Об остальном не переживай, Алистер, воспитанием дитяти займется Гарконаш. Ему не впервой быть в роли няньки. Только кое-что я в нашей книге изменю, дабы дитя не создало нам проблем раньше положенного срока!

Воспоминание стало меркнуть, словно гаснущее пламя в затухающем камине. Постепенно

комната, Алисия и Марлоу исчезли, а за ним пропало черное лицо Калеба, скалящего в довольной ухмылке желтые зубы.

— Все в порядке, Кайла? Понимаю, глупый вопрос, но ничего другого мне на ум не приходит, — виновато произнес Гарконаш, выдергивая меня из омута его закрытого воспоминания.

— Я справлюсь, Гарконаш, правда, — с хрипом выдавила из себя эти слова, словно загнанную в палец занозу. Медленно, по частям и с болью. — Извини, но мне нужно побыть одной. Слишком много неприятных вещей на меня навалилось разом.

Я покинула библиотеку под сочувственное молчание летающей книги и ошпаренной кошкой понеслась по замку в неизвестном направлении. Ноги вели меня только им известной дорогой, а голова гудела от неожиданной правды.

Теперь мне стало понятным отношение Марлоу к моей скромной персоне. Я живое напоминание его провала, свидетельство предательства его друга и важный ингредиент в ритуале, который, скорее всего, окончится для меня весьма печальным образом. Ведь иначе бы Калебу подошло тело моего отца, из чего следует вывод, что мертвые им не годятся.

Учитель Марлоу. Вот кто виновен в моих злоключениях.

Этот мерзавец лишил меня родителей, перекроил мою судьбу так, как ему было удобно.

Он идет по головам ради достижения понятной только ему цели, и ему плевать на людские жизни. Даже на тех, кто числится у него в союзниках.

Жаль ли мне Марлоу? Ведь Калебу он нужен лишь потому, что на него можно спихнуть грязную работу. Для него Алистер — пес, выполняющий команды, которого можно легко заменить, если он перестанет приносить ощутимую пользу его делу. Или оступится больше раз, чем того требуют принятые Калебом негласные ограничительные нормы.

Нет, мне не жаль Марлоу. И после того, как я заставлю заплатить его наставника за все, что он сделал, Алистера ждет та же участь.

Он ничем не лучше Калеба. И в смерти моего отца он виноват не меньше, чем его учитель.

Марлоу не препятствовал решению Калеба использовать в качестве жертвы Алисию и Торкиса, значит, судьба моих родителей его не интересовала.

Так почему я должна оставлять ему жизнь?!

Я остановилась и огляделась по сторонам. Ноги сами привели меня в оранжерею отца, расположенную в закрытой на долгие годы башне замка.

За двадцать лет здесь многое изменилось, и далеко не в лучшую сторону.

Мощные дорожки заросли травой и мхом, а стройные ряды растений, лишённые заботы садовника, росли во все стороны, завоеывая ранее неизведанные территории. И земли своих соседей.

Кто-то не выдержал столь агрессивного натиска и уступил, кого-то не пощадило время и иссушило полностью, и растение стало удобрением для тех, кто стремился выжить любой ценой.

Я же искала офизалиус среди причудливых сплетений цветущих тел и не могла его найти. От безысходности захотелось разреветься в голос.

— Вот вы где, Кайла, а я вас везде ищу. — Появившийся за моей спиной наследник престола Элирии не испугал меня только потому, что безразличие и опустошенность овладели мной настолько сильно, что другие раздражители не могли преодолеть выставленный ими барьер. — Весь замок обежал, даже в купальню заглянул, а вы, оказывается, здесь. Как вам оранжерея? Не правда ли, потрясающее место?

— Оставьте меня в покое, Киммер. И без вас тошно!

— Это пройдет, Кайла. Я знаю очень хорошее лекарство от любых эмоциональных хворей.

Объятия — самое лучшее средство от всего! Проверено! Жалоб нет!

Хотелось возразить.

Из вредности.

Из желания противоречить.

Из стремления высказаться вопреки всему.

Но, когда принц притянул меня к себе, вместо слов из меня градом полились несдерживаемые слезы.

Я рыдала искренне и навзрыд, отдавая себя этому делу целиком и полностью, позабыв о том, что кувшины для сбора драконьих слез находятся в другой части замка.

Киммер меня утешал, поглаживал по волосам и спине, приговаривая разные глупости и рассказывая смешные случаи из детства, отрочества и юности.

Постепенно поток моих переживаний иссяк, улыбка заиграла на губах, и я благодарно посмотрела на того, кто подставил грудь в нелегкий для меня час.

Наконец-то наследник престола Элирии смотрел мне прямо в глаза, и что-то в его взгляде было такое, что я не могла отвести взгляд.

Переживание? Страх? Быть может, любовь?

Пока я перебирала варианты у себя в голове, жонглируя ими, как заправский цирковой артист, принц наклонился к моему лицу и поцеловал меня.

В губы.

Нежно.

Осторожно.

Боясь причинить мне боль или отпугнуть меня своим неожиданным поступком.

Я закрыла глаза, наслаждаясь нашим единением, чувствуя под рубашкой сильное мужское тело и не забывая проявлять интерес и со своей стороны тоже.

Теперь я целовала Киммера, и он отвечал на мои ласки смиренным принятием этого.

Осознание пришло позже.

Неправильность происходящего ледяным ужом проскользнула в мой разум, нарушив тем самым возникшую идиллию.

Что я делаю? Куда лезу?

Это не мой мужчина, а я не его женщина.

Зачем он так поступает со мной?

Я вырвалась из объятий принца и залепила наследнику престола Элирии пощечину.

Старалась бить несильно, однако от удара принц пошатнулся и сделал два шага назад.

Мой поступок отрезвил нас обоих. Взгляд Киммера вновь стал осмысленным, а чешуекрылые в моем животе (Снедька называла их бабочками, мне же такая формулировка казалась излишне мягкой и детской) успокоились и погрузились в спячку до лучших времен, вспомнив, что только в сказках принцы берут замуж безродных девиц, имеющих нерешенные проблемы с наследственным древом.

Звонко цокая набойками по плитам, я покинула оранжерею, словно преступник место преступления. Быстро и стараясь не глядеть на жертву своего «злодеяния».

Только кто из нас двоих жертва?

Большой вопрос...

До похода за ингредиентами для зелья Киммер наивно полагал, что именно на войне зародился тот самый страх, разделяющий жизнь на «до» и «после». Запутавшаяся в сети Кайла расставила все по местам: никогда еще принц так не ошибался!

Его руки до сих пор ощущали тот холод, которым было пронизано тело неудачливой нырлящицы. А на ладонях принца остались следы от веревок, кои он рвал, не чувствуя боли, ведь времени на то, чтобы достать нож, у Киммера попросту не было.

Наследник Элирии помнил, как вытащил Кайлу на берег и понял, что она не дышит. Как пытался сделать искусственное дыхание, а последствия проклятия не давали ему осуществить это. Как отчаянно давил на ее грудь в районе сердца, а оно не билось и не отзывалось на все попытки принца вернуть Кайлу в мир живых.

Он помнил то отчаяние, что его охватило.

Помнил, как молился всем богам, продолжая безуспешно приводить Кайлу в чувство, ощущая, что на его глазах выступили предательские слезы. И как что-то внутри его в звенящей тишине и замедленном темпе лопнуло с противным хрустом, как растоптанные подошвой ботинок осколки стекла.

Тогда-то Киммер и прозрел!

Он увидел не черную мглу контура женского тела, а девушку со смоляными волосами, ее побледневшие губы. Увидел и посиневшее лицо той, которая стала для него любимой.

Принц не знал, кого ему благодарить за столь своевременный подарок, в храмы каких богов нести щедрые подношения. Решил поразмыслить об этом позже, когда здоровью его спутницы ничто не будет угрожать.

Ему удалось вытащить Кайлу с того света, услышать, как забилося неприступное сердце, и прижать ее к своей груди, убаюкивая не пришедшую в себя девушку.

В этой позе их и застали воинственные обитатели Ведьминой Чаши, от которых отбиваться у Киммера не было ни физических, ни моральных сил.

И сейчас он испытывал нечто подобное.

Наверное, это любовь.

Любовь к девушке, которую вряд ли примет король и народ Элирии.

Ведь на престоле нужна особа благородных кровей, как Виария или другие принцессы. Но никак не простолюдинка, от которой сходит с ума единственный отпрыск Трогда Свирепого, отменяя все возможные доводы разума, отчаянно кричащие о том, что не доведет до добра эта внезапно вспыхнувшая любовь в Ведьминой Чаше.

Что закончится все тем, что честь невинной девицы будет опорочена. Она возненавидит коварного искусителя и всех мужчин вместе взятых. А позже пойдет к какой-нибудь ведьме или, еще хуже, наложит на себя руки, не смирившись с тем, что от нее отказались, отдали, как поломанную игрушку!

Нет! Не бывать этому!

Кайла не повторит судьбу его матери!

Иначе чем Киммер лучше того, кого он презирал?

— Я не допущу, чтобы вы страдали по моей вине, Кайла, — произнес принц, потирая ушибленную щеку. Боль его отрезвила и призвала держаться от девушки подальше, как бы тяжело ему ни было. — И не стану таким, каким был мой отец. Обещаю, Кайла! Честное королевское!

ГЛАВА 18

Ночь прошла в попытках уснуть и забыться до самого утра.

Тщетно.

Я ворочалась, то обнимая одеяло, словно живого человека, то отпихивая его ногами от себя подальше, будто оно в чем-то провинилось.

А провинилась я. Перед Киммером. И теперь мне за это стыдно.

Нехорошо я с ним поступила. Зачем бить? Можно оттолкнуть и выразить словами свои претензии и недовольство.

Нет же! Уроки Марлоу так просто не выбить заботой и лаской.

Через боль намерение доходит быстрее.

Не поспоришь с этим. Горящая от соприкосновения со щекой Киммера ладонь передает истину, втолкованную хозяином замка, лучше, чем сказанные в спешке слова... Нужно пойти и извиниться!

Была у меня где-то настойка хорошая, отлично снимает отек, покраснение и повышает настроение. Насчет последнего сомневаюсь, но Снедька уверяла, что огненная водица творит настоящие чудеса. Посмотрим, так ли это на самом деле!

Быстро собравшись и немедленно обнаружив в драконьих закромах заветную бутылочку, я отправилась мириться с наследником престола Элирии.

Знаю я эти ранимые венценосные души! Обижаться будут до скончания веков, как эльфы высокомерные или гномы злопамятные... А вдруг еще руки на себя наложит?!

Я поспешила к Киммеру, крепко сжимая скрепляющую узы дружбы бутылочку.

Наследника престола Элирии я определила в донжон, несмотря на уговоры принца поселить его рядом со мной. Не вышло. Не смогло его красноречие потушить мой факел уверенности в справедливости принятого мною решения. Просторная кровать и Шрам за дверью убедили Киммера, что стоит слушать ту, которая имеет в этом замке власть. До прихода Марлоу, само собой!

Берийский пес встретил меня унылым не то вздохом, не то скулежом, уверяющим меня в том, что мне здесь не рады.

Ничего страшного, не маленькая, переживу!

Постучалась, соблюдая приличия, и толкнула дверь в покои Киммера.

Никого! Ну и куда принц подевался?

Шрам не ответил мне, усердно делая вид, что он меня знать не знает, после чего отвернулся, намекая, что аудиенция у охраняющего покои господина окончена, можно идти по своим делам и не беспокоить его по всякого рода бестактным вопросам.

Помянув мужскую солидарность крепким неженским словом, я обошла донжон, заглянув попутно к Милике и поправив ей одеяло. Тихоня не отстал от родного брата, но обошелся без демонстрации филейной части, за что ему огромное человеческое спасибо!

Обойдя практически весь замок и успев немного замерзнуть (даже в хлеву Киммера не оказалось!), я направилась к единственному месту, где еще могла отыскать принца.

В оранжерею моего отца.

И что Киммер забыл в ней в этот поздний час?

— Вот скажи мне, Актер, почему жизнь так несправедлива? — услышала я голос наследника Элирии и, осторожно выглядывая из-за приоткрытой двери, поразилась увиденной картине.

Ночь на дворе. Приличные существа спят. Неприличные прожигают молодость и старость в кабаках да в домах увеселительного толка. Чем же должна заниматься особа королевских

кровей в такое время?

Правильно. Наводить порядок в разросшемся сборище растений, выдергивая голыми руками сорняки и ведя занимательные беседы с грифоном, сумевшим восстановиться после огня дракона и изредка подкурлыкивающим фразам принца, изображая при этом заинтересованного собеседника. Идиллия!

— Почему когда ты нуждаешься в любви, то она не приходит, а когда ты устал ее ждать и готов уйти, прибегает с радостными глазами и требует себя холить и лелеять? Почему все женщины такие непостоянные, а, Актер?

Грифон задумался и перестал копать яму на месте сорных трав. Он был не одинок в попытке найти ответ на поставленный Киммером вопрос. С той стороны двери его морально поддерживала я, не стремясь показываться перед наследником престола Элирии во всей девичьей красе и с бутылкой в руках. Вдруг что интересное услышу...

— Ты даже представить себе не можешь, Актер, как данная отцу клятва душит меня, не давая спокойно вздохнуть лишний раз. Я обещал ему, что из стана злейшего врага вернусь с миром между Элирией и Сарией. И что теперь я скажу Трогду Свирепому? Здравствуй, отец, с меня сняли проклятие, что портило мне жизнь все мои сознательные годы. Это произошло благодаря Кайле, девушке незнатного происхождения, но с добрым сердцем и широкой душой. Я полюбил ее, отец, и не могу сочетаться браком с принцессой Сарии... Знаешь, что он мне ответит?

Меня ход мыслей короля заинтриговал настолько, что я вцепилась в бутылку, напрягая слух и надеясь, что Киммер продолжит откровенничать и дальше, невзирая на общество полуптицы-полульва.

— Быть королем — это большая ответственность и ноша, которая не каждому по плечу. Лишь тот, кто силен духом и способен отбросить свои желания ради великого дела, может достигнуть небывалых высот в правлении народом. Поэтому, Киммер, не забивай себе голову ненужной любовью, я рад, что теперь ты стал полноценным мужчиной, но брак с девицей сословия весьма низкого не заключит мир с Сарией и не принесет тебе уважения нив глазх соседей (пропади они пропадом!), ни в глазах народа, что чревато последствиями. Я понимаю, что твое естество требует удовлетворения, так что ближайший дом терпимости в твоём полном распоряжении! Иди и ни в чем себе не отказывай! — продекламировал принц басом, старательно копируя Трогду Свирепого. — И самое обидное, Актер, что отец в чем-то прав. Без договора с Сарией мне нельзя возвращаться в Элирию, а без свадьбы с Виарией мне его не получить... Да и стоит ли обрекать Кайлу на такие муки? Я же вижу, как она смотрит вдаль, как ей опостылел замок и как она мечтает сбежать из Ведьминой Чаши и увидеть тот мир, что долгие годы от нее был сокрыт. Буду ли я себя уважать, если запрю ее в новую клетку, позолоченную и нарядную, лишу возможности открыть ранее неизведанные горизонты, испорчу ей репутацию, в конце концов! Нет, Актер, не бывать этому! С любимыми так не поступают!..

Какие вредные птички, однако, прилетели ко мне новым утром! Все стучат и стучат, не замолкая ни на секунду. Такое чувство, будто они целенаправленно бьют в одну точку у меня в голове. Кто их пустил сюда? Киммер?

— Тише, Кайла, не возись! — сонным голосом зашипел у меня над ухом принц, прижимаясь ко мне так, как муж обычно прижимается к жене. Нежно, настойчиво и с явным намеком на приятное продолжение. — Мы легли несколько часов назад, будь человеком, дай поспать!

Соблазнительно, Киммер, но есть зов природы, от которого так просто не отделаться... и этот зов поднимет тебя на ноги вопреки всему... Интересно, уборная далеко?

Выбралась я с трудом. Оказалось, что меня зажал с одной стороны наследник престола Элирии, а с другой — грифон, мирно посапывающий на просторной кровати принца.

Получается, мы в его комнате? И что я здесь забыла?

Проверила целостность платья. Оно не пострадало, и это не могло не радовать. Выходит, что женщиной я не стала и точку невозврата мы с Киммером так и не преодолели, несмотря на то что провели ночь вместе.

Фух, прям от сердца отлегло! Не то чтобы я не хотела, но традиции есть традиции. К тому же

первый момент единения хочется запомнить основательно, до мельчайших подробностей, а не так... без воспоминаний... по пьяни... Точно! Вот почему у меня голова гудит словно растревоженный улей. Мы же вчера выпили ту бутылку на двоих! А что было потом?.. Не помню...

Я долго добиралась до своей башни и далеко не с первого раза попала в хранилище, больно ударившись носом об стену (две двери передо мной оказалось, две!), но заветный бочонок нашла. Снедька дала однажды для борьбы с особым монстром, что носит страшное имя Похмелье.

После пары глотков ощутила себя человеком и даже сжалилась над Киммером, решив угостить его волшебным подарком. Ведь кто мне расскажет о моих ночных приключениях, если не он?..

Принца я зауважала! Не то чтобы раньше он не вызывал у меня подобных чувств, но отказаться от живительной жидкости только потому, что в армии бывали напитки пострашнее да в еще больших количествах, чем я ему вчера предложила? Ну и ладно! Мне больше достанется!

— Ну и дала ты жару, Кайла, — сказал принц, уплетая кашу и запивая мою стряпню молоком. — Никогда бы не подумал, что ты можешь быть такой загульной.

— Мы уже на «ты», принц? — Я удивленно приподняла бровь, занимаясь тем же, что и наследник Элирии.

Аппетит во мне бушевал просто зверский. Может, употреблять по вечерам, только в меру? Сугубо для улучшения пищеварения, а не для приобретения устойчивой амнезии!

— После того как мы с тобой пили на брудершафт, Кайла, мы перешли на «ты». И больше к «вы» уже не вернемся!

— Жаль, — делано возмутилась я, полностью согласная с позицией принца. Только разве стоило идти на такие огромные жертвы, чтобы перейти на новый этап наших отношений? — Жаль, что я не помню вчерашнего, Киммер! И не могу ничего сказать в свое оправдание. Если ты надо мной не подшучиваешь, само собой.

— Это вряд ли, Кайла, — усмехнулся принц, закончив завтрак. — Мне тебя не переплюнуть в столь деликатном деле, как довести себя до полного безумия. Не веришь мне?

Я отрицательно покачала головой. Не то чтобы я не верила, просто меня одолевали некие сомнения по поводу достоверности и справедливости слов наследника Элирии. Я-то себя знаю чуть больше, нежели он меня. Или Киммер все-таки... прав?

— Тогда, милостивая хозяйюшка, позволь мне показать тебе кое-что. — Киммер поднялся из-за стола и взял меня за руку, чтобы я шла следом за ним и, видимо, никуда не исчезла по дороге! — Уверен, разочарована ты не будешь!

И принц оказался прав!

Уж что-что, а разочарованной я не была. Ошарашенной, огорошенной, но разочарованной... нет! По ехидной улыбке Киммера я поняла, что обо всех подробностях злоупотребления настойкой он мне сразу не расскажет.

Ну и пусть! Мне на сегодня и так впечатлений предостаточно!

В зале спал вождь племени Ведьминой Чаши и несколько его преданных сторонников, самозабвенно похрапывающих и посапывающих. Без своих страшных шлемов и доспехов представители лесного народа выглядели милыми рыжеволосыми мальчиками, если бы не все те же большие ступни, с помощью которых, я подозреваю, они еще и плавают неплохо. Только откуда они здесь взялись? Пробрались через подземный ход или телепортировались непонятным мне образом?

— Смотри, Кайла, и учись! — прошептал мне в затылок наследник Элирии, подошел к ничего не подозревавшему вождю и заорал ему на ухо: — Подъем! Тревога! На защиту дома становись!

Подскочили все.

И не только гости из другой части Ведьминой Чаши.

Прибежал рычавший Шрам, за ним молчаливый Тихоня, сонная Милика, и даже на заплетающихся лапах доковылял Актер. Мы что, и ему тоже наливали?

Вмиг оказавшиеся на ногах воины безымянного племени осмотрелись по сторонам, увидели нас и перестали стоять по стойке «смирно», после чего вождь произнес то, за что я его зауважала сразу, окончательно и бесповоротно:

— Ну и гад ты, Киммер!..

Никогда раньше я не бывала на свадьбах. Повода не было. Снедька вышла замуж еще до нашего с ней знакомства, а близкой подругой у меня числилась только она. Да и обычной подругой, кстати, тоже. Другие со мной особо не общались, впрочем, как и я с ними. Марлоу следил, чтобы в окружении были только проверенные им люди, которые, само собой разумеется, не нравились мне. За исключением Снедьки и Малика. Интересно, как они там поживают...

— Улыбайся, Кайла, улыбайся! — Сидящий рядом со мной наследник престола Элирии точно не даст спокойно насладиться этим красочным мероприятием, напоминая своим присутствием обо всех моих вчерашних злоключениях и не давая погрязнуть в ненужных переживаниях по этому поводу. — Не омрачай праздник кислой миной! Бери пример с ребенка!

Поискала глазами Милику, под шумок покинувшую заваленный яствами стол. Нашла девочку в разномастной стайке детей, быстро принявших ее в свои ряды, и незнание языка не стало преградой. Эх... если бы раньше их отцы не швыряли в меня копьями и не пускали мне в спину стрелы, то знакомство Милики и ребятни произошло бы намного раньше. Хотя не скрою, в поведении воинов племени виновата была я. Не все готовы бросаться в объятия к пролетающему над ними дракону!

— А ты подозрительно счастливый, Киммер! — не смогла удержаться от ехидства я. — Невеста приглянулась?

— Свадьба, — ответил мне принц, серьезным взглядом изучая мое лицо. Прыщ, что ли, выскочил? — Так надоели эти официальные торжества договорного союза, как вспомнишь, тошно становится. Жених всегда важен, скучен и глуп. Невеста лучится дешевой радостью в ожидании, когда уже закончится мероприятие и можно будет снять мешающий нормальному дыханию корсет. А здесь все так естественно и мило, что волей-неволей начинаешь верить в браки по любви. Смотри, как сияют глаза жениха и невесты! И без всякой настойки!

Я последовала его совету, наслаждаясь искренностью двух влюбленных.

Они были странной парой. Худой, взерошенный жених и полноватая крупная невеста, которой он едва доставал до плеча. Оба рыжие, с вьющимися волосами и одной улыбкой на двоих, при виде которой у меня сами собой наворачивались слезы радости и счастья, ведь, несмотря на полную, казалось бы, несовместимость, эти двое нашли друг друга.

Киммер молча протянул мне чистый платок, и я с благодарностью его приняла, попутно вслушиваясь в речи остальных гостей.

Благодаря откровениям Киммера, грифону и моему решению поучаствовать в наведении порядка в оранжерее, дабы попутно помириться с наследником престола Элирии, мне стала понятна речь иверийцев — малочисленного народа, что позвал нас на эту свадьбу.

Быстро освоить язык мне, как выяснилось, помогло зелье, приготовленное по неизвестному рецепту пьяной драконицей с полного дозволения Киммера и Аронгака, вождя и дальнего родственника жениха. А дело было так...

Покончив с вредной сорняковой травой в оранжерее, мы с принцем перешли к примирению посредством употребления настойки, которая для меня оказалась слишком крепкой, а для Киммера — излишне слабой. Золотую середину мы отправились искать к иверийцам.

Почему именно к ним мы решили заглянуть в столь поздний час, наследник Элирии мне внятно ответить так и не смог. Однако принц уверенно стоял на своем, мол, идея сварить зелье для понимания речи иверийцев возникла как раз таки на пути к ним, когда зашел разговор о дальнейшей судьбе Милики и моем желании говорить с ней на одном языке.

Для проведения повторного эксперимента (жаль, Гарконаша с нами не было, вот кто оценил бы сей великий замысел и те слова, которые я благодаря ему узнала!) была выбрана поляна

недалеко от жилища Аронгака. Вождь с интересом отнесся к нашей аванюре и даже предложил свои волосы, чтобы внести посильный вклад в общее дело. Грех было не воспользоваться его добротой, что включила в себя еще и личный котел, в котором и варилось первое зелье для быстрого изучения языка. Сразу за ним готовилось второе, чтобы не только мы с Киммером могли понимать речь иверийцев, но и они нашу. Во всяком случае, всеобщий язык, на котором мы с наследником Элирии вели жаркие споры, беседы и гневные перебранки. Почему Милика не знала его, мне было, мягко говоря, непонятно. Ведь в Радое, как уверял Киммер, практически заставляли учить всеобщий наравне с родным языком. Может быть, Милика была особенной?

По словам наследника Элирии, колдовала я над кипящим варевом точно так же, как и в первый раз, только иногда выкрикивая непонятные слова и угрожая покарать ни в чем не повинное небо в случае неудачи. То ли оно испугалось, то ли в ком-то из моих дальних предков текла ведьмовская кровь, но зелья удались на славу, и теперь мы наслаждаемся свадебной церемонией почти всей семьей, за исключением Гарконаша. Книга покидать замок, увы, отказалась...

Зато на берийских псов это правило не распространялось, о чем они явно сожалели и мечтали поменяться с Гарконашем местами. Тихоня стойчески терпел пристальное внимание к своей пушистой персоне, которую можно потискать, пощупать и полюбоваться на ее синий красивый бант. Шрам же обзавелся розовым украшением на голове и периодически убегал от надоедливой ребятни, к их безмерной радости и восторгу. Грифону не составляло особого труда возиться с детьми, катать их и умилительно строить рожицы, вызывающие улыбки и смех.

Для меня Актер так и остался тайной за семью печатями. Он же вырос в дикой природе, и встретила его я не в цирке, так почему же от него так веет домашним уютом? Загадка...

— Кайла, Киммер! — плюхнувшийся справа от Киммера Аронгак прервал мое любование зверинцем замка и, указывая пальцем на жениха и невесту, громко нам зашептал: — Смотрите, сейчас будет ритуал Единения!

Перед влюбленными появилась чаша с небольшим, но, похоже, острым ножом. Ведущая церемонию женщина указала им на принесенные предметы, подчеркнув, что такая ступень доверия доступна далеко не всем.

— Это необязательная часть свадьбы. Гирангак и Тринда сами настояли на том, чтобы с ритуала Единения началась их жизнь как мужа и жены, — посвятил нас вождь в традиции родного племени.

— Значит, ритуал Единения не свадебный? — удивился Киммер.

— Скорее объединяющий, — ответил Аронгак, выпивая огромную кружку с медовухой.

Киммер от него не отставал, я же отказалась от напитка и не жалела о своем решении. Мне хватило вчерашнего раза, не стоит испытывать судьбу.

— Кровью скрепляется союз, дабы связать двоих крепкими узами, что нерушимы и ценны. Боги покарают того, кто предаст, убьет или замыслит дурное. Но им необязательно становиться семьей, их судьбы сплетаются и без свадьбы.

— Но мужем и женой они могут не быть, так? — заинтересовался ритуалом принц.

— Верно, — подтвердил правоту Киммера Аронгак. — Ритуал Единения может проводиться как между мужчинами, так и между женщинами. После него люди становятся родными, как братья или сестры. Кровниками. Далеко не все влюбленные решаются на подобное, только те, кто уверен в половинке полностью и доверяет ей так же, как себе.

— Занятный ритуал, занятный... Кайла, не хочешь потанцевать? Хотя что я спрашиваю, по глазам вижу, что хочешь!

Не дожидаясь моего согласия (действительно, кому это надо?!), Киммер потащил меня к пустившимся в пляс иверийцам, отмечающим тем самым пролитую кровь влюбленных, которые бурно целовались и явно не желали хоть на секунду оторваться друг от друга. Я им по-доброму завидовала. Пусть все у них будет хорошо!..

— Расслабься! — Наследник престола Элирии уверенно вел меня в танце, словно не единожды отплясывал его на окраинах Ведьминой Чаши. — Наслаждайся тем, что здесь происходит!

— Уже расслабилась, больше не хочу...

— О-хо-хо... Кайла, ты же не сделала ничего дурного! Да, выпила. Да, перебрала малость. Но посмотри на это с другой стороны. Если бы не твоя настойка, мы бы не узнали язык иверийцев, а они — наш. Не пришли бы сегодня на свадьбу, в кои-то веки вырвавшись из замка все вместе и насладившись сполна этим праздником. А ты укоряешь себя и считаешь... кем? Пьяницей? Или, упаси боги, падшей женщиной?

Если бы взглядом можно было делать дыры, то в принце появилось бы лишнее отверстие, возможно, даже не одно. С такой точки зрения я свой поступок-проступок уж точно не рассматривала. Почему это я падшая женщина?

— Проснулась в постели мужчиной и причислила себя... Нет? Как здорово! Одной проблемой меньше! — усмехнулся Киммер, кружа меня под звуки неведомых музыкальных инструментов, напоминающих мне радостные флейты, лиричные скрипки и веселые барабаны. — Знаешь, Кайла, почему ты так поступила? Тебе надо было выговориться. Выложить, что у тебя на душе, тому, кто тебя выслушает, поймет и не осудит. И обязательно обнимет, дабы подарить тепло тому, кому оно нужнее... — Принц игриво притянул меня к себе. — Стало лучше, Кайла? Чувствуешь, как полегчало на душе?

— Ваше лекарство, Киммер... ой, прости! Твое, разумеется, лекарство всегда помогает! — Я не лукавила, моя душа пусть и не сразу, но постепенно избавилась от груза стыда и вины за неподобающее поведение. Пользуясь моментом, я решила кое-что уточнить у наследника престола Элирии, пока он пребывал в добром расположении духа и явно не прочь был поболтать со мной обо всем, что меня интересовало. — Раз ты, Киммер, избавился от проклятия, то скажи мне: какая я?

Принц не спешил отвечать. Он явно что-то взвешивал на невидимых весах у себя в голове, словно отмеряя ту правду, что стоило озвучить вслух.

— Ты не будешь смеяться?

— Зависит от того, что я услышу.

— Ты для меня загадка, Кайла. И дело не в характере, не в силе духа, а во внешности. Когда я смотрю на тебя, то не могу определить, какая ты. Я смотрю на твои волосы цвета смолы, а в них проскальзывают светлые пряди. Тону в черных как ночь глазах, что через миг превращаются в драгоценные камни синего цвета. Даже твой профиль меняется, стоит мне только увидеть тебя снова. Неужели любовь настолько ослепляет?

Я не ответила, положив голову принцу на плечо. Музыка стала более медленной и протяжной, настроение гарцевать подобно королевским рысакам исчезло, словно и не было его. Пары плавно кружились в танце, а со стороны леса изредка доносилось протяжное уханье филина. Краем глаза я заметила, как Гирангак и Тринда оказались рядом. Такие разные, но такие одинаковые... от них исходило тепло, согревавшее каждого, кто приближался к ним, и это позволяло верить, что их союз нечто большее, чем простое объединение для продолжения рода и преодоления тягот нелегкой жизни в Ведьминой Чаше.

Хотела бы я, чтобы моя свадьба была похожа на эту. Только вряд ли мои мечты сбудутся. Мне не быть с Киммером, а с другим я своего будущего не представляю.

ГЛАВА 19

— Очухалась, принцесса? — Паж со злостью пнул Виарию в бок, отчего дочь Филиппа Спокойного протяжно застонала и пришла в себя. — Хватит изображать жертву, бесполезный мешок костей! Где же ваша хваленая удаль и стойкость!

Кристоф с ненавистью уставился на Джанарио, посмеявшегося издеваться над той, кто не мог дать достойного отпора. Виария, как и ученик Зарга, была крепко связана по рукам и ногам, только, в отличие от мальчишки, рот ей затыкать кляпом не стали.

Неужели ей предоставили право сказать последнее слово?

— Там же, где твоя смелость и благородство, лакей! — сказала принцесса, смерив Джанарио равнодушным взглядом. Так смотрят на червей или улиток в дождливый день. — Ты как был трусом, так и остался. Не хватило духа одолеть меня в честном бою?!

Паж побагровел, заноса руку для удара. Дочь Филиппа Спокойного не стала уклоняться или прикрывать глаза, встречая неизбежное с гордо поднятой головой и ледяным презрением. Однако у Себастьяна на этот счет были совсем другие планы.

— Хватит! Отойди от Виарии! Поквитаешься с ней позже, когда она станет нам не нужна. А до той поры держи себя в руках! Не позволяй эмоциям затемнять твой разум!

Джанарио разочарованно сплюнул и ушел, оставив рыцаря и принцессу вдвоем. На Кристофа никто не обращал внимания. Для них он был невидимкой или предметом походной кухни. Только двое бывших возлюбленных... Вот только... была ли любовь?

— Каково это быть предателем, Себастьян? — Дочь Филиппа Спокойного первая нарушила затянувшееся молчание.

— Не знаю, Виария, ты мне скажи. — Начальник королевской стражи сел напротив принцессы, достал флягу и сделал из нее глоток. — Какой же нужно быть продажной тварью, чтобы польститься на золото Элирии и втоптать в грязь память о тех, кто отдал свою жизнь за Сарию? Неужели ты и вправду думала, что я позволю тебе и твоему отцу так вероломно поступить с моей страной?

— Много пафоса, Себа, аж тошнит. Не надо отгораживаться мишурой из красивых слов. Скажи честно: власти захотелось!

— Да, захотелось, — не стал отрицать рыцарь, жестом предложив принцессе испить из фляги, но Виария отказалась. Себастьян настаивать не стал. — Грех было упускать такую возможность. Мой дом давно стремился править единолично, без всяких Советов и тем более без твоего отца.

— Даже без остальных домов, не так ли? — Виария пошевелила затекшими плечами, презрительно рассматривая начальника стражи, который долго дурил ей голову. — Иначе зачем столько жертв? Делиться не захотел?

— Верно, Виария, остальные дома не в курсе моего замысла. И они точно поддержат меня, когда я вернусь с известием о том, что их сыновья геройски пали, защищая принцессу ценой своей жизни. Однако усилия их были напрасны. Киммер убил нашу горячо любимую принцессу. — На губах рыцаря расцвела ядовитая усмешка, которую Виарии отчаянно захотелось стереть с его лица. Увы, дотянуться до начальника стражи было не так-то просто. — А помог ему в этом предатель Кристоф, который был шпионом Трогда Свирепого и докладывал о каждом шаге людей, за которыми ему велено было следить. Жаль, что живым его нам взять не удалось.

— Тебе не поверят, Себастьян! Мой отец не дурак, да и в других Высокородных домах остались еще умные люди.

— Поверят, Виария, поверят. Я покажу им это. — Рыцарь достал медальон и издевательски покачал им в воздухе. — Подарок моей горячо любимой Виарии, она отдала мне его перед смертью, истекая кровью у меня на руках. Его же нельзя отобрать силой, не так ли?

Принцесса молчала, с ненавистью глядя на Себастьяна и пообещав себе, что если они выберутся из этой западни, то живым рыцарь точно не уйдет. Не заслужил он права и дальше топтать сарийскую землю.

— Голова Киммера, твоя смерть и погибшие рыцари помогут мне сместить твоего отца. Обещаю, что преследовать его не буду. Пусть живет, если сможет оправиться от горя.

— Не верю, что все придумал ты, Себастьян. Это была идея Зарга?

— Его. — Рыцарь решил быть откровенным. Пусть лучше Виария и Кристоф узнают всю правду от него, чем от кого-то другого. Не чужие люди все-таки. — Без помощи Зарга у нас ничего бы не получилось. Это он предложил мне поухаживать за тобой, показать, что у меня есть чувства к тебе, а ты развесила уши, как какая-нибудь прачка или кухарка. Неужели ты и вправду думаешь, что тебя можно полюбить?! В тебе нет женственности, Виария! Ты прилагающаяся к трону вещь, не более того! — Себастьян расхохотался, наблюдая, как щеки принцессы покрываются красными пятнами. — Играть с твоими чувствами было забавно, право слово. О, как же меня смешили твои мечты о детях, о том, какой хорошей матерью ты будешь для них... Глупость, Виария, глупость несусветная! Ты дочь валькирии, которая отказалась от своего ребенка. И ты поступишь точно так же, как она! Ведь в тебе течет ее кровь, ее глазами ты смотришь на мир, и то, что ты вменяла в грех Джанарио, подходит и для тебя. — Себастьян сжал колено принцессы, любясь гримасой боли на ее миловидном лице. — А ведь он не собирался предавать тебя, Виария. И шел к тебе в служение доказать, что его дом давно извлек урок из наказания и заслуживает того, чтобы вернуть себе отобранный за прошлые прегрешения статус. Но ты же упрямая, Виария. Как старая ослица, как баран винторогий. Это качество хорошо при колке дров, но никак не для монарха. И оно тебя погубило, Ви. Тебя и Кристофа. По твоей вине. Знай, что из-за тебя он, — рыцарь указал на ученика Зарга флягой, — погиб, а мог бы жить. Если бы тогда ты выбрала меня, а не того, кто скоро содохнет!

Себастьян достал из кармана штанов кляп и быстро засунул его Виарии в рот, после чего, поцеловав ее в лоб, удалился, слегка шатаясь. Во фляге была явно не вода.

По щекам принцессы катились слезы бессилия. Надежда на спасение таяла, бывший возлюбленный переиграл дочь Филиппа Спокойного по всем статьям. Смирилась ли она с поражением? Нет. Так просто Виарию было не сломить. Хорошо знать своего врага в лицо, а знать, что он уже похоронил тебя, еще лучше. Значит, он ничего не подозревает и утратил бдительность. Остается лишь ждать, когда он оступится, и нанести ему смертельный удар. А то, что рано или поздно Себастьян совершит ошибку, Виария и не сомневалась. За годы любви, которые только что втоптали в грязь, она успела изучить начальника стражи достаточно неплохо, но не так хорошо, как оказалось в итоге...

— Приклоняюсь перед вашей партией, учитель! Она филигранна и точно разыграна, как и всегда!

— Спасибо за лестную оценку моей работы, Алистер, — сказал Зарг, разглядывая границы ледяной пустыни, отделяющей его от Ведьминой Чаши.

Причудливое это место, где соприкасаются две разные климатических территории. С одной стороны зеленеют деревья, а с другой — лежат снега, что никогда не тают. Бушует буря, метель, а небо черное, без единого светлого пятнышка. Как душа у Зарга. У пожирателя другой не бывает.

— Накопитель у мальчишки оказался весьма мощный, учитель. Нам его одного хватит, чтобы всем переместиться в Ведьмину Чашу. А там вы спокойно проведете ритуал Слияния, после чего на одного дракона, принца и принцессу станет меньше. Я подготовил...

— Мои планы несколько изменились, Алистер, — перебил Зарг заготовленную речь Марлоу. — Дракона можно не трогать. Зачем рубить голову той, кто приносит нам хорошую прибыль? Пусть и дальше наводит страх и шорох на неугодные нам королевства, пока их правители готовы платить за своих детей золотом, серебром и драгоценными камнями... Виарию тоже можно помиловать. Покопаемся в памяти, сотрем ненужные воспоминания, и пусть выходит замуж за Себастьяна, что спас ее от коварства наследника престола Элирии. А вот Киммеру придется умереть. Война должна продолжаться до тех пор, пока нам это выгодно. Пусть охваченный отцовской местью Трогд Свирепый не даст Сарии спокойно жить на этом свете!

— Как же ваша возлюбленная, учитель? — осторожно спросил Марлоу. — Вы больше не хотите ее вернуть?

— Хочу, Алистер, но не против ее воли. — Зарг любовался бушующей стихией, что хотела смять вставшие на ее пути деревья. Они хрустели и выгибались под действием вьюги, касались земли, но и не думали подчиняться той, что причиняла им боль. — Эмри против такого

возвращения, а значит, я отступлю. Я знаю ее, Алистер, не первый год. Если ей что-то не по душе, то ничего хорошего из этого не выйдет. Мы проведем лишь один ритуал Слияния, Алистер. Больше никакой магии в Ведьминой Чаше.

— Жаль, что вы передумали, учитель! — Марлоу расстроился настолько, что и не думал этого скрывать. Тем более от кого? От того, кто знает его как облупленного? — Такой эксперимент пропадает! Никто подобного не делал! Никто!

— Понимаю твое разочарование, но по-другому я поступить не могу. — Зарг похлопал приунывшего Марлоу по плечу, выражая тем самым участие в переживаниях мага. — Ты был мне хорошим учеником, Алистер! Думаю, когда-нибудь тебе удастся провести задуманный нами ритуал и без меня...

— У меня такое чувство, учитель, будто вы со мной прощаетесь. Вы не уверены, что все получится?

— Это мое первое Слияние, Алистер. Возможно что угодно. Моя светлая половина вполне может оказаться сильнее темной. Поэтому будь внимателен, когда я вернусь. Это могу быть не я, а ты помнишь, Алистер, как Бирх дорожит принцем Киммером.

— Помню, учитель. Что мне делать, если он победит, а не вы?

— Тогда убьешь, — просто ответил Зарг, заметив, как буря постепенно стихла, оставив несломленные деревья в покое. — Собирай наемников, нам пора в путь!

Лагерь сворачивался быстро, но не в спешке. Если бы не обстоятельства, то Кристоф по достоинству оценил бы лаконичность и скупость движений наемников из той же гильдии, что напавшие на отряд, шедший спасать Киммера, и убившие троих рыцарей. Опасные противники, с которыми Кристофу и Виарии, увы, не тягаться. Двое против шестнадцати обученных убийц. Смешно, да и только!

Подошедший к мальчишке грозный тролль, выделяющийся огромной фигурой из общей массы воинов-людей, без лишних сантиментов закинул на лошадь сначала ученика мага, а потом и Виарию, после чего повел животное под уздцы в сторону границы леса и начала ледяной пустыни.

Бирха Кристоф заметил на другом рысаке. Элирийский волшебник пребывал в бесчувственном состоянии, и, присмотревшись, соратник принцессы заметил странные символы на лице наставника Киммера, что и объясняло его неучастие в происходящих событиях.

Себастьян же находился рядом с Заргом и каким-то колдуном, который с отсутствующим видом поглаживал бороду и сжимал в другой руке накопитель Кристофа. Эх, дотянуться бы до него! Тогда можно было бы избавиться от веревок, устроить побег и спрятаться в чаще леса. Однако умений и знаний мальчишки не хватало на то, чтобы колдовать со связанными руками, да и предатели находились на достаточно большом расстоянии, чтобы призвать спящую в камне магию и направить ее в небезопасное для окружающих русло.

Ученик Зарга завозился, чтобы унять ноющую боль в мышцах, и тотчас получил сильный тычок в спину от тролля, приставленного, видимо, для того, чтобы следить за пленными и пресекать их любые попытки к освобождению. Виария взглядом призвала Кристофа успокоиться и не злить злобно оскалившегося нелюдя.

Не дойдя до границы нескольких метров, Зарг жестом призвал всех остановиться. Вышедший вперед неизвестный Кристофу маг поднял над головой накопитель и забормотал заклинание, раскачиваясь из стороны в сторону.

Не прошло и нескольких минут, как перед отрядом смерти распахнулось пульсирующее нечто, плавно увеличивающееся в объемах занимаемого места. Сначала оно напоминало черное яблоко, но потом разрослось до размеров дома зажиточного купца или вельможи.

Первым в него шагнул Зарг, за ним — Себастьян и все остальные. Последним шел маг, держащий накопитель, и нечто закрылось, позволяя холодному ветру и дальше нести непокорные снежинки к не менее строптивым деревьям приграничного леса.

ГЛАВА 20

Аронгак предлагал нам остаться у него до самого утра, но я отказалась. Перспектива снова ночевать с Киммером в одной постели меня почему-то не прельщала. Не стоит незамужней девушке и почти женатому мужчине оставаться наедине. Иначе это может плохо закончиться для них обоих. Благородство благородством, а инстинкты еще никто не отменял. Если нам с наследником Элирии удалось не переступить грань прошлой ночью, то кто поручится за то, что мы не преодолеем невидимую черту сегодня?

Не стоит искушать судьбу там, где можно обойтись малой кровью.

Утомленная Милика уснула на руках Киммера, уставшие Тихоня и Шрам счастливо брели сзади, один лишь Актер радостно парил над нашими головами, изредка пропадая из поля зрения и бросая нам под ноги то шишки, то орехи, то не сумевшую от него убежать белку. Живую, кстати, и относительно невредимую. Настоящий добытчик, не пропаду с ним в голодную зиму!

Говорить было не о чем. Под впечатлением от свадьбы мы шли погруженные в себя, смотря лишь по сторонам да под ноги. Ловушки иверийцы еще не убрали. Аронгак обещал, что непременно займется этим, но позже, когда гулянья закончатся. А длятся они у племени Ведьминой Чаши не менее недели, а то и больше. Редки у них свадьбы, вот и празднуют так, чтобы помнить долго. Я бы не выдержала подобного. Хотя... не пробовала, могу и ошибаться.

Мне предстоял обстоятельный разговор с Киммером. Без его помощи я не справлюсь с Марлоу, не потяну такую ношу на хрупких женских плечах. Силен пленивший меня маг, боюсь, что он поймет по моему лицу то, что я задумала против него. И совет Гарконаша мне точно не помешает — книга подскажет, как вести себя с Марлоу и не выдать себя ненароком. Да и поговорить по душам с летающей книгой лишним не будет. Без подпитки от меня Гарконаш погибнет, ведь от кольца я избавлюсь, оно мне точно ни к чему. Есть ли способы передавать энергию летающей книге другими способами и от иных источников, а не от меня? Надо уточнить у него, Гарконаш врать не будет, он честный...

От размышлений меня отвлек странный запах. Muskusный, пряный, притягивающий и в то же время отталкивающий, которого просто не могло быть в Ведьминой Чаше.

Не одна я ощутила непонятное изменение. Тихоня со Шрамом низко пригнулись и зарычали, а парящий грифон издал предупреждающий клекот. Киммер остановился и принялся озираться по сторонам.

А я увидела его.

Дракон! Размером чуть больше меня в звериной ипостаси, темно-серый, потому и незаметный в спустившихся с гор сумерках. Его выдали пылающие как угли глаза. И струя пламени, пущенная в сторону Актера.

— Киммер, уноси Милику в замок! Быстро! Шрам, Тихоня, домой! Живо!

У меня не было времени смотреть, исполняются ли мои приказы. На кону стояла жизнь дорогих мне существ. А за них я буду драться до последнего вздоха!

На ходу скидываю обувь и буквально срываю с себя платье. Не чувствую прохлады Ведьминой Чаши. Жар охватывает тело, и вот я уже бегу на четвереньках на того, кто посмел раскрыть свою пасть на грифона.

Неприятель не ожидал здесь встретить подобного себе. Он замешкался и дал мне небольшое преимущество при проведении первой атаки, за что и получил лапой по наглой физиономии.

Попыталась достать его хвостом, но враг успел прийти в себя и отскочить в сторону, увернувшись от моего смертоносного жала.

Не размыкая зрительного контакта, дракон обходил меня по кругу, не стремясь сокращать возникшую между нами дистанцию. В его движениях ощущалась уверенность в собственных силах и опыт сражений с себе подобными. Для меня же такой бой был первым. Надеюсь, что не последним...

Угрожающе рыкнув, я выпустила в сторону дракона струю пламени, пролетевшую мимо него. Противник взлетел вверх и попытался подпалить мою шкуру, но безуспешно. Применяв его тактику против него самого, я самоотверженно бросилась на приземлившегося дракона,

познакомив его с моими рогами.

Почему-то врагу первая встреча с ними не понравилась. Он взревел и схватил меня за шею зубами, оказавшись сверху. Пытаясь выбраться из-под него, я отчаянно била противника хвостом, но мое жало никак не могло в него попасть, лишь несильно царапая его толстую шкуру.

Дракон в предвкушении сжал челюсти плотнее. Понял, гад, что я девочка и выбраться мне ой как непросто. Сейчас я, по всей видимости, узнаю все прелести размножения своего вида.

Хлесткий звук прервал сопение дракона, и он взревел от боли, выпустив меня из неприятных объятий. Я развернулась и увидела Киммера, увлеченно кидающего камни в нашего недруга и попадающего ему то в глаз, то в нос, то в ухо.

Идиот! Почему ты не ушел вместе со всеми?! Ничего, я с тобой еще поговорю! Разберусь только с тем, кто открыл тебе правду на мой счет, и мы поговорим! Наидушевнейшая выйдет беседа!

Жало наконец-то попало в дракона, и он снова взревел, но быстро получил лапой по челюсти, а затем я выдернула наконечник хвоста и рогами оттолкнула противника на ближайшее дерево. С протяжным хрустом дерево обломилось и упало, а вместе с ним завалилась и туша моего врага.

Дракон жалобно зарычал, из его бока струей текла кровь, а шкура зверя истощалась прямо на глазах, пока передо мной и Киммером не предстал голый человек, не способный оказать никакого сопротивления.

Я затравленно оглянулась на принца, не зная, как поступить с поверженным врагом. Желание убить его у меня испарилось сразу же, когда он вернулся в человеческое обличье. А добивать того, кто не может дать тебе отпор, как-то... стыдно, что ли. Не по-людски получается, не по совести. Вот как поступить?

Подошедший к противнику Киммер оторвал рукав рубашки и наспех перевязал ему кровоточащую рану.

— Нам надо в замок, Кайла. — Голос наследника престола Элирии звучал глухо и долетал до меня словно через какую-то невидимую перину или вату. — Долго он не протянет, а если поторопимся, то сумеем ему помочь. У тебя же есть необходимые травы и лекарства?

Я утвердительно рыкнула, понимая, что теперь наши с принцем отношения изменятся. И кто-то сегодня побудет в роли почтовой лошади и больше не сможет утверждать, что не родился еще на свете тот, кто ее оседлает!

Мы управились с Киммером до наступления ночи. Перевязали бедолагу, напоили его целебным укрепляющим отваром, в который я для надежности добавила сонной травы, и положили его спать в одной из комнат моей башни. Так безопаснее. В донжоне слишком много соблазнов и страхов. Мало ли что взбредет раненому в голову после пробуждения.

С едва различимым скрипом я закрыла дверь в комнату так не вовремя появившегося в моей жизни дракона, отсекая тем самым себе путь к отступлению. Надо поговорить с Киммером сейчас, иначе будет поздно. И почему я себя чувствую напакостившим ребенком? Никогда со мной подобного не было! Марлоу может подтвердить!

Ощутила, как принц подошел сзади и крепко обнял меня, с шумом вдыхая аромат моих волос. Все сомнения за ненадобностью сразу отпали, словно последние листья с осенних деревьев, а я поняла, что обязательно скажу Киммеру о том, что буду по нему скучать. Пусть знает, что он мне не безразличен.

— Почему ты мне не говорила, что ты дракон? Не доверяла?

— Сперва не доверяла, а потом боялась твоей реакции на мою сущность. Обратней не особо жалуют, особенно королевские отпрыски...

— Глупости несусветные. — Киммер коснулся губами моего виска, отчего теперь с шумом задышала я. — Ты не ранена? Мне начинать паниковать и готовить тебе теплый постельный режим?

— Не стоит, Киммер, — улыбнулась я, поглаживая его руку. — Следы от его зубов уже затянулись, моей жизни ничто не угрожает. Мне... надо поговорить насчет сегодняшнего дня. Это очень важно.

— Говори, я тебя внимательно слушаю.

— Нет, Киммер, я так не могу! — заупрямилась я, и на то были весомые причины. — В твоих объятиях я теряю всякую способность думать, а она, ты не поверишь, мне сейчас необходима!

Принц рассмеялся и уступил моей просьбе. Я же продолжила:

— Завтра за тобой придут ближе к полудню, и я хочу тебя попросить помочь мне в одном щекотливом деле. Я хочу избавиться от мага, что меня пленил, и обрести желанную свободу. Ты сможешь мне в этом?

— Да, — не задумываясь ответил Киммер. — У тебя есть меч или, на худой конец, кинжал?

— Чего только нет в моем хранилище! — с серьезной миной ответила я.

Вспомнив, сколько всего там было и сколько уже доставалось из его недр по воле богов (деталька для купальни, статуэтка иверийцев), Киммер не сдержал улыбки, но быстро вернул себе серьезное выражение лица.

— Как далеко ты готова зайти... в желании обрести свободу? Сегодня я видел тебя в бою, но окончательную точку ты поставить не сумела.

— Не суди меня по этому случаю, Киммер. — Я устало подошла к окну, разглядывая черноту с той стороны стекла. — Ты многого обо мне не знаешь. Милика не рассказывала, откуда она появилась в замке?

Наследник престола Элирии помотал головой, несмело приближаясь ко мне. Правильно, принц, после услышанного ваше отношение ко мне изменится, как пить дать! Разве можно миловаться с убийцей?

— Моего хозяина зовут Марлоу. Думаю, ты и так догадался, глядя на портреты, что висят в донжоне. В качестве хорошей работы он позволяет мне ненадолго выбираться в города, соорудив для меня несколько порталов, дабы я не тратила драгоценное время на трансформацию и перелеты. Один из таких порталов располагался в лесу на границе с ледяной пустыней...

Было холодно, что и неудивительно. Пустыня немилосердна ко всему живому. Надо как можно скорее преодолеть приграничную полосу враждующих стихий, дальше будет теплее.

Я пробиралась сквозь колючие заросли кустов, понимая, что до сих пор не определилась с тем, чего же, собственно, хочу: башмачки чудесные или платье нарядное. Или, может быть, сладкого что-нибудь купить? А то сахарные трубочки да петушки на палочке закончились, что, как оказалось, стало для меня небольшим потрясением. Может быть, купить себе все, что надумала? Не-э-э, скупость не позволяет!

Повеяло гарью. Костры, что ли, жгут? Холодно здесь бывает, греются, наверное.

Чем ближе подходила к источнику вони, тем отчетливее становились слышны крики боли и отчаяния, темного торжества и упоения пролитой кровью. Не теряя головы, я поспешила к тем, кто нуждался в помощи. И увидела горящие повозки каравана и воинов, которые не щадили никого, кто попадался им на пути.

Меня обуяла злость. Ненависть повела меня мстить за тех, кто уже не сможет за себя постоять, а крики мольбы становились все тише и тише...

Я пришла в себя резко. С моих глаз будто сорвали атласную черную ленту и удалились наблюдать за моей реакцией на происходящее. А повсюду валялись тела убитых, догорали повозки, над головой обсуждали глупых людишек черные вороны. И я стою вся перемазанная в чужой крови и не знаю, что нужно делать.

Обжигающий холод пришел внезапно. Дабы не замерзнуть окончательно, я оделась и начала поиски, что вскоре увенчались успехом. Я нашла Милику рядом с изуродованным трупом женщины. Малышка не рыдала и не звала на помощь, а просто тянула женщину за руку,

словно призывая идти вместе с ней.

На мое появление малышка никак не отреагировала, продолжая свое бесполезное занятие и прижимая потрепанного временем мишку к груди... Я осторожно увела упирающуюся девчущку к порталу, перенесла ее в замок, и там она наконец-то расплакалась и все кого-то звала и звала, а слезы из глаз так и капали, так и капали... Как могла, я ее утешила, успокоила. Когда она уснула, я вернулась к месту преступления и похоронила тела. Всех хоронила, не разбираясь, убийцы это или их жертвы.

По ночам они ко мне приходили во снах. Те, кого я убила. Они стояли и смотрели на меня. Ничего не говорили. А потом уходили.

Постепенно такие сны мне перестали сниться. Но я помню то, что сделала, Киммер, и теперь точно знаю, что в случае необходимости я поступлю точно так же, как тогда, в лесу.

Этот случай настал, Киммер. Я готова.

Готов ли ты?

— Проходи, Кайла, не стой в дверях! — Гарконаш подлетел ко мне, ритмично заработав страницами. — Что стряслось?

— Я... решила уйти, Гарконаш. Из замка, из Ведьминой Чаши. И хочу забрать тебя с собой. Ты пойдешь со мной?

— Нет, Кайла, я не пойду с тобой. — Его мысли режут меня без ножа, и мне становится плохо от того, что я от него слышу. — Как и ты, я привязан к замку, только от кольца ты можешь избавиться, а руну из переплета выдрать не так-то просто. Я рассыплюсь на части, если это сделать. Уходи без меня, Кайла. Забирай Милику, псов, грифона и того птенца, что повадился клевать моих подружек! — Гарконаш попытался меня рассмешить, но у него не получилось. Или это я не могу улыбнуться назло обстоятельствам, как он меня учил? — Да и про Киммера не забудь, хороший он парень, тебя в обиду не даст. Только счастье свое просто так не отдавай. Помнишь, как учил тебя Марлоу? За место под солнцем нужно бороться...

— ...зубами грызть землю, но своего добиваться, — продолжила я сквозь слезы, не скрывая их и не стыдясь того, что умею выражать обуревающие меня чувства. — Как же я без тебя буду, Гарконаш? Ты же вся моя жизнь, я не могу тебя бросить на верную погибель!..

— Я был частью твоей жизни, Кайла. — Летающая книга и не думала меня щадить, ведь хвост собаке следует отрубать сразу, а не по кускам. — И пришла пора тебе двигаться дальше, уже без меня. Запасов твоей энергии хватит мне на несколько лет, а потом я просто усну и не проснусь. Я и так прожил достаточно долго... и горжусь, что со мной была ты! Маленький ребенок на моих глазах превратился в сильную, красивую девушку, которую теперь можно выпускать в большой мир, не боясь за ее жизнь и судьбу. Разве это не замечательно?

— Замечательно, Гарконаш, замечательно, — шмыгнула носом я и неловко взяла летающую книгу на руки. В его единственном глазу отражались тоска, смирение и непреклонность. Что он видит в моих глазах, я даже боялась представить. — Спасибо за то, что был со мной все эти годы... папа!

Гарконаш промолчал, и я была рада этому. Хватит слов, есть способ передать любовь куда вернее и надежнее, чем бесчувственные буквы и невыразительные звуки.

Я аккуратно прижала к себе летающую книгу и почувствовала, как он положил свой единственный глаз мне на плечо.

Сколько мы так стояли? Казалось, что вечность. И так бы не уходила от него, если бы...

— Тебе пора идти, дочь. — Непривычное обращение Гарконаша бальзамом пролилось на израненную душу. — Завтра тебя ожидает трудный и опасный день. Тебе стоит пораньше лечь спать...

Перед тем как закрыть дверь, я негнушима пальцами попрощалась с отцом, слегка перебирая ими воздух. Увидев, что Гарконаш готовится ко сну, я вышла в коридор и пошла прочь от библиотеки.

Мне было больно физически и душевно, но я шла, а на ногах моих словно гири привязаны.

С трудом, но добралась до своей комнаты. У меня не осталось сил снять с себя одежду и лечь на матрас. Единственное, что я смогла, это отползти от двери и прислониться спиной к стене.

Боги, почему мне так плохо?!

— Не помешаю?

— Пойдите прочь, Киммер...

— Мы снова на «вы»? Какая же вы непостоянная, Кайла...

— У меня нет ни малейшего желания с вами спорить, принц. Просто оставьте меня в покое! Я не желаю вас...

Мой поток эмоций был прерван поцелуем. Жадным. Терпким. Неистовым.

Руки Киммера скользнули по моему телу, и я выгнулась навстречу его ласкам, бесстыдно подставляя ему то, что приличная девушка прячет под одеждой.

— Останови меня... любимая... прошу... тебя... — прошептал принц, но я и не подумала послушаться его.

Ты сам ко мне пришел, любимый, а значит, я тебя так просто не отдам!

Лишь одинокая свеча была свидетелем сплетения тел этих двух людей, которые предавались ласкам вопреки всему — сословным предрассудкам, традициям и требованиям морали. Их чувствам предстояло вскоре подвергнуться страшным испытаниям, и эта ночь была им как подарок, как первый день весны после зимы.

ГЛАВА 21

Странное место. Бирх никогда раньше тут не был. Выжженная земля, черная и безжизненная, лишенная тепла и света. И как он здесь оказался?

Загадка.

Еще недавно он стоял напротив предателя Зарга, а теперь... Куда, собственно, подевался сарийский маг? Трусливо сбежал?

— Осваиваетесь, Бирх? — Язвительный тон заставил его обернуться.

Зарг, лишенный показного спокойствия, напоминал разъяренную змею, чье гнездо кто-то разворошил. Один неверный шаг — и она непременно укусит. Может, дать ей возможность броситься, а в полете убить?

— А нужно? — Бирх заметил в руках сарийского колдуна два двуручных меча. Будет бой не на жизнь, а на смерть?

— Отчего же нет? — пожал плечами Зарг. — Весьма живописное место, скажу я вам по большому секрету. То, что осталось от некогда могущественного Вессергерского леса. Земля до краев пропитана здесь кровью, пеплом и агонией. В ней скоро будете лежать и вы, мой друг. Какой меч вы выбираете?

— Тот, что с волчьей мордой. Не люблю я, знаете ли, ползучих гадов и существ иже с ними.

— Это дракон, Бирх. — Зарг кинул выбранное оружие элирийскому волшебнику. — Благородное создание. Символ мощи и справедливости, милосердия и упорства. Сочетание качеств, которых лишены мы с вами по отдельности, но вот вместе... Вам известно, Бирх, как стать пожирателем?

— Нет, Зарг, просветите меня. — Наставник Киммера подобрал с земли меч, прикидывая, как будет им биться.

— Проще, чем вы думаете, — ухмыльнулся Зарг, издевательски поигрывая своим оружием и тем самым поддразнивая сосредоточенного Бирха. — Предать любящее тебя существо. Не важно, кто это: верный конь, преданный пес или женщина, без которой ты не можешь прожить и дня. И тогда светлая сторона твоей души не сможет пережить подобное страдание и отделится от тебя в самостоятельную личность. Магическую основу процесса я, разумеется, опускаю, она вам ни к чему. Но факт остается фактом. Сегодня в моей душе две стороны. Темная, — Зарг ткнул пальцем себя в грудь, отвесив наставнику Киммера шутовской поклон, — и светлая, что долгие годы об этом даже не подозревала. Не правда ли, Бирх?

— Вы бредите, Зарг!

— Мой рассудок здоров, но вы правы, Бирх, в нем не хватает одного фрагмента. Вашего сознания. Вы ведь не помните, Бирх, своего детства, родных и близких, верно?

Молчание было Заргу ответом.

— И попали вы в Элирию в том возрасте, когда беззаботная юность уже отгремела, а старость еще не наступила. Вы можете мне не верить, Бирх, но вы — светлая сторона одного наивного мальчишки, который потерял больше, чем обрел. Когда я с вами покончу, Зарг исчезнет навсегда. — В глазах сарийского мага блеснула решимость. — Кaleb будет на его месте. Начинаем, Бирх! У меня еще много дел там, куда вы больше никогда не вернетесь!

Наставник Киммера лишь пожал плечами и первым пошел в атаку. Зарг ослабил, принимая правила игры и в предвкушении сжимая руками меч. Все слова между магами были сказаны. Теперь мастерство и виртуозность выявит, кто из них покинет Вессергерский лес победителем, а кто навсегда останется в этом гиблом и безжизненном месте...

Впервые Марлоу собственными глазами наблюдал Слияние и не смог понять наверняка, какие чувства он испытывает. Разочарование? Интерес? Безразличие?

Ничего отталкивающего в ритуале Слияния не было. Бирх и Зарг лежали в шаге друг от друга, полностью одетые и расслабленные. Словно уснули, устав от долгого похода, который наконец-

то должен был закончиться.

Лишь истончающаяся фигура Бирха и уплотняющееся тело Зарга выдавали творящийся между ними ритуал, который Алистер собирался прекратить, но пока мешкал.

Троль переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же Марлоу решится отдать приказ. Или, может быть, он передумал?

— Твой тот, что слева, — указал Алистер на Бирха. — Учителем я займусь лично.

Клинок мягко вышел из ножен и так же мягко вошел в тело Зарга. Марлоу не видел, исполняет ли помощник его приказ, да и не стал бы он смотреть на это. Он знал, что троль не посмеет его обмануть.

Что испытывал Алистер в тот момент?

Облегчение.

Он давно вырос из мальчика на побегушках и теперь почувствовал, как за его спиной раскрылись невидимые крылья, что были сложены из-за пристального внимания Зарга ко всему, что он делал.

Мучила ли Марлоу совесть?

Нет.

Учитель сам выбрал свою судьбу, упустив шанс оживить любимую и вписать свое имя в историю магических искусств.

Алистер собственноручно закончит то, что Зарг начал, но с некоторым изменением первоначальной идеи.

Никого оживлять Марлоу не будет. Его с Эмри ничего не связывало. А вот количество энергии, что высвободится при проведении ритуала, ему точно пригодится. Он всегда мечтал увеличить силы, данные ему природой. Почему же не воспользоваться тем, что, можно сказать, само идет к нему в руки?..

Аронгак натужно пыхтел, когда возился с многочисленными узелками и тесемками, но слово свое держал. Обещал убрать ловушки на Кайлу, значит, не будет их больше в лесу. На зверей иверийцы в Ведьминой Чаше не охотились, занимались только рыбалкой. Потребности в мясе они восполняли домашней живностью, что охотно давала еще молоко, яйца, перья и шерсть. Так что никаких убытков иверийцы от затеи вождя не понесли. Спокойней станет в лесу, без страха можно будет отпускать гулять в нем детей и беззаботных девиц на выданье.

Чтобы управиться до обеда, Аронгак взял с собой пяток толковых воинов и на своем примере решил показать, что не стоит чураться никакой работы, даже если ты вождь племени.

Разбирали ловушки молча, труд любит тишину. Лишь пение птиц над головами служило им музыкой да сигналом того, что в лесу все спокойно.

Только смолкло оно. Тихо стало в лесу. И отсутствие звуков наводило на нехорошие мысли.

Кто-то чужой шел по Ведьминой Чаше. И ничего хорошего ждать от него не приходилось.

Аронгак приложил палец к губам, и иверийцы замерли.

В двадцати шагах хрустнула ветка. Потом еще одна и еще одна.

Вождь осторожно пополз к тому месту, откуда раздавался шум, и увидел воинов в черных доспехах.

Много их было, десятка два, не меньше.

Ведущий их пухлый старик в мантии указал на возвышающийся замок и повел свое войско к нему, но не прямой дорогой, а в обход. Вождь сделал вывод, что старик прекрасно ориентируется в лесу и не первый раз здесь.

Аронгак быстро пополз к своим. Надо Кайлу и Киммера предупредить да воинов собирать на

подмогу.

Неспроста туда идет этот человек с таким большим отрядом, ой неспроста!

ГЛАВА 22

— И снова простите меня, уважаемая Кайла! В эту пору мы особенно чувствительны и не можем удерживать внутри себя зверя, что рвется наружу. Кровь требует продолжения рода, а тут...

— ...подходящая самочка, совсем одна, да еще и сопротивляется сильному самцу. Я все понимаю, Дориус, и не держу на вас зла. Я не кисейная барышня, имею представления об отношениях животных во время гона.

Хрусть! Это Киммер разломал в кулаке очередной орех и сейчас начнет его есть. Громко есть. Очень громко есть!

На принца я смотреть избегала.

Проснулась я раньше его. Выбралась из цепких объятий Киммера и отправилась приводить себя в порядок. Не права была Снедька, не больно это. Видимо, когда по любви, то все проходит гладко и нежно. Лишь губы припухшие да взгляд затуманенный кричат о том, что не одна я была этой ночью, не одна...

— Вы нетипичная драконица, Кайла! — сказал мне Дориус. Он лежал укрытый одеялом, а под его спину была подложена подушка. Собрат уверял, что завтра его раны окончательно затянутся. Поживем — увидим! — Те, кто находится с нами в одной стае, не имеют такого грозного вида, как у вас. Нет у них острых гребней и рогов. Все потому, что они живут под защитой, есть кому оберегать их и защищать. А у вас тяжелая судьба была, Кайла. Одинокая. Но когда мы с вами вернемся в стаю, то надобность в столь грозном вооружении отпадет!

Хрусть! Неймется наследнику престола Элирии, не нравится ему Дориус. Вот только почему? Помнит, что ли, события вчерашнего дня и никак не может простить?

— Мы, пожалуй, пойдем, Дориус. — Я напоследок коснулась руки дракона, легонько так, по-сестрински. — Загляну к вам после полудня.

Киммер же ничего не сказал, смерив нашего гостя хмурым оценивающим взглядом, и вышел вслед за мной.

— Ну и что ты устро...

Договорить он мне не дал.

Какая возмутительная наглость! Хватит терзать мои губы! Они после вчерашнего еще болят! Или вы так территорию помечаете, а, ваше высочество?

— Не могу себя сдерживать, любимая. Это выше моих сил, — оторвавшись от меня, прошептал Киммер. — Мой разум застилает пелена, когда я вижу тебя с этой ящерицей. Вы же с ним одного вида, а значит, совместимы, природа там, потомство...

— А ты с принцессой очень даже совместим! Но я же не веду себя как ревнивый орк!

Нехорошо, конечно, что я напомнила принцу про будущую супругу, однако я не видела причины дальше притворяться, что все хорошо. Наша сказка подходит к концу. Пора решать, что делать дальше: перевернуть страницу или закрыть книгу и открыть новую.

— Есть у меня одна идея, любимая...

Мне нравилось, как Киммер произносит слово «любимая», но оно обманчиво, голову дурманит, ясно думать не дает.

— Я надеюсь, что у меня выйдет то, что я задумал. И Элирию с Сарией примирить, и от женитьбы избавиться, и с принцессой расстаться наилучшим образом. Нам лишь надо выбраться отсюда и с магом тем злосчастным покончить. У меня есть мысли на этот счет, а у тебя?

Я кивнула и повела принца в свою спальню. Не для любовных утех, а сугубо в деловых целях. Там нас никто подслушать не сможет. Дориус пока не в состоянии самостоятельно передвигаться, а больше в башне никого и не было. Только мы с Киммером, два союзника, стремящихся покинуть Ведьмину Чашу для обретения новой жизни.

Первым делом я разложила на площади оружие. Пики, алебарды, мечи, копья... все, что нашла в замке. Затем мы с Киммером натаскали сена из бывших конюшен и укрыли оружие сеном, чтобы иметь на случай непредвиденных маневров Марлоу убедительный ответ. Понятное дело, что до того же меча или пики нужно добраться, но бежать в замок за ними не лучший выход из, возможно, тяжелого положения. Гораздо проще иметь под рукой то, что при должном умении может прервать твоему врагу жизнь.

Запомнив места тайников, мы с наследником престола Элирии протоптали дорожки к тюрьме, донжону, башням и хлеву. Пусть Марлоу видит, где нужно ступать, а где лучше с тропы не сходить. А если маг начнет задавать вопросы, как я довела его двор до такого плачевного состояния, то у меня и ответ припасен. Грамотный, как сказал бы Гарконаш.

Уверена, что Марлоу он точно устроит. Знаю я одну его слабость. Не полезет он ее проверять, побоится, как пить дать!

Обед прошел в непривычной тишине. Милика явно что-то чувствовала, но ни о чем не спрашивала. Из всей нашей компании лишь Тихоня не потерял аппетит. Даже Киммер нервничал, изредка бросая задумчивый взгляд на огонь в камине или отбивая маршевый ритм костяшками по столешнице.

— Малышке не место в замке, пока мы все не уладим, — сказал принц, когда Милика ушла с берийскими псами на занятие к Гарконашу. — Отправим ее к Аронгаку, он о ней позаботится, пока мы не избавимся от мага.

— Я соберу ей необходимые вещи на тот случай, если... что-то пойдет не так. — О плохом думать не хотелось, но от Марлоу можно ожидать чего угодно. Да и с колдунами мне биться не приходилось. Как и Киммеру. В этом деле мы с ним новички.

— Тише-тише-тише, любимая. — Принц, успокаивая, обнял меня. — У нас все обязательно получится. Но если что-то пойдет не так... Дай мне слово, Кайла, что ты снимешь это проклятое кольцо с пальца, заберешь Милику у иверийцев и улетишь из Ведьминой Чаши куда глаза глядят. Обещаешь?

— Я тебя не брошу, любимый, что бы ни произошло. — Слова дались мне легко, ведь это была правда. — Я не смогу жить, зная, что оставила тебя на верную погибель. Может, откажемся от этой затеи? Я сниму кольцо, превращусь в дракона, и мы все вместе улетим в Элирию. Твой отец примет нас?

— А куда он денется? — усмехнулся Киммер, целуя меня в губы. — Не выйдет, Кайла, уж очень я хочу потолковать с тем, кто посмел бить мою любимую розгами и плетью. Такое я спустить не могу, как бы сильно тебя ни любил.

А я-то надеялась, что темной ночью принц не увидит шрамы на моей спине. Или они ему открылись на ощупь? Не важно, ведь ничего уже не изменить. От своего прошлого мне никуда не деться.

— Пора Милику собирать в путь-дорогу, — произнесла я, высвобождаясь из рук наследника престола Элирии. — А тебе нужно переодеться в костюм, который был на тебе, когда я тебя похитила. Пусть Марлоу увидит, что ты все это время безвылазно сидел за решеткой. Так у него вопросов будет меньше.

Киммер не стал со мной спорить, поцеловав меня в губы напоследок.

На кровать Милики я складывала те вещи, которые малышке непременно пригодятся. Теплые носки, платье, шаль, чистое белье, платки. Ах, мишку бы не забыть! Иначе девочка точно к иверийцам не поедет.

Положу-ка я его сверху узелка, который крепко привяжу к спине Актера. Не удержится Милика в седле, если будет держаться за грифона только одной рукой. Пусть малышка будет спокойна, а вместе с ней и я. И так переживать начну, когда она с Актером полетит к иверийцам. Надеюсь, что грифон не забыл, где именно обитает племя Аронгака.

Мишку я искала долго. Перерыла весь шкаф, под кровать заглянула, а нашла любимую игрушку Милики на столе, вот разиня! Совсем замоталась, простых вещей не замечаю!

Кинув мишку на кровать, услышала непонятный звон. Словно не игрушку я бросила к остальным вещам малышки, а небольшой мешочек с монетами.

Во мне проснулся интерес, сладко потянулся и захотел проверить, что же мишка в себе прячет. После пережитой Миликой трагедии я не осматривала игрушку, поскольку ребенок с ней не расставался ни на секунду, да и повода у меня попросту не было. А сейчас он появился, и я им воспользуюсь.

Я действовала аккуратно, чтобы мишка не рассыпался у меня в руках на составные части. Истерика малышки мне сегодня абсолютно ни к чему.

Высвободила из мягких недр игрушки нечто металлическое и круглое, на золотой цепочке. Присмотрелась внимательнее и ахнула.

Гарконаш обучал меня многому. Этикету, манерам, умению распознавать нужные травы. Даже астрономии, чтобы я могла ориентироваться по звездам, если собьюсь ночью с пути. И особым пунктом у него шли гербы королевств и символы власти правящих династий. По воле ли Марлоу летающая книга заставляла меня зубрить все это, судить не берусь, но сейчас на моей ладони лежал медальон короля Радой, я была совершенно в этом уверена.

Откуда он у Милики? И так ли просты были бандиты, что вырезали целый караван?

Жаль, у меня нет времени докопаться до сути. Марлоу может нагряться в любой момент.

Дориуса одолевала скука. Вернее, она его победила и уложила на лопатки. Лежал он тут себе, ничего не делал, книжек ему принесли, а читать он не хотел. Ну не было у Дориуса тяги к чтению, не было! Лишь путешествия да красивые девушки вызывали у молодого дракона интерес, остальное так, недостойно ума настоящего мужчины.

А хороша Кайла, хороша! Дориус сразу оценил это соблазнительное тело как в драконьей, так и в человеческой ипостаси. Жаль, что он пока не в состоянии приударить за столь очаровательной особой, но ничего, потерянные сутки роли не играют.

Ходит с ней, правда, какой-то тип, зубами щелкает да на Дориуса волком смотрит, конкурента из себя строит. Смех, да и только!

Кто может быть конкурентом чистокровному дракону? Правильно, никто. Пусть пока этот... как его... А, не важно! Дориусу его имя знать ни к чему!

Эх, надоело лежать, так совсем размякнуть можно, и тогда тот, который ореховую скорлупу руками разламывает, точно Кайлу не отдаст!

Дориус встал с постели и осторожно направился к окну, проверяя, сильна ли еще боль в едва зажившей ране. Ощущения собственного тела дракона устроили, и его шаги стали увереннее и быстрее. К окну Дориус подошел с улыбкой торжества и надеждой, что его испытания на этом сегодня закончатся.

Перед драконом предстал двор. Конкурент закреплял лошадиное седло на спине грифона, а Кайла обнимала маленькую девочку лет семи и явно не хотела ее отпускать. Ребенок же проявлял к драконице схожие чувства, что-то нашептывая ей на ухо. Любитель орехов разговаривал с грифоном, подкрепляя слова жестами, и поглаживал зверя по голове.

Дориус лишь раз встречал подобное создание в небе, но его дядя уверял, что они умные и преданные, и если грифон принял тебя в свой круг, то знай — это на всю жизнь. Лишь смерть оборвет связь, возникшую между летающей кошкой с головой орла и тем, кого она выбрала в друзья.

Наконец малышка наобнималась с Кайлой, и конкурент усадил ее в приготовленное седло, поцеловав на прощанье в пушистую макушку. Грифон оказался парнем не авантюрным, брать разгон для взлета не рискнул. Несколько раз он медленно взмахнул крыльями и оторвался от земли, после чего неспешно начал удаляться.

Подошедшие к Кайле собаки, в которых Дориус узнал берийских псов, завывали так, словно с малышкой они больше не увидятся. Драконица шикнула на них, и вой прекратился.

Дождавшись, когда тишина вновь воцарится в стенах замка, Кайла спрятала среди рассыпанного сена сначала одного берийского пса, затем проделала то же с другим. Конкурент пошел куда-то вниз, а драконица поправила платье и принялась ждать... Но кого? Этого Дориус не знал, и ему ничего не оставалось, как довольствоваться ролью простого

зрителя и ждать.

ГЛАВА 23

— Шестерых поведете вы, Себастьян, через потайной ход. Остальные пойдут со мной через центральный.

— А с чего вы решили, Марлоу, что я буду вам подчиняться?

— С того, что после смерти Зарга бразды правления переходят ко мне, как его правой руке. Если вас что-то не устраивает, то я никого не держу. Вы всегда можете постараться выбраться из Ведьминой Чаши самостоятельно. Вы верите в судьбу и собственные силы, Себастьян?

Начальник стражи короля Сарии чертыхнулся. Возразить ему было нечего.

После того как Зарг и Бирх не пережили Слияние, единственным магом, способным вернуть всех в Сарию, оказался Марлоу. Кристофа Себастьян в расчет не брал. У мальчишки не хватит сил, чтобы сотворить заклинание такого уровня сложности, да и кто поручится, что он перенесет их именно во дворец Филиппа Спокойного, а не на дно морское, чтобы его обитатели были сытыми и довольными?

— Как я объясню королю, что портал есть, а Зарга нет?

— Скажите ему, что он из последних сил открыл портал и умер от заклятия Бирха. Маги могут накладывать заклятия отложенного действия. Именно им поразил Зарга элирийский волшебник, прежде чем уйти в мир иной.

— А что будет с принцессой, принцем и учеником Зарга?

— Со мной все будет хорошо, — осклабился Марлоу, но, увидев, что начальник стражи не разделяет его веселья, быстро прогнал улыбку с лица. — Зарг никаких указаний на их счет мне не давал, поэтому будьте спокойны, они из замка живыми не выйдут. Не волнуйтесь, Себастьян, я свое дело знаю. Ничего от них не останется, даже праха!

На лице начальника стражи было сомнение, но больше он ничего магу не сказал.

Он подошел к Джанарио, который сменил тролля и теперь охранял двоих пленных, снял с пояса пажа флягу и жадно к ней присосался.

— Может... хватит, Себастьян? Там не вода, а у нас еще дел по горло. Думаешь, от тебя пьяного пользы больше будет, чем от трезвого?

— Неспокойно, мне что-то, Джанарио! Страшно мне, а почему — не понимаю. Чувствую, что авантюра Зарга кончится так же плохо, как плохо кончил и он сам.

— Сплюнь! Негоже перед ратным делом покойников вспоминать! — Джанарио даже по сторонам посмотрел, проверяя, не глядит ли на них из темноты потревоженный лесной мертвец. — Может, совесть тебя замучила, жалость к принцессе проснулась?

— Нет, Джанарио, какая совесть? Сроду ее у меня не было! — ухмыльнулся Себастьян, но паж шутку начальника стражи не оценил. — Марлоу придерживается того, что обещал нам Зарг. Для Виарии и Кристофа сегодняшний день — последний! Так что, голубки, — обратился рыцарь к юноше и принцессе, — наслаждайтесь жизнью, пока можете! Скоро ее у вас отнимут, как и у выроodka элирийского, чтобы вам было не так обидно за свою!

— Себастьян, ты не будешь против, если я Виарию... поцелую? — еле слышно прошептал Джанарио, покраснев и потупив взор. — Всегда мечтал узнать, правду ли говорят, что поцелуи у принцесс не такие, как у девок простых.

— Целуй, — разрешил Себастьян пажу Виарии. — Если бы не настоятельная просьба покойного Зарга, ты бы мог с ней покувыркаться напоследок. От нее не убудет, а тебе незабываемые впечатления обеспечены!

Джанарио издевательски расхохотался и поставил принцессу на ноги. Виария возмущенно принялась извиваться, но отвешенный пажом подзатыльник быстро привел ее в чувство.

— Цапнешь меня, мальчишке ногу отрублю. — Джанарио говорил тихо и проникновенно, отчего принцесса тотчас ему поверила. — Его я хоть сейчас могу удавить, он ценности никакой не представляет. Ты же послушная девочка? Хочешь, чтобы он подольше пожил?

Принцесса обреченно кивнула. Джанарио выдернул кляп из ее рта, провел тыльной стороной ладони по мокрой от слез щеке и обратился к Себастьяну, не спускавшему с них любопытного взгляда:

— Можешь отвернуться? Не могу я, когда смотрят на меня вот так, пристально...

Стоило рыцарю исполнить просьбу Джанарио, как паж с яростью коршуна накинулся на беспомощную Виарию. Он терзал ее губы своими, а его руки блуждали по телу принцессы, задерживаясь на наиболее выдающихся местах.

— И как тебя поцелуй? Не ошиблась молва?

— Вранье от первого до последнего слова, Себастьян! — закинув принцессу обратно на лошадь, скривился Джанарио. — Подозреваю, что все короли сговорились друг с дружкой и распускают эти завлекательные слухи. Девки из домов терпимости целуются намно-о-о-го вкуснее, чем эта пигалица!

Себастьян похлопал пажа по плечу и, заметив, что Марлоу колдует, поспешил к нему.

Стоящий напротив замка маг творил волшебство, отчего со дна озера поднимался мост, покрытый черными водорослями и бьющейся в агонии рыбой.

— Смотрю, вы не жалеете резерва на эффектное чародейство, Марлоу. Уверены, что у вас хватит силенок доставить нас в Сарию?

— Не переживайте, Себастьян, хватит! Мальчишку только не трогайте, им я лично займусь. Он мне нужен относительно здоровый, без ран и повреждений. И в сознании, что немаловажно!

— Магию крови практикуете, Марлоу? — Рыцарь с презрением воззрился на мага. — Разве вашей братии за подобное не отрезают ничего... лишнего?

— Я ученик пожирателя, Себастьян, — самодовольно произнес Марлоу. — Для меня нет запрещенной магии! И вы слишком много болтаете. Не пора ли вам выдвигаться к потайному ходу в замок?

Себастьян чертыхнулся и ушел в сопровождении шестерых наемников. Колдун с заметным удовольствием размял напряженные после волшебства пальцы и, подозвав остальных наемников, велел следовать за ним.

Ему не терпелось поставить в истории с драконицей жирную точку.

Вот и настал час, когда ворота замка впервые открылись. За все мое пребывание в Ведьминой Чаше сегодня я впервые убедилась, что они находятся в рабочем состоянии. Видимо, не один Марлоу ко мне пожаловал. Подозреваю, со знатными гостями, которые окончательно и бесповоротно спутали планы нам с Киммером. Или у Марлоу мания величия разыгралась, пока я его не видела в эти долгие и счастливые дни?

Увы, здоровье мага было в полном порядке. Он привел толпу в замок, чтобы показать богатство и роскошь, доставшиеся от родителей, а тут я в обыденном платье и с любимым кастетом. Предупредил бы, что ли... я бы красоту навела... возможно!

— Кайла, девочка моя ненаглядная! — Марлоу засветился при виде меня, и меня охватили смутные подозрения насчет его показушной радости. Неспроста он со мной так ласков, неспроста! — Э-э-э... ты во что превратила мой двор, неблагодарная дрянь!

О, вот это похоже на Марлоу! Узнаю старину-мага, который сейчас с выпученными глазами и искрящимися руками пытается поймать ртом невидимые снежинки.

— Мыши завелись, — доверительным шепотом открыла я секрет захлавленной площади замка. — Вышла я как-то ночью, а эти гады мерзкие по плитам шнырк-шнырк! Полчище целое, чей-то сглаз, похоже. Я капканов наставила да сеном присыпала, чтобы они в ловушки всенепременно угодили! Поэтому идите только по тропинке, за мной след в след.

— А где ты взяла капканы, Кайла? — Марлоу искал подводные камни в моей заготовленной заранее речи, но искры бегать перестали, что радовало. Я на правильном пути.

— В ближайшем городке купила, что к границе леса примыкает, — вдохновенно врала я. —

Такая напасть была, такая напасть... Вы бы видели, какие они жирные, скользкие и противные. Усами шевелят, пищат на своем, мышином, а глазки-бусинки красным светом в темноте отливают... И коготками острыми по плитам так шорк-шорк, аж сердце кровью обливается!..

— Довольно, Кайла, я верю тебе, — представив описанную мной картину, поморщился Марлоу. — Ты отраву додумалась купить в придачу к капканам?

— Обижаете! Разумеется. — Я еле удержалась, чтобы не ударить себя в грудь, словно подчиненный перед вышестоящим чином. — А кого это вы к нам привели?

— Деньги, Кайла, деньги. — Маг так широко развел руки, словно хотел заключить в крепкие объятия всех здесь присутствующих. — Сами к нам пришли, успевай только подставлять мешок. Отправилась принцесса Сарии выручать будущего супруга, да в засаду попала и тем самым выкуп нам в два раза увеличила. За себя и за принца Элирии. Ты можешь поверить, Кайла, что нам так крупно повезло?

— С трудом, но могу! — сказала я, боясь смотреть принцессе в глаза. Мне было стыдно. И противно от себя самой.

Теперь я понимала, что чувствуют любовницы, когда встречаются с обманутыми женами. Пусть Виария всего лишь невеста Киммера, но стыда от этого не меньше. Надо будет попросить прощения, как-то не по-людски у нас с принцем любовь приключилась.

— Ключи, Кайла! — произнес Марлоу и требовательно выставил вперед руку ладонью вверх.

Я достала то, что он требовал, и отдала связку ему. Достала из правого кармана, где лежит подаренной мне дриадой желудь. В левый же я положила непонятно чей зуб, которым наградил меня сарийский маг и который Киммер извлек из моего тела.

Почему я взяла с собой этот странный предмет — загадка. Так, чтобы был. Вдруг пригодится?..

— Вы двое, приведите принца сюда! — приказал Марлоу, и две тени заскользили по тропинке к темнице.

Ну вот и все, финальная черта. Точка невозврата, как любит говорить Гарконаш.

Я готова освободиться от вашего гнета, Марлоу! А вы готовы к битве со мной?

Заполненная площадь Дориусу не нравилась. Кто все эти люди? И почему они выглядят как маленькое войско?

Поначалу дракон решил, что это по его душу пришло столько народу, и приготовился бежать. Однако царившую в башне тишину никто не нарушал, и Дориус успокоился, поняв, что гости пожаловали к Кайле и тому парню с гневным изучающим взглядом.

Кстати, где он? Не выбрался еще из своего укрытия?

Не видно пока...

Странно как-то. Слишком долго те два воина возятся с любителем орехов. Неужели так сложно скрутить вдвоем не шибко сильного мужика? Дориус справился бы с ним в два счета!

Боль в боку отвлекла дракона от наблюдения за тайнами двора в Ведьминой Чаше, заставив его на миг закрыть глаза и выругаться — длинно и витиевато.

Как только напоминание о ране исчезло, Дориус с удивлением заметил, что происходящее на площади кардинально изменилось. Там кипел бой. Превратившаяся в дракона Кайла вытаскивала из доспехов не сумевшего увернуться от ее когтей гостя.

Толстый человек, главный над воинами, пытался поразить драконицу молниями, которые, впрочем, не причиняли ей особого вреда. Но Дориус знал не понаслышке, насколько коварными бывают маги и их заклятия, которые могут продырявить толстую шкуру летающего зверя, если постоянно бить в одну и ту же точку.

Долго Кайла точно не продержится, а помощников у нее сколько? Трое и тот любитель орехов!

А врагов в три раза больше!

Не-э-эт, так дело не пойдет! Надо уравнивать шансы, а лучше их увеличить!

Еще одного дракона не заказывали?

Дориус бросился вниз, перепрыгивая через несколько ступенек сразу. В боку покалывало, но обращать на него внимание ценитель женской красоты не стал. Главное — успеть туда, где все громче звон клинков и не отстающие от них ни на секунду крики умирающих.

ГЛАВА 24

Бирх в изнеможении лежал на покрытой пеплом земле и не мог даже пошевелиться. Силы покинули его. Лишь мелкие ранения напоминали наставнику Киммера о том, что он еще не мертв. Недолго ли? Бирх не знал ответа.

Зарг оказался сильнее его. Искуснее. Хитрее. И расчетливее.

Он играл с элирийским магом, как ребенок с подаренной на день рождения игрушкой, пока она не перестала приносить ему удовольствие. Вдоволь помучив Бирха, Зарг выбил у него из рук меч и огрел гардой по голове. Неспешно обошел поверженного врага, водя смертельным острием над его телом, словно выбирая, куда нанести последний удар.

— Вы были достойным противником, Бирх. — Зарг принял решение и целился элирийскому волшебнику в сердце. — Прощайте!

Наставник принца Элирии закрыл глаза.

Вот и все, пробил его Час Забвения. Жаль, что Киммера спасти так и не удалось... Хорошо, что Трогд Свирепый не станет свидетелем его позора...

Раздался хруст, тело Бирха выгнулось дугой, и он раскрыл рот, чтобы закричать, но ни один звук так и не раздался на пепелище Вессергерского леса.

С глухим стоном рядом с Бирхом упал Зарг. Краем глаза наставник Киммера смог различить лишь затылок предателя.

— Как же... так... как же... так... Алис-тер... не смог... не хочу... Эм-ри...

С каждым словом голос Зарга становился все тише, пока губы его не перестали шевелиться, а тело не дернулось в предсмертной судороге и не затихло, застыв.

Сознание Бирха начало медленно угасать, словно огонек свечи в объятый мраком комнате. Миг — и маг оказался в полной темноте, за которой его ждала новая жизнь.

Я не стала ждать, когда Киммера приведут к Марлоу. Вытащила желудь и спрятала его за подкладкой ошейника. Так надежнее. От одежды останутся одни лоскуты, и где потом искать его, если понадобится? Вряд ли мне удастся найти желудь в сене, да еще и в присутствии недружелюбно настроенных личностей.

Под недовольное сопение Марлоу, ждавшего, когда же вернутся те два посланных за принцем воина, я стянула ненавистное кольцо с пальца, чувствуя, как оно царапает мне кожу, как кровь стекает по фаланге и как свобода побеждает двадцать лет рабства.

С наслаждением отшвырнула фамильную реликвию Марлоу от себя подальше и с улыбкой победителя трансформировалась в дракона. С недавних пор я научилась перевоплощаться очень быстро. Интересно, хозяин замка по достоинству оценит мое умение переходить из одной ипостаси в другую?

Он оценил и даже сумел подготовиться к удару, выставив щит, который с треском разлетелся на невидимые глазу фрагменты.

Волной магии, не выдержавшей такого напора, нас отбросило друг от друга в стороны, и пришедший в себя от моего поступка Марлоу быстро пополз под защиту тех, кого он привел в этот замок.

В меня полетели стрелы. Не только маг опомнился и решил добавить к списку своих трофеев еще и драконью голову.

Не хочу вас расстраивать, ребята, но шкура моя мне самой очень даже нужна, и вам придется хорошенько попотеть, чтобы добыть ее и унести отсюда ноги. Если я пойму, что выхода нет, спалю замок. Зря я, что ли, тут сено разбросала, по-вашему?!

Закрыла глаза тяжелыми веками. С шумом втянула воздух. Уловила запах Киммера, он выбрался из темницы и теперь дрался справа от меня.

Почувствовала флюиды принцессы, которая, к моему удивлению, без дела не сидела,

доказывая наемникам Марлоу, как стоит относиться к хрупкой девушке, наделенной короной и властью.

Помню, что мальчишка с ней был какой-то, но я его не видела в составе делегации, что прогуливалась в саду дворца короля Сарии. Надеюсь, у юнца хватит ума не лезть на рожон и он найдет себе тихое место, где переждет бойню.

Возникшая паника сыграла Джанарио на руку. Когда наемники и тролль, всю дорогу пожиравший пажа плотоядным взглядом, отвлеклись на неизвестно откуда взявшегося дракона, потомок Седьмого Высокородного дома отработанным движением перерезал путы на ногах Виарии и, когда принцесса оказалась в вертикальном положении, вплотную занялся Кристофом.

Принцесса не теряла времени даром. Еще когда Джанарио облапил ее, она почувствовала, что узлы на руках ослабли, а за пояс скользнул маленький кинжальчик, больше напоминающий нож для резки бумаги. Несмотря на свои размеры, это холодное оружие идеально подошло для добычи настоящего оружия.

Секунда — и наемник с перерезанным горлом оседает на плиты.

Еще одна — и его меч в руках принцессы.

Кристоф размял затекшие руки и вызвал легкий ветерок, что сбил с ног нескольких наемников, которых тут же добила Виария с Джанарио.

Паж с принцессой действовали слаженно, словно они давно были в связке и отрабатывали подобные ситуации на тренировочных занятиях.

Для своих целей Марлоу выбрал далеко не глупых воинов, которые быстро смекнули, что, пока они бьются с драконом, их ряды подчищают трое с тыла. Наемники разделились: пятерка лучников во главе с Марлоу занялась исключительно атакующим их шипастым зверем, остальные переключили внимание на принцессу, мальчишку и пажа. Особенно заинтересовался ими тролль, выбрав себе в качестве цели Джанарио, который не понравился ему с самого начала их знакомства.

Чуял что-то помощник Марлоу, и его нюх его не подвел.

Тролль с радостным воплем набросился на пажа принцессы, размахивая своей огромной палицей во все стороны.

Джанарио проявлял чудеса ловкости и балансировки, уворачиваясь от оружия вошедшего в раж помощника хозяина замка, и пытался нанести ответный удар. Пажу удалось провести мечом по выпирающему пузу тролля, слегка оцарапав пристанище жирной еды и вина. Однако на этом успехи Джанарио закончились.

Разозлившийся приспешник Марлоу словно вошел в боевое состояние берсерка, и его палица замелькала с невообразимой для человеческого глаза скоростью.

Джанарио сумел уклониться от нескольких атак тролля, но один мощный удар переломил исход противостояния двух ярких противников.

Не обращая внимания на мясорубку вокруг, помощник мага величаво подошел к пажу, получившему палицей снизу по челюсти. Джанарио лежал на спине, устремив остекленевший взгляд на проплывающие по небу облака. Тролль смачно сплюнул и загоготал, радуясь своей победе.

Его ликование закончилось в тот миг, когда Виария с характерным хрустом вытащила меч из тела очередного наемника и решительно направилась в сторону подписавшего себе смертный приговор тролля.

ГЛАВА 25

Если магический ритуал по какой-либо причине прошел неудачно, то обязательно следует обезопасить себя от любых последствий. В первую очередь уничтожению подлежат объекты, которые не оправдали высокого доверия экспериментаторов и могут нести угрозу здоровью и жизни всех тех, кто непосредственно находился с ними рядом.

Марлоу это правило свято чтит, однако в этот раз он так торопился разделаться с Кайлой и совершить ритуал, что забыл за собой прибраться. А как известно, достаточно одной ошибки, чтобы произошло непоправимое и смело все, что попадет на пути.

Там, где недавно лежали тела Зарга и Бирха, сидела тварь. В ней не было разума магов, и ни единой искры озарения не пробегало в ее черепной коробке, но животные инстинкты собирались взять управление монстром под свой контроль.

Одного звали Голодом. Второй отзывался на имя Мечь.

Первому не важно было кого есть, главное — насытить воющую утробу до отвала. А вот другой был разборчив, ведь жизнь существа началась с боли, и он запомнил запах тех, кто причинил ему столь страшное страдание, ставшее толчком к появлению на свет.

Монстр найдет их и отомстит, смакуя момент долгожданной мести и наслаждаясь их криками и мольбами о пощаде.

Тот, кто был до него раньше, тоже любил вытворять нечто подобное и носил грозное имя Калев — это было единственное, что служило зверю напоминанием о стародавних временах его человеческого прошлого...

Себастьян бежал, но звук его шагов не разносился гулко по тоннелю, что соединял замок и окрестности Ведьминой Чаши. За рыцарем гнались вооруженные до зубов преследователи, и вскоре они схватят начальника стражи и хорошенько поговорят с ним по душам. Как с теми шестью наемниками, что остались лежать на берегу безымянного озера.

К небывалой удаче рыцаря, ведущий к спасению тоннель не имел боковых ответвлений, которые вполне могли закончиться тупиком, и тогда преследователям ничего бы не оставалось, как задавить Себастьяна числом, и участь его оказалась бы незавидной и весьма печальной. Пока что у него был шанс добраться до замка, а там примкнуть к Марлоу и наемникам либо затаиться где-нибудь в подвалах.

Колдун обязан был предупредить Себастьяна о том, что в Ведьминой Чаше живет не только его помощница и жертва, но и племя, которое не настроено вести ни с кем мирный диалог!

Возможно, рыцарь выскажет все обоснованные претензии в лицо Марлоу, который виновен во всех бедах доверенного лица Филиппа Спокойного. Возможно, даже отвесит ему звонкую пощечину, если выберется из тоннеля живым и относительно здоровым. А пока нужно лишь бежать, бежать и бежать...

В дверь, ведущую в подвалы замка, Себастьян, несшийся сломя голову не разбирая дороги, врезался лбом, и это остудило его пыл. Дернув кольцо на двери, рыцарь оказался в цвингере — пустом пространстве между двумя параллельными стенами.

Начальник стражи звучно выругался и в панике принял обстукивать каменную кладку, надеясь, что удача ему снова улыбнется. Нарастающий за спиной шум заставил рыцаря из последних сил удвоить необходимые для спасения старания, и один из камней оценил его рвение, повернувшись в ответ на прикосновение Себастьяна.

Доверенное лицо Филиппа Спокойного оказался во дворе замка, где кровь лилась рекой. Перед глазами Себастьяна предстал дракон, который пробирался к единственному лучнику, что устоял на ногах, а с другой стороны к нему шел ненавистный рыцарю Киммер. Принц переступил через тело наемника с луком, который мгновение назад пускал стрелы в дракона.

Марлоу осыпал летающего монстра разноцветными молниями и пульсарами. По его лицу струилась кровь, маг шатался. Было видно, что его силы на исходе, но сей ценный ресурс терял не только он.

Дракон выглядел неважно. Он прихрамывал и был утыкан стрелами, как диковинное создание

из морских глубин, что еженедельно поставлялось к столу Филиппа Спокойного. Зверь держался лишь на понимании того, что если он сдастся, то уже никогда не поднимется.

Вмешиваться в дела мага и дракона Себастьян не стал. Их противостояние по вине Марлоу зашло слишком далеко. Самовольный старик с иеной у рта утверждал, что девчонка у него на коротком поводке, вот пусть теперь пожинает плоды своей слепоты.

Ряды наемников изрядно поредели.

Мальчишка, что числился в Сарии учеником Зарга, к удивлению Себастьяна, был еще на ногах, скрываясь в стогах сена и нанося несильные, но точные магические удары. Ему помогал в проведении атак берийский пес со шрамом на морде, выпрыгивая из наваленных куч высушенной травы и кусая незадачливых воинов за те места, куда мог дотянуться. Одного из наемников пес даже утанул под стог, и что-то подсказывало рыцарю, что больше он того воина в живых не увидит.

Сложно побороть берийского пса, но задача эта была наемникам по силам. Второй берийский пес попался Себастьяну на пути к принцессе. Он лежал на боку и тяжело дышал, пуская кровавую пену из широко раскрытой пасти.

Начальник стражи замахнулся мечом, дабы страдания пса наконец-то закончились, но передумал, решив, что займется им позже. Пусть еще немного пострадает и будет ждать смерти как награду и избавление от боли.

Когда меч увяз в туше тролля, Виария вытащила кинжал, что ей дал Джанарио, и вонзила его в мясистую шею противника. Она била и кричала, кричала и била, пока не поняла, что виновное в смерти пажка существо уже давно мертво.

Виария выдернула меч и спрятала кинжал за пояс. И встретила взглядом с идущим на нее Себастьяном.

Наконец-то! Она отомстит тому, кто унижил ее, вероломно растоптал ее чувства и отправил на верную погибель. Теперь она не будет его щадить. И он ее, к слову, тоже.

Они схлестнулись — яростная и проворная Виария и рассчитывающий на опыт и силу Себастьян. Они неистово рубились, отдавая себя этому маленькому сражению, что, казалось, шло в другом месте и в другое время, отдельно от противостояния Марлоу и дракона, Кристофа и оставшихся наемников.

Мальчишка с помощью берийского пса успешно отражал атаки измотанных наемников, изредка поглядывая, как обстоят дела у Виарии. Пока что она одерживала верх, но Себастьян недаром носил звание Мастера Мечей, да и выигранных поединков у него было больше, чем у принцессы.

Совершая кувырок, Кристоф нащупал глефу. Неизвестный юноше доброжелатель заботливо укрыл оружие сеном, спрятав его от посторонних глаз, чтобы ученик Зарга нашел его и смог применить в нужный час.

Он не допустит смерти принцессы.

Виария должна жить!

Кристоф неспешно приближался к дерущейся парочке, соблюдая дистанцию с наемниками при помощи изредка выскакивающих из пальцев молний. Ученик Зарга не торопился, ожидая, когда же Себастьян повернется к нему спиной, чтобы окончить его бесславный путь здесь, среди наемников, что были ему под стать. Также за деньги готовы сотворить все что угодно, лишь бы не упустить выгоду и возвыситься над теми, кого ненавидят и презирают.

Пора получить по заслугам за то, что ты сделал, Себастьян! Предателям смерть!

Виария выбила из рук начальника стражи меч и занесла клинок для решающего удара, как вдруг рыцарь упал навзничь. За его спиной стоял Кристоф и вытирал об рукав испачканное лезвие глефы.

Принцесса устало хлопала его по плечу и поспешила к стогам сена, где наемники успешно теснили в угол берийского пса. Кристоф последовал за ней. Такого помощника бросать в беде никак нельзя!

ГЛАВА 26

Все! Больше не могу!

Я упала на жесткие плиты, ощущая их шершавую поверхность, неровности и стыки.

Мое тело меня не слушается, и процесс обратной трансформации запущен. Я не дракон, я Кайла, и я проиграла.

В этой битве Марлоу оказался сильнее, и он не выпустит меня из замка живой.

— Ты не оправдала моих планов, дрянь! — Тычок под ребра, и я прикусываю уже изжеванную до крови губу. — Ты могла послужить великой цели, Кайла, а теперь сдохнешь здесь, как шавка без роду без племени. Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Я с трудом разлепляю глаза и вижу, что Марлоу отошел от меня, а в его ладони формируется синий пульсар. Я вижу, что Киммер убил того лучника и бежит ко мне, но я знаю, что он не успеет, ведь раненая нога не позволит ему быстро сократить расстояние между нами. Я вижу перекошенное от злости лицо мага, который вынес мне окончательный приговор. Я все еще вижу, и я не хочу в мой смертный час смотреть на того, кто меня обыграл.

Я вижу тебя, моя любовь, ты подарил мне это пьянящее чувство, вдохнув в меня жизнь, о которой я и не мечтала. Спасибо тебе за все, Киммер, и будь счастлив с Виарией. Пусть Элирия с Сарией расцветут назло этому хомяку-переростку, возомнившему себя богом. А уж я из Царства Неприкаянных Душ буду за вами следить и наставлять на путь истинный, честно-честно! Слово дракона...

Закрывать глаза и ждать исхода? Нет, я встречу смерть с гордо поднятой головой и презрением, которое Марлоу заслужил в полной мере.

С трудом поднимаюсь с плит двора замка. Меня шатает, колени подгибаются от слабости и усталости.

А пульсар в ладони Марлоу растет и наливается холодным светом безоблачного неба. Маг заводит руку с ним себе за спину. Он готов поразить меня, но медлит, наслаждается ситуацией, своей властью. Можно закончить все быстро, и даже следа не останется, однако удовольствие полагается смаковать.

— Последнее слово, Кайла? — Марлоу нравится его роль, и быстрое прощание с ней его категорически не устраивает. — Просьба? Мольба? Пожелание?

Качаю головой. Пора заканчивать эту сцену. Кое-кто слишком увлекся новым амплуа.

— Твое право, Кайла, твое право... — ухмыляется маг, и его шар увеличивается вдвое.

Марлоу не слышит и не видит, как стекла библиотеки разбиваются и вместе с осколками надают нечто, что отделяется от них и на всех парах несется к нам.

И с силой взрывается в пульсар, отчего тот взрывается раньше времени.

Я вновь оказываюсь на плитах, словно тряпичная кукла, что стала больше неинтересна хозяйке. Может, она меня поднимет? Образумится? Сменит гнев на милость?

Я подожду, ведь это то небольшое, что мне сейчас доступно...

Дориус наконец-то выбрался из башни. Проклятая рана!

Четыре раза он оказывался из-за нее на полу, теряя драгоценные крупички времени. И каждый пройденный шаг считался им за километр, а обжигающий прохладой воздух Ведьминой Чаши — как желанный глоток дядюшкиного вина, которого он обязательно отведает, когда вернется домой вместе с Кайлой.

А кстати, где она?

Дракон осматривал двор замка и не узнавал его. Неужели он так долго спускался и успел лишь к окончанию битвы?

Выходит, что так оно и есть!

Появились новые лица. Воины в странных шлемах, проникшие в замок через пролом в стене. Они разобрались с черными захватчиками, явившимися к Кайле с недобрыми намерениями. А, вот же она!

Рядом с ней крутятся любитель орехов и один из тех рогатых воинов, главный, по всей видимости. Конкурент Дориуса укрыл Кайлу своим плащом, словно ребенка, а с неба падают разорванные кусочки исписанной бумаги, настолько мелкие, что сильно напоминают крупные снежинки, неожиданно принесенные с верхушек гор Ведьминой Чаши.

Воеет берийский пес. Он оплакивает павшего собрата. Мальчишка, что был пленником черных воинов, без опаски подходит к берийскому псу, словно они давние знакомые и хорошо знают друг друга. К горестному собачьему вою добавляется мужской неокрепший голос, что поет песню о великом герое, чей подвиг не будет забыт. И замирают пришедшие на выручку Кайле воины. Замирает конкурент Дориуса, и даже девица с мечом, которая склонилась над телом юноши с раздробленной челюстью.

Лишь дракон не впадает в транс от песни, замечая то, что остальные пока не видят.

Ворота замка открыты, и по мосту движется чудовище, оно словно выходец из радужного сна некроманта и кошмара простого смертного.

Огромное, в полтора раза выше Дориуса, существо будто вылеплено из глины и на скорую руку обожжено в печи. Глаза существа горят странным потусторонним светом, а спина его защищена панцирем с непонятными отростками, что шевелятся при малейшем движении этого опасного хищника.

Выбора не было.

Дориус встал на четвереньки, ощущая, как его человеческое тело переходит в драконью ипостась, а вместе с трансформацией появляются отголоски негодования израненного бока, жалующегося на плохое обращение и то, что его никто не ценит.

Увы, по-другому никак не получится. Уж слишком явно скалит зубы незванный гость. Он пришел сюда полакомиться, вот только кем? Живыми или мертвыми?

Только спрашивать Дориус его не будет, пора отплатить Кайле за ее хорошее отношение к нему. И показать всем, что именно он является единственным достойным претендентом на ее руку и сердце.

Они мертвы. Месть может спать спокойно. А вот голоду неймется, и он берет бразды правления телом на себя.

Ах, сколько здесь вкусного! Сколько лакомств лежит неприкаянными, ешь не хочу!

И этим они Калеба отталкивают. Слишком просто, нет азарта. Нет борьбы и победы. Да и мелкие они, за раз насытиться не получится.

Жаль, что нет кого-нибудь покрупнее... Хотя... почему нет? Вот же он!

Большой и агрессивный, огнем плюется... Ха, да что Калебу его огонь! Он не чувствует боли от ожогов, не ощущает дуновения ветра, что пробирает до костей, только голод ведет его к цели, которая сама вызвалась насытить утробу новорожденного зверя.

Для него нет препятствий, лишь помехи, что вздумали встать у него на пути.

Как тот кусающийся и рычащий зверек, чья участь была решена одним небрежным ударом лапы.

Как отскакивающие от его шкуры непонятные штуки, что продолжают бросать и бросать мелькающие перед глазами двуногие создания.

Как огонь не понимающей своей участи жертвы, которая лишь начинает осознавать свое незавидное положение...

Дориус устремился в небо, уповая на то, что атаки сверху наконец-то произведут на монстра впечатление, как вдруг дракона оплели щупальца и настырно потянули вниз, к тому, кто желал утолить свой голод как можно скорее.

ГЛАВА 27

Пробуждение было быстрым и спонтанным. Раз — и я уже в сознании и пытаюсь понять, что произошло за то время, пока я пребывала в безмятежном царстве, где нет запаха паленого мяса, валяющихся повсюду тел захватчиков и смерти летающей книги...

Гарконаш!

Я вскакиваю и озираюсь по сторонам. Киммер пытается меня удержать, но тщетно. Мое горе сильнее его крепких рук...

Я отчаянно хватаю падающие с неба бумажки, набивая ими карманы плаща до отказа, а вот уже за подкладкой ошейника не остается места. Разве что вытащить оттуда желудь, подаренный мне в сарийском саду.

Дриада говорила, что он мне пригодится.

Интересно, когда же? Может, его время настало?

Дела у Дориуса плохи. На него насела странная тварь, отдаленно напоминающая не менее чудных существ с морских берегов, закованных в панцирь и откладывающих яйца в песок.

А оплетенный щупальцами дракон боролся за право и дальше нервировать своим видом Киммера, но монстр сдавливал его все сильнее, подтягивая к своей бездонной пасти.

Выход был только один.

Почему-то мне вспомнился погибший Марлоу, размазанный по плитам и сему пульсаром, что взорвался раньше намеченного им срока. Подобно злобному магу я встаю перед разбушевавшимся зверем, делаю замах и швыряю в него подарок дриады, который начинает расти в размерах, словно он и есть тот синий смертоносный шар.

Но в отличие от оружия Марлоу желудь не ограничен силами своего создателя, а увеличивается до тех пор, пока не поглощает пришедшего по нашу душу монстра полностью, словно капкан, из которого невозможно выбраться.

Отсеченные конечности и щупальца зверя бьются в агонии, а Дориус жадно дышит, не веря обрушившемуся на него счастью и оглашая Ведьмину Чашу радостным ревом.

Как-то уж слишком громко он орет, аж уши закладывает!

Либо мне здоровьем следует заняться как можно скорее, либо у меня разыгралась паранойя, будто Дориус привлекает внимание того, кого я еще не вижу.

А нет, не паранойя...

Три черные точки над горами Ведьминой Чаши набирают полноту и тяжеловесность, а кто именно решил пожаловать ко мне в гости, мне понятно еще до их прилета в замок.

Здесь становится слишком драконолюдно.

И я не могу сказать, нравится ли мне это или нет.

Казалось, что время остановилось. Движения Киммера, иверийцев, Кристофа и принцессы замедлились. Рев Дориуса становится тише, и издаваемые им звуки доносятся до меня словно через колючий бок Тихони, прежде забиравшегося ко мне на кровать, чтобы будить меня всеми бесчеловечными способами, ведомыми только ему одному.

— Вот и родичи твои пожаловали, дракошка! Рада небось безмерно али от ужаса язык проглотила?

Скрипучий голос, будто несмазанное колесо у старой изношенной телеги. Да и какой он еще будет, если маршировать и декламировать стихи в лунной ночи да выпускать через мундштук черные клубы вонючего дыма?

— «Бунтующая троица»! А разве вы не...

— Эк тебя приложило-то, что аж в глазах троится! — Ведьма выдохнула причудливое кольцо курева, чем-то похожее на расплывчатую петлю. — Я одна тут, сестры к другим ведьмам отправились, наставить их на путь истинный да помочь в час, когда в них наиболее нуждаются, — подняла палец городская легенда, что, по идее, не должна была покидать свои охотничьи угодья. Хотя кто этим призракам указ? Боги? — Я самая старшая, самая опытная, мудрая, скромная и красивая. Зови меня Лютицией, я отвечу на все твои вопросы.

— Я... ведьма? — Из меня льется истеричный смех, словно ручеек, нашедший лазейку в преграждающих ему путь камнях.

— По материнской линии, — подтвердила Лютиция, снова выдыхая отраву неизвестного мне происхождения. — Алисия — потомок древнего рода, имеющего к нам, ведьмам, самое что ни на есть прямое отношение. Ее кровушка и помогла тебе сотворить то первое зелье, разумеется, под нашим с сестрами непо... средственным руководством! Второе ты и без нас, лапушка, сварила. Проснулась, понимаешь, кровушка ведьминская да шалить начала. Не поддалась она драконьему гнету, выжила, поганка, да и помогла тебе в нужный час!

— Так вы следили за мной! — начала закипать я. — Почему ничего мне сказали?! Я же могла сонной травы наесться и усыпить тех прихвостней Марлоу! И жертв было бы меньше... и-и-и...

Тихоня, Гарконаш, Шрам... они могли остаться в живых, если бы эта «самая скромная и мудрая» ведьма появилась раньше и предупредила меня о надвигающейся угрозе.

Ненавижу!

— Ишь какая ты грозная! — не то уважительным, не то издевательским тоном ответила мне Лютиция. — Думаешь, я решаю, когда появляться, а когда нет? Глупышка! Провидения мы слуги, как скажет оно нам, что пора в добрый путь отправляться, так седлаем мы коней небесных да идем исполнять поручение божественное... Да не озирайся ты, про коня я просто так сболтнула, чтоб образ свой подчеркнуть!.. Лучше на псов своих посмотри драгоценных! Не мертвы, они, дракошка, не мертвы!

Я ожидала увидеть Тихоню и Шрама с лаем бегающими по двору, а вместо этого моим глазам предстали зеленоватые ленты, что пузырями уходили в небо из двух тел, которые так и не смогли подняться с плит замка Ведьминой Чашы.

— Два княжича из восточных королевств норов имели непокорный да жизнь чужую не ценили, о своей только пеклись. За что и поплатились наказанием: в зверином облике быть до тех пор, пока не осознают, что есть на свете нечто большее, чем пиры, охота да порча девок, что подвернутся под руку. Их путь в берийской шкуре окончен, дракошка, пора возвращаться им в родные хоромы.

— А Гарконаш? Он тоже?..

— Тут уж ничего не попишешь, дракошка, — развела руками Лютиция, сжимая в зубах дымящий мундштук, который мне тотчас захотелось выбить из ее рта. — Его пребывание в мире подошло к концу. Вместо долгого и постепенного угасания он выбрал единственно верное решение: она спас тебя, дракошка. Спас, потому что любил тебя всеми исписанными страницами книжной души. Не переживай за него, дракошка, он в лучшем из миров. За это я могу поручиться даже мундштуком, а он мне дорог! Разумеется, не как сестры, но все же памятная... вещь!..

— Что будет со мной? — спросила я, осознав, что такие персоны сами по себе не появляются. — Вы ведь неспроста сюда заявились?

— Деловой разговор, дракошка, де-ло-вой! Наконец-то! А то все слезы и нюни ненужные, состарят они тебя раньше срока, и что делать будешь тогда? — Ведьма перестала портить дымом воздух и спрятала мундштук в недрах черного рваного платья. — Поверь старухе ехидной, что прожила на этом свете немало лет. После того, что здесь случилось, для тебя все только начинается. Не руби сплеча, дракошка! Никуда твой принц от тебя не убежит. Прими семью, что прилетела к тебе в Ведьмину Чашу, и не забудь навестить ту, что ни сном ни духом не подозревает о твоём существовании.

— Почему я не могу остаться с Киммером такой, какая я есть? — сдавленно произнесла я, ощупывая ставший неожиданно тяжелым и холодным ошейник.

— А кем ты будешь с ним? Любовницей? И всю жизнь воспитывать детей вдали от отца, как все недалекие вертихвостки поступают? Не, дракошка, не для тебя эта стезя и думать о ней

забуди! Не возьмет Киммер в жены безродную сиротку, тут и к гадалке не ходи! Не даст наследнику престола Элирии папашка его буйный провернуть такое, да и народ не обрадуется подобному союзу. Привык он, понимаешь, чтобы король с королевой были выходцами из высшего света и рода могучего, где ум, честь и достоинство передаются по наследству испокон веков. Али ты боишься, дуреха крылатая, что забудет тебя принц твой ненаглядный да другую голубку себе найдет под крыло? Ох, голова ты бедовая, не о том печалишься! Чувства, что пережили разлуку и остались чистыми и непогрешимыми, ценятся куда дороже, чем те, что не знали долгого расставания. Вон, посмотри на Эмри, раз сомневаешься в моих словах!

Подарившая мне желудь дриада ходила вокруг запечатанного в твердой скорлупе монстра и водила рукой по гладкой поверхности его тюрьмы. Она печально улыбалась и не обращала абсолютно никакого внимания на то, что происходит вокруг нее. Дриада остановилась и поцеловала пристанище зверя, после чего обернулась ко мне и одними губами прошептала:

— Спасибо!

Ее образ медленно поблек и растаял точно так же, как и тела Тихони и Шрама. Без шума и красочных эффектов. Просто и печально...

— Правосудие, что не принесло удовлетворения потерпевшей стороне, можно считать свершившимся? — задумчиво пробормотала Лютиция и, встретившись с моим удивленным взглядом, спросила: — А что ты на меня так уставилась, как эльф на свою нетрезвую супругу? Я, между прочим, личность образованная, читаю много, когда работы нет... А тебе советую в кои-то веки просто плыть по течению и наслаждаться тем, что уготовила судьба. Она ведь далеко не дура, дракошка! Вредная тетка, само собой, но справедливая, ведет, правда, запутанно и долго, но награда в итоге стоит потраченных нервов и сил. Долгое время, Кайла, ты жила только ради других. Так не пора ли пожить теперь ради себя?

Я хотела возразить, но Лютиция исчезла, как и Эмри, оставив меня в раздумьях.

С уходом призраков силки высших существ, что остановили время, исчезли. Разозленная сила несущихся на всех парах событий милосердием к моим метаниям не прониклась, и три дракона готовились приземлиться на площади замка Марлоу...

Кайла переминалась с ноги на ноги, растерянно теребя плащ и не зная, как ей поступить. Киммер пребывал в таком же состоянии. Ему было грустно оттого, что их с драконицей сказка подходит к концу.

— Ну же, Кайла, давай, не бойся. — Наследник престола Элирии легонько подтолкнул любимую к наблюдающим за ними драконам. Зря, что ли, сюда летели эти незваные сыны неба? — Я рядом, Дориус тоже. Если что, в обиду тебя не дадим.

И Кайла пошла. Неуверенными шажками, делая непродолжительные паузы между ними.

Драконы смотрели на нее и не шевелились. Кроме одного, старшего и матерого, отдаленно напоминающего Кайлу в звериной ипостаси.

Он двигался плавно и неспешно, не давая ни малейшего повода для паники и сомнений в благочестивости его помыслов. Остальные были все так же неподвижны, но от Киммера не укрылась их готовность прийти на помощь парламентарю, если что-то пойдет не так.

Кайла замерла и выставила вперед руку ладонью вперед. В знак приветствия, в знак доверия.

Не так, как при встрече с Актером. Ее глаза открыты, и в них больше нет страха.

— Я и подумать не мог, что она родственница Мориуса! — сказал Дориус. В человеческом облике он выглядел слегка потрепанным, но неизмеримо счастливым. Выжил! Будет что внукам в старости рассказать! — Он из своей пещеры редко выходит. На охоту да на поиски заплутавших драконов. Не хочет старик, чтобы кто-то из нашего племени повторил судьбу его сына, вот и увязался за моим дядюшкой следом. Я же еще маленький по драконьим меркам, не могу пока в одиночку покидать родные скалы, а так хочется, что сил нет терпеть!

— А когда можно будет? — Киммер спрашивал не из праздного любопытства. Ему нужно было знать, когда любимая к нему снова вернется.

— Когда девятнадцать зим пройдет, — шмыгнул носом начинавший замерзать Дориус,

поглядывая по сторонам, где бы раздобыть хоть какую-нибудь одежду. — Мне еще год ждать, а Кайле хорошо, она уже может путешествовать!

— Какие у вас законы, Дориус? Ей будет тяжело... если она станет жить с остальными драконами?

— Ничего страшного в нашей общинной жизни нет, — произнес Дориус, наблюдая попутно за обменом любезностей между Мориусом и Кайлой. — Захочет — замуж выйдет, детей родит, а нет — неволить ее никто не станет. У нас девочек рождается больше, чем мальчиков, поэтому никаких обязанностей по продолжению рода на Кайлу не возложат. А вот в дружину, что защищает земли, думаю, позовут. Вид у нее грозный и устрашающий, умений только не хватает, но это дело поправимое. Пара занятий и...

Киммер не стал дальше слушать молодого дракона, устремившись навстречу Кайле, которая перестала обнимать Мориуса и теперь искала глазами принца, чтобы сказать то, что наследник престола Элирии и так знал.

Не давая любимой и рта раскрыть, Киммер привлек к себе несопротивляющуюся драконицу и поцеловал долгим требовательным поцелуем, словно ставя на ней защитную печать от всех, кто надумает покуситься на честь похитительницы его сердца.

— Тебе нужно лететь с ними, любимая. — Эти слова дались принцу нелегко, но по-другому он поступить не мог. Лишить Кайлу новообретенной семьи — подлый и низкий поступок, которого она ему не простит. Как и он себе, если поступит так. — Познакомишься с родными, развеешься, отдохнешь, а потом прилетишь ко мне... если захочешь. О Милике не беспокойся, я о ней позабочусь. И об Актере не забуду, само собой. — Видя сомнения Кайлы, Киммер прижал ее крепче, шепча на ухо: — Я люблю тебя, моя драконица, и отпускаю тебя, чтобы ты увидела мир, что лежит теперь перед тобой. И я буду ждать тебя, моя любимая, в Элирии, в стране, которую я не могу покинуть, пока не верну ей то, что у нее отняли. Не думай, что мне легко тебя отпустить, мне словно вырывают острыми когтями сердце, но я понимаю, что так будет лучше для меня, для тебя, для нас. Лети, моя любимая, и помни, что я буду ждать тебя, сколько бы времени ни занял твой обратный полет ко мне.

Глядя на удаляющиеся силуэты пяти драконов, Киммер ощутил, как пронзительная тоска обживает глубоко внутри, устраиваясь поудобней и располагаясь со всем возможным комфортом, будто жить в этих условиях она собиралась долго и припеваючи.

Подошедший Аронгак сочувственно похлопал принца по плечу, делясь тем немногим, чем мог помочь наследнику престола Элирии в сложившейся ситуации.

Улыбнувшись краем рта равнодушному другу, Киммер тяжело вздохнул и пошел к принцессе, решив, что все неприятные разговоры он закончит сегодня.

— Я бы ему не поверила, — сказала Виария приблизившемуся к ней принцу, сидя перед телом пажы и поправляя его непослушные волосы, словно заботливая мама уснувшего вечным сном сыночку. — Не поверила бы, расскажи он мне о заговоре. Себастьяну я доверяла безоговорочно, а Заргу, несмотря на его поступки, больше, чем Джанарио... Вот он и пошел на предательство, чтобы защитить меня от них, принять удар на себя. Знаете, как я об этом узнала, Киммер? — Принцесса перевела взгляд на наследника престола Элирии, и в ее глазах принц увидел только пустоту. — Он выводил признание на моей спине, пока нас с Кристофом везли на бойню в этот чертов замок!..

— Принцесса... Виария... — Киммер сел рядом с дочерью Филиппа Спокойного и осторожно заключил ее холодную ладонь в свои теплые руки. — Нам нужно решить, что будет с нами дальше. Наш брак ради Сарии и Элирии...

— Я не выйду за вас замуж, принц! — перебила его Виария, в ее глазах сверкнула ярость и непоколебимая уверенность в своей правоте. — Я не свяжу свою жизнь с предателем, а вы именно он и есть! Вы предали свою любовь, дали ей улететь и не стали за нее бороться! Лишь потому, что мы проливали вместе кровь, я готова выслушать ваши предложения насчет мира между нашими странами, но, чтобы выйти за вас замуж... нет, не бывать этому!

— Тогда... прольем ее еще раз? — Гневная речь принцессы Киммера не впечатлила. — Вы же не будете отрицать, Виария, что для мира между Сарией и Элирией нужно нечто большее, чем два нетленных пергамента с заверениями и клятвами. Династический брак с последующим рождением ребенка был бы лучшим гарантом дружеских отношений между нашими странами, чем то, что я вам предложу. Но это единственный выход для нас двоих, чтобы не лгать перед алтарем и потом тихо ненавидеть друг друга. Одно племя в Ведьминой Чаше проводит ритуал,

после которого двое становятся близкими и едиными, словно брат и сестра. Они могут создавать семьи с другими, но никогда не причинят зла друг другу, иначе боги покарают их за нарушение клятвы. Это шанс для нас с вами, Виария! Шанс встретить свою настоящую любовь, найти тех, кому мы важны без титула и власти, подарив долгожданный мир нашим королевствам. Мы с вами единственные наследники своих отцов, наши страны ослаблены войной и потерями. Наши народы примут такой исход многолетней вражды как благо и знак всемогущих богов, только прошу вас, Виария, поверьте мне и примите мою сторону! Ведь одному «предателю» вы смогли довериться и остались в живых, а сейчас пришло время повторить рискованный шаг. Вы со мной, принцесса?

Не было долгих раздумий, ненужных метаний. Один кивок Виарии поставил точку в давней вражде между элирийцами и сарийцами.

Предстояло еще поговорить с Аронгаком о проведении столь необходимого ритуала, однако кое-что требовало неукоснительного внимания принца сию же секунду. Киммер, пообещав принцессе к ней вернуться в ближайшее время, подошел к дверям хлева, где отсыпался после совместного с Кайлой и наследником престола Элирии путешествия за ингредиентами птенец по имени Чудо.

Три месяца спустя

— Я же поступил правильно, правильно! Но почему же мне так плохо, боги, почему?!

Во дворец Трогда Свирепого пожаловала делегация из Аскории для налаживания отношений между двумя государствами. По правилам хорошего тона на переговорах вместе с королем Элирии должен был присутствовать и принц Киммер Кроткий, но он упорно избегал встреч и до сих пор не был представлен высоким гостям.

Подобное поведение вызывало у Трогда Свирепого желание взяться за воспитание сына при помощи розги. Вот только после заключения мира между Сарией и Элирией Киммер в глазах его народа приобрел статус молодого бога, сумевшего сделать то, что другим оказалось не по силам. Да и в остальном в поведении принца не было ничего такого, за что можно было его осудить: он ездил по стране, проводил реформы и старался сделать жизнь простых людей лучше. Ах, если бы он не прятался от благородных особ, то и дело приезжавших в Элирию для установления взаимовыгодных отношений, то цены бы Киммеру не было. Но Трогд Свирепый понимал причину такой нелюбимости своего сына, и лишь одно лекарство в мире могло помочь принцу.

Время.

Или та, которая стала причиной всего, что происходит с принцем сейчас.

— Страдаете? — Голос помолодевшего Бирха не испугал Киммера, кидающего камешки в зеркальную гладь небольшого озера, что расположилось под защитой длинноволосой ивы во дворце Трогда Свирепого. — Еще не надоело, принц?

— Увлекательное занятие, Бирх, как оно может мне надоест? — вымученно поприветствовал наследник престола Элирии того самого колдуна, что вылез из разросшегося желудя, как птенец из яйца. Волшебнику повезло, что его не убили находящиеся рядом с его тюрьмой иверийцы и не задушили в объятиях Киммер, Виария и Кристоф, иначе они не смогли бы покинуть Ведьмину Чашу, в которую принц возвращался во сне каждую ночь. Неужели это никогда для него не закончится? — Ты же знаешь, что, если бы мог, я бы прекратил заниматься этим ненужным делом, но я не могу, оно сильнее меня, да еще этот запах Кайлы, что проник во дворец... Откуда он здесь, Бирх, откуда?!

— Вам не помешало бы развеяться, принц. Не желаете посетить любое государство на ваш выбор? После Слияния мои возможности возросли в несколько раз. Хочу узнать, есть ли у них предел.

— Есть, Бирх, у всех он есть. — Киммер забросил последний камешек в озеро и обреченно посмотрел по сторонам. Увы, метательные орудия закончились. Придется искать новое место и новое занятие, пока гости из Аскории не покинут дворец Трогда Свирепого. — Ты сможешь переместить меня в Ведьмину Чашу? Тогда в Сарии ты перенес нас, особо не израсходовав резерв, а сейчас я один и... компанию мне составлять не надо.

— Думаю, что смогу, мой принц! Вы сегодня хотите туда сбежать?

— Нет, дождусь, когда аскорийцы уедут к себе домой, — поморщившись, сказал Киммер и побрел от озера прочь. — Пора мне перестать прятаться от них, да и от всех, кто пожалует к нам с дружеским визитом. Я сумею справиться с кокетством смазливых девиц и не выйти из себя при этом... Как думаешь, Бирх, у меня получится... жить дальше?

— А как же, принц, вы не первый и не последний, кто задыхался в сетях любви...

Киммер бродил по аллеям дворцового парка, вспоминая, как впервые оказался здесь, в вотчине отца, как стремился сбежать в родной теплый дом, где был привычный уклад и мама, у которой он все так же гостил каждую неделю. И по ее грустному лицу понимал, что она скучала и ждала его появления и в снег, и в дождь, и в грозу, бедняжка... Может, удастся уговорить ее перебраться в замок? Только кто убедит Трогда Свирепого забыть обиды и начать все с чистого листа?

— Ну здравствуй, Киммер!

Принц обернулся и увидел перед собой принцессу Аскории — светловолосую красивую девушку с голубыми глазами, в чьем облике смутно проглядывалось что-то знакомое, вот только что?..

— Мое почтение, принцесса Амелия! Как вам наш дворец? Вас все устраивает?

— Меня не устраивает, Киммер, что ты обращаешься ко мне на «вы»! А похудел как, сунулся... Тебя не кормят здесь, что ли?! Надо тебя полечить!

И прежде чем принц что-то смог ответить в оправдание своей худобы, его обняли.

Наследник престола Элирии опешил, не зная, что ему делать в столь интимный момент. На его честь покушались самым вопиющим образом, а он был против... или нет?

— Обними же меня, дурачок! Ты же сам говорил, что объятия — лучшее лекарство... Или я не нравлюсь тебе такая, светловолосая и голубоглазая, без шрамов и ошейника?..

— Не может быть... Кайла! — Киммер судорожно сжал трепещущее женское тело и вдохнул желанный аромат, что не изменился после смены облика неугомонной драконицы. — Моя любимая, ты пришла!

— А ты, любимый, думал, что легко от меня отделался? Ага, как же! — Кайла рассмеялась, глядя на посветлевшее лицо наследника престола Элирии. — Только не сжимай меня так сильно, а то выдавишь из меня кое-кого раньше срока! Ким-мер! Поставь! Поставь меня на место! Сейчас же! Надорвешься!

Но принц не слушал мольбы Кайлы, которую он бережно нес на руках во дворец Трогда Свирепого. Он собирался просить руки той единственной, которую больше никогда не отпустит...

ГЛАВА 28

Восемнадцать лет спустя

Аронгак устал ждать. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу, бросая многозначительный взгляд на то место, откуда вот-вот должны были открыться двери портала из Элирии в Ведьмину Чашу и появиться его старые добрые друзья, которых он не видел с прошлого лета. Кайлу и Киммера вождь иверийцев был рад видеть всегда.

Ветер закружил листья, попутно задев ледяной дланью неприкрытое лицо Аронгака, заставив того поморщиться и потереть щеку теплой перчаткой. Когда же вождь иверийцев вновь перевел свой взгляд на поляну, то его сердце забилося сильнее, а на губах расцвела улыбка.

Наконец-то! Пришли!

На поляне стало заметно оживленнее. Киммер в письме к старому другу предупредил, что явится со всем семейством, чтобы познакомить Аронгака с детьми, от которых (и от государственных дел в частности!) правители Элирии изредка прятались в Ведьминой Чаше, предаваясь воспоминаниям и отдыхая душой и телом.

А над Киммером время, казалось, было не властно. Как и над Кайлой, или Амелией, как величали ее в родном государстве. Сама драконица не сильно жаловала новое имя, настояв на том, чтобы Аронгак называл ее как в те времена, когда они познакомились.

— А вы не меняетесь, правители Элирии. — Аронгак неспешно подошел к друзьям, пожав руку Киммеру и крепко обняв Кайлу. — Видимо, Бирху удалось создать эликсир долголетия?

— Нет, но я над этим работаю! — не остался в долгу упомянутый маг, и вождь иверийцев понял, кто именно учил Киммера так сильно обниматься.

— Лучше бы над продолжением рода работал, а не магические опыты ставил! — с улыбкой произнес Киммер, прижимая к себе Кайлу.

Все эти годы он старался никуда не отпускать от себя свою любимую драконицу, и пока это у него неплохо получалось.

— Успеется, — беззаботно сказал Бирх, взъерошив и без того непослушные лохмы младшего сына Киммера и Кайлы.

Тот лишь тяжело вздохнул и надул губы, ясно давая понять: подобное с его волосами пожилой маг делает не в первый раз.

Аронгак усмехнулся, разглядывая детишек правителей Элирии и удивляясь, как природа распределила лучшее в Киммере и Кайле в их отпрысках, добавив поровну от каждого из родителей, чтобы никому из них не было обидно.

Вождя иверийцев сразу покорила младшенькая, с хитринкой в глазах и с пушистиком на плече — одним из многочисленных птенцов Чуда, покинувшего этот мир в прошлом году.

Девочка изучающе осмотрела Аронгака, улыбаясь верному другу родителей, и, схватив вихрастого брата-близнеца за рукав камзола, повела его знакомиться с вождем иверийцев поближе.

— Я Полли, а это Салливан, — представила себя и брата принцесса, протягивая ладошку опустившемуся перед ней на одно колено Аронгаку.

— Очень приятно, ваше высочество! — сказал вождь иверийцев, важно пожимая хрупкую детскую ладошку. — А как зовут вашего спутника, миледи?

— Сиятельный. — Полли почесала пушистика под шейкой, наслаждаясь его довольным попискиванием. — Его перья красиво переливаются, как... как...

— Как радуга в солнечный день после сильного шквального дождя. — Старшие дети Киммера и Кайлы решили не оставаться в стороне от знакомства с тем, про кого с такой теплотой рассказывали их мама и папа. — Здравствуйте, дядюшка Аронгак!

— И вам не терять душевного здоровья! — Вождь иверийцев усадил себе на плечи радостно

взвизгнувших близнецов, оказавшихся вровень со старшими детьми элирийских правителей.

Недовольный такими действиями Аронгака Сиятельный обиженно пискнул и переместился на плечо Кайлы, с улыбкой наблюдающей за происходящим.

Чем бы дети ни тешились, лишь бы ничего не разрушали и не плакали.

Последнее было страшнее, чем тысячи разбитых ваз, исписанных стен и порванных штор!

— Ваши мама и пана мне много о вас рассказывали, Фрогд и Валери, но не говорили о том, какие вы стали взрослые и красивые.

— Ты льстишь моим гадким утятам, Аронгак, — сказала Кайла, зябко поежившись. — Как замок поживает, стоит ли на месте? Не остались ли от него руины, пока нас не было здесь?

— Стоит себе целехонький да вас, долгожданных гостей, ожидает, — ответил иверийский вождь, верно уловив желание супруги Киммера проследовать в теплые покои замка.

Погода в Ведьминой Чаше не располагала к долгим беседам на свежем воздухе, намекая, что разговоры стоит вести у камина, с чашечкой чего-нибудь согревающего. А если компания подобралась хорошая, то бежать, бежать нужно к удобным креслам и душевным беседам.

— Ты даже не представляешь себе, Кайла, как я волнуюсь! — Милика ходила туда-сюда в белоснежной сорочке и пышной нижней юбке, а мои глаза просили прекратить вызывающее боль мельтешение.

Сама такой же была, ничего не попишешь. Придется ждать, когда церемония соединения двух сердец закончится и одной счастливой парой на свете станет больше.

— Представляю, — уверенно сказала я, закинув ногу на ногу. — Будешь яблочко?

— Не буду. — Милика перестала ходить по комнате и возмущенно уперла руки в боки. — И как ты можешь есть в такой день!

— Могу и тебе советую. Иначе упадешь в голодный обморок прямо во время церемонии и опозоришься. И не думай, что я забуду такое. При каждой встрече буду тебе об этом напоминать, даю честное королевское слово.

— Злюка ты, — примирительно сказала Милика, убирая непослушную челку со лба. — Давай сюда свое яблоко... А ничего другого нет?

— Есть, но твой наряд не позволяет мне предложить тебе что-то кроме яблока. Вот когда закончим примерку, накормлю тебя должным образом. Где швеи и модистка? Сбежали?

— Я их в жаб превратила, — покаялась Милика, смущенно потупившись, как в детстве после совершенных ею шалостей. — Они меня взбесили, и я... не сдержалась.

— Рада за твою несдержанность, однако без них мы не успеем к положенному сроку и кто-то останется без мужа, — ехидно сказала я, ища взглядом зеленых бородавчатых существ и прислушиваясь к малейшему шороху.

Увы, но, кроме нас двоих, в этой комнате никого не было.

— Они здесь. — Милика открыла неприметную коробку, внутри которой сладко спало штук восемь обитательниц болот. — Я их усыпила, чтобы под ногами не путались.

— А теперь расколдовывай их и буди. Я ведьма, если ты помнишь. Моих сил на такое не хватит.

Тяжело вздохнув, Милика принялась за дело.

Я любовалась светящимися разноцветными искорками, что возникали у нее между пальцами, когда она творила волшебство. Все-таки диплом магической академии моей девочке достался не за красивые глаза. Хотя кого я обманываю: и за красивые глаза тоже!

Как и ожидалось, модистке и швеям не особо понравилось пребывать в лягушачьей шкуре, что вылилось в бурные крики, стенания и причитания, когда им вернули истинный облик. А еще пришлось увеличить вознаграждение за их работу.

Я не стала вмешиваться в дела Милики и готовящих ее к свадьбе женщин и поспешила уйти. Выйдя в коридор, я почувствовала умопомрачительный запах кулинарных изысков Киммера и со всех ног устремилась на кухню, ведомая любовью и голодом.

Перепрыгивая через ступеньки лестницы, я не удержалась и решила вспомнить лихую молодость: уселась на перила и спустилась таким образом вниз. И тут же угодила в объятия черноволосого мужчины со шрамом на лице.

— М-да, Кайла, такого я от тебя не ожидал. — Стоящий рядом с моим «спасителем» седовласый красавчик укоризненно поцокал языком. — Не для того мы проливали свою кровь, чтобы ты так бездарно погибла и оставила в вечной печали мужа и четверых детей! И о чем ты только думала?

— О том, что увижу вас вновь, князь Милослав. И вас, князь Всеслав!

— Зачем же так официально, сударыня. — Седовласый подошел ко мне и, не удержавшись, легонько щелкнул меня по носу. — Зовите меня Тихоней, а моего брата — Шрамом. Нам так привычнее!

Всеслав подтвердил слова старшего князя довольным смешком, тяжело подышав мне в ухо, как это когда-то делал один берийский пес.

Я фыркнула и предприняла попытку вырваться из-под опеки Шрама-Милослава, которая ожидаемо провалилась: Тихоня-Всеслав решил помочь брату, и выбраться из двойного кольца оцепления у меня не получилось.

— Кхе-кхе! — раздалось возмущенное покашливание, и нашему братанию пришел конец.

Супруг окинул недовольным взглядом меня и братьев, всем своим видом давая понять, что подобное поведение давно не видевшей друг друга тройцы он спускает в первый и последний раз.

— Рад видеть вас в полном здравии, князья! — прервал затянувшееся молчание Киммер, пожав руку сначала Всеславу, а потом и Милославу.

— И мы рады вашему появлению здесь, уважаемый правитель Элирии! — поприветствовал моего супруга младший князь.

Старший же величаво кивнул, подтверждая его слова.

— Мы хотели бы обсудить церемонию вручения подарков, Киммер. А также торговые отношения между нашими государствами, если вы не против, разумеется.

— Я не против, Милослав. И хотел предложить вам то же самое, но вы меня опередили. — Киммер усмехнулся. — Предлагаю пройти в одну из комнат второго этажа. Библиотека сейчас занята.

— Кем? — удивилась я.

— Бирхом и Кристофом. Обсуждают свои магические дела.

— Сарийцы прибыли в полном составе?

— Да, Всеслав. Кристоф, Виария и ее муж прибыли полчаса назад.

— И чем королева Сарии занимается в данную минуту? — поинтересовалась я, невольно напрягаясь.

Виария ничего плохого мне не сделала. За те годы, что минули после смерти Марлоу, отношения между Элирией и Сарией только укреплялись, за что стоит сказать отдельное спасибо политике дочери Филиппа Спокойного и ее супруга, ставшего ей опорой и поддержкой во всем. И та любовь, что царила между Виарией и ее избранником, была видна невооруженным глазом, но все равно я не жаловала присутствие этой женщины рядом с моим мужчиной.

Он мой, и только мой! Точка!

Снедька сказала бы, что я ревную без повода, и была бы права. Как и всегда.

— Виария приводит себя в порядок. Кристоф неудачно открыл портал, и наши сарийские друзья незапланированно приняли водные процедуры. — Смешинки в глазах Киммера оказались заразительными. Наша троица не выдержала и расхохоталась. — Они выйдут к обеду. Ты подождешь их или поешь сейчас?

— И сейчас, и с ними, — честно ответила я и скрепя сердце предложила любимому пригласить на переговоры еще и Виарию, имевшую свои интересы в восточных княжествах.

Мужчины задумались над моими словами, а я поспешила на кухню, ведь доносящийся из нее аромат омлета был неумолим: настала пора утолить голод и узнать, научились ли наши с Киммером дети готовить так же великолепно, как их отец!

— Иногда меня одолевают странные мысли, Бирх. — Кристоф задумчиво смотрел в окно, наблюдая за суетящимися во дворе замка иверийцами. — Мне хочется узнать все тайны, что унес с собой в могилу Зарг. И дело не только в его познаниях в области магии, хотя, не скрою, они мне безумно интересны. Меня больше занимают его теневые дела, поскольку я сомневаюсь, что маг действовал против Сарии в одиночку.

— Он был не один, Кристоф, — сказал наставник Киммера, поглядывая на собирающих свадебный помост соплеменников Аронгака.

Вождь гордого племени ясно дал понять: из посторонних в замке он потерпит только модистку и швейных дел мастериц для Милики. Остальным ход заказан!

— Во сне ко мне приходят его воспоминания и наши общие, когда мы были единым целым. — Бирх говорил спокойно и медленно, словно рассказывал об обыденных вещах, которые могут произойти с каждым. — Я видел того, кто сделал его таким и направил на «истинный» путь. Виновного в том, что происходило в этом мире на протяжении как минимум тридцати пяти лет. Он все еще жив, Кристоф, и безнаказанно творит зло. И мы ничего не можем с этим поделать, мой друг, ни-че-го.

— Разве мы настолько слабы? — удивился маг Сарии, с недоумением поглядывая на наставника Киммера.

— У него очень много последователей и тех, кто служит ему верой и правдой. — Бирх отстукивал по подоконнику подобие марша, и ритм был трагическим. — Я до сих пор не могу понять, зачем он так поступает. Меняет границы государств, вырезает целые народы, меняет лица как перчатки. Такое чувство, что для него происходящее — игра, и только. Не понимаю я его...

— Почему ты говоришь мне об этом лишь сейчас, Бирх? — Кристоф недовольно уставился на элирийского мага, словно от одного его взгляда тот должен был вмиг покаяться во всех своих смертных грехах.

— Потому, что устал нести эту ношу в одиночку, — сказал наставник Киммера, вытаскивая из-за пазухи пухлый сверток из желтоватой бумаги. — И постоянно бояться удара того, кто не простил нам разрушения его планов по развязыванию войны между Сарией и Элирией. Он ничего не забыл, Кристоф: еще не пришло время для ответного удара. У него много дел и забот помимо нас. Добро просыпается, мой друг, и Д'хартэ — так его называл Зарг — приходится менять свои замыслы, подстраиваясь под то, чего он не в силах предотвратить...

— Есть еще причина, почему я впервые слышу о Д'хартэ сегодня, не так ли, Бирх?

— Да, Кристоф, ты как всегда мыслишь в правильном направлении. Мой закат близок, и я чувствую, что в скором времени покину бранный мир, и тебе придется самому разбираться с тем, что грядет. Будет битва, Кристоф, и ты должен быть к ней готов. Следи за нашими друзьями, оберегай их и примечай тех, кто может оказаться на противоположной стороне. Такие найдутся, мой друг, обязательно. Они уже среди нас.

— Ты поэтому не стал обременять себя... женским обществом? Предчувствовал, что время на исходе?

— Я не встретил ту, которую смог бы полюбить так же сильно, как правительницу Вессергерского леса, нашу с Заргом любовь на двоих. Раньше я недоумевал, почему те дамы, с которыми я общаюсь, — Бирх заговорщически подмигнул Кристофу, словно открывал ему самый главный секрет, — оставляют меня равнодушным и не вызывают абсолютно никакого желания связать с ними свою судьбу. После Слияния я понял: старая любовь никуда не делась и не позволит мне ее забыть. А пытаться предать ее ради сомнительного удовольствия... Это

подобно попытке заглушить вкус вина многолетней выдержки дешевым пойлом: разница сразу видна. Да и удовольствия нет, только сам процесс...

— Что в свертке? — попытался сменить тему Кристоф.

— Мои наработки и знания Зарга. То, что поможет тебе в грядущей войне, мой друг. — Бирх передал ученику пожирателя свертки, и Кристоф с удивлением ощутил его тяжесть.

Хлопнула дверь, и по библиотеке разнесся запах женских духов. Кристоф быстро засунул свертку за пазуху и сделал вид, будто разговора с элирийским магом не было и в помине.

— Каналья! Как она меня достала! — Худошавая девушка резким движением уселась в кресло и закинула ногу на ногу. Достала мундштук и приготовилась затянуться во все легкие, но, увидев двух мужчин, заметно стушевалась и решила сбежать, буркнув: — Извините, я думала, что здесь никого нет.

Не получилось.

— Оставайтесь, госпожа Флэтчер, а я, пожалуй, пойду. Стоит поприветствовать наших новых гостей. — Бирх встал и вышел из библиотеки.

Кристоф заинтересовался тем, что вынудило элирийского мага покинуть его любимое место в замке Марлоу.

На площади появился Дориус в драконьей ипостаси и принялся красоваться перед публикой, выпуская столбы пламени и периодически издавая громкий рык, впрочем не заглушающий восторженные вопли ребятни.

На Кристофа подобное представление не произвело абсолютно никакого впечатления. А вот госпожа Флэтчер произвела, и маг с удивлением ощущал странное чувство, которое росло в нем и набирало силу, стоило ему только посмотреть на модистку, разрушившую его представление о той, кто заберет его сердце.

— Вас кто-то обидел, госпожа Флэтчер? — Сарийский маг осторожно приблизился к даме, словно к опасному зверю, могущему укусить и от которого неизвестно чего ожидать.

— Можно и так сказать, господин Кристоф. — Модистка устало откинулась на спинку кресла и закрыла глаза, словно ища покой внутри себя.

Не нашла.

— Вы расскажете мне, что вас гложет? — Кристоф опустил перед ней на корточки, рассматривая ее лицо на непозволительно близком расстоянии. В приличном обществе такое поведение недопустимо, но кто сказал, что маг считал себя достойным находиться в нем? — Обещаю, что никому ничего не скажу. На меня можно положиться!

Модистка тяжело вздохнула, открыла глаза и, не удержавшись, фыркнула, одарив сарийского мага белоснежной улыбкой.

— Вы смущаете меня, господин Кристоф. Не могли бы вы... увеличить дистанцию между нами?

Тяжело вздохнув, ученик Зарга подчинился.

— Спасибо за понимание. — Госпожа Флэтчер подмигнула Кристофу, и тот почувствовал, что краснеет. Какая досада! — Меня расстроила моя клиентка, наследная принцесса Радой. Мне не нравится, когда меня и моих швей превращают в лягушек. Вдруг у меня останутся бородавки на всю жизнь? Такое возможно, господин Кристоф?

— Не думаю, госпожа Флэтчер. — Сарийский маг с замиранием сердца разглядывал обнаженную шею девушки, которую та высвободила из воротника, чтобы маг смог увидеть возможные следы от колдовства Милики.

Кристоф не мог отвести от нее взгляд. Проклятье!

— Если хотите, я могу осмотреть вас... — сказал ученик Зарга и, заметив недоуменное выражение на лице модистки, тут же уточнил: — С помощью магического зрения, само собой. Вы позволите?

— Позволю. Мне безумно интересно, как проходит эта процедура. У нас в Содружестве

подобного, как вы знаете, нет, и все лечение происходит за счет специальных механизмов, проводящих диагностику... — Госпожа Флэтчер увлеченно рассказывала о своей родине, и с каждым ее словом Кристоф все отчетливее понимал, какая пропасть лежит между ними.

От этого на душе становилось противно и тоскливо, хотелось выть, подобно берийскому псу, оплакивающему гибель брата.

— Все в порядке, госпожа Флэтчер, — сказал Кристоф, поднимаясь с колен. — Вам не о чем переживать. Бородавки вам не грозят, как и зеленая склизкая кожа.

Госпожа Флэтчер поморщилась, поднимаясь с кресла.

— Вы бывали в замке раньше, Кристоф?

— Да, госпожа, приходилось. И не один раз!

— Тогда не проведете ли для меня экскурсию? — сказала модистка, стрельнув в Кристофа серыми глазами, словно баллистой в стену неприступной крепости.

— Если вы настаиваете, госпожа...

— Настаиваю! — Модистка взяла Кристофа под руку и повела его прочь из библиотеки. — И зовите меня Ани! Иначе я чувствую себя старой и никому не нужной...

ГЛАВА 29

Пока Дориус развлекал ребятишек и взрослых, не заставших мое появление в драконьей ипостаси, я поглощала в огромных количествах найденные на кухне пирожки и с беспокойством наблюдала за своими детьми, готовясь к самому худшему.

За Салли и Полли я сильно не переживала: они еще маленькие и не осознают того, чего природа их лишила. А вот Фрогд и Валери прекрасно понимали это и теперь стояли с каменными лицами, наблюдая за представлением вошедшего во вкус Дориуса.

Увы, но мои дети, как утверждает Бирх, не могут превращаться в драконов, ведь взаимодействие человеческих свойств и драконьих подобно смешанному в одном сосуде воде и вину: с каждым «появлением» человеческого следа в роду звериная ипостась ослабевает и шансы пробудить ее уменьшаются, пока искра способности воспарять к небесам и извергать огонь для защиты тех, кто дорог, не исчезнет навсегда.

Такова оказалась цена нашей с Киммером любви.

— Мам, до торжества еще несколько часов, разреши мне осмотреть окрестности? — Подошедший ко мне Фрогд имел настолько понурый вид, что я не смогла ему отказать.

— Возьми кого-нибудь из местных в проводники, чтобы не заблудиться и успеть к началу мероприятия.

— Хорошо, мама, ты лучше всех! — Чмокнув меня в щеку, старший сын пошел к Аронгаку с намерением осмотреть Ведьмину Чашу не в одиночку.

Вождь иверийцев выслушал просьбу моего сына, подозвал к себе русоволосую девочку в мужской одежде и представил их друг другу.

Фрогд галантно поклонился той, кто поведет его хитрыми тропами Ведьминой Чаши, но, когда выпрямился, увидел, что девочка уже идет в направлении ворот замка.

Не понимая такого отношения к своей персоне, мой старший сын поспешил за проводницей.

— Ты зря переживаешь за него, — сказал Киммер, обнимая меня за талию. — Он уже большой мальчик, пора становиться мужчиной. А держась за твою юбку, он мужчиной не станет, поверь мне, дорогая супруга!

— Наш сын и сам прекрасно знает, что ему делать, — проворчала я, не желая продолжать давний спор на тему воспитания детей. — Разве Фрогду станет плохо от того, что он будет ощущать нашу любовь чуточку дольше, чем нужно?

— Не станет, если не переусердствовать, Кайла! — вмешался в наш с супругом разговор Бирх, почесывая лысую макушку. — А зная тебя, ваш сын обречен на постоянную заботу и материнские советы!

— Где Кристоф? — спросила я, в очередной раз запуская руку в корзину с пирожками. — Ты перенес его в Сарию?

— Боюсь, что теперь его в Сарию силком не затащишь! — Бирх последовал моему примеру, но нащупал лишь пустоту. — Он ходит по замку с модисткой под ручку и вещает всякую чепуху, а она поощряет его потуги кокетливым смехом. Эх, молодость!..

— Зависть — плохое чувство, старина! — сказал Киммер, похлопав элирийского мага по плечу. — Я буду лишь рад, если у нашего Кристофа наконец-то сложится семейная жизнь. Негоже мужчине его лет быть одному!

— Не нравится она мне, — сухо произнес Бирх, наблюдая за пируэтами не желающего успокаиваться Дориуса. — Есть в ней что-то, что не дает мне быть спокойным за Кристофа. И не надо меня уверять, что я заблуждаюсь. Я бы и сам хотел в это поверить, но чутье подсказывает мне, что с этой дамой стоит держать ухо востро.

— Если так, то пригляди за госпожой Флэтчер! — сказала я наставнику Киммера и, заметив, что Дориус выдохся и перестал быть звездой циркового представления, попросила: — Помогите нашему чешуйчатому другу не опозориться перед публикой, Бирх! Иначе все только и будут обсуждать не праздничную церемонию и платье невесты, а голый вид одного из почетных гостей!

Не проронив ни слова, Бирх принялся колдовать.

Вокруг Дориуса образовалось плотное кольцо густого черного тумана. Он зловеще клубился, постепенно скрывая дракона от посторонних глаз, пока возмутитель спокойствия не исчез целиком.

Зрители застыли в ожидании: что же будет дальше? Неужели искусный эквилибрист и природный факир обладает и другими талантами? Способен ли он удивить непривередливую публику еще и яркими фокусами и захватывающими иллюзиями?

С помощью Бирха Дориусу удался и этот трюк.

Спрятавшие дракона клубы тумана рассеялись, клочьями падая на камни площади и вспыхивая причудливыми желтыми огоньками. А посреди этих эффектов, созданных элирийским магом, стоял виновник всеобщего веселья, одетый во все парадное и белое, словно он — невеста и жених в одном флаконе.

— Я видела этот костюм раньше. И точно не на тебе, Дориус!

— Кайла видела его на мне! — сказал правитель Элирии и погрозил дракону пальцем. — Надеюсь, что ты вернешь его на законное место!

— Конечно, Киммер, надейся! — сказал Дориус, показывая всем нам язык.

Я не удержалась и ответила ему тем же.

— Как дети малые, честное слово, — сказал Бирх, даже не думая убирать улыбку с лица. — Рядом с вами, друзья, я ощущаю себя значительно моложе своего истинного возраста...

— Кстати о друзьях, — перебил мага несносный дракон. — Где же наш любимый товарищ, что унес Милику в самый разгар того памятного сражения?

— Актер запаздывает, но его хозяйка обещала, что они непременно будут, — пояснила я, размышляя, а не остались ли еще на кухне стратегические запасы пирожков?

— У него хозяйка есть? — удивился дракон, задумчиво почесывая многострадальную макушку. — А я считал, что пернатый у нас — птица вольная...

— ...да кошка домашняя! — подхватила я, наслаждаясь прохладой Ведьминой Чаши и чистым голубым небом без единого облачка. Красота!

— Представишь меня хозяйке Актера? — спросил Дориус, мгновенно принимая стойку гончей, почувшавшей зазевавшегося селезня.

— Нет.

— Почему, сестрица?

— Потому, что совесть — отличительная черта, выделяющая дракона среди прочих. Как же твоя подружка, та рыжая, с четвертого холма долины?

— Я ей ничего не обещал, — принялся оправдываться Дориус, ища поддержки у Бирха и Киммера.

Не нашел, поэтому сделал себе зарубку на память: разобраться с двумя подкаблучниками тихо и без свидетелей. Это же надо, не защищать самого Дориуса, великого и ужасного! Позор, да и только!

— И вообще, друзья, вы на чьей стороне? Меня-то вы знаете уже много лет, а ее... Может, хозяйка Актера моя судьба!

— Как рыжая с четвертого холма, наследница купеческого дома или дочь мясника, которая готовит самые вкусные отбивные... Судьба многогранна, да, Дориус?

— Вот за что я тебя люблю, сестренка, так это за твое умение видеть зерно истины еще до того, как оно упадет в землю и даст первые всходы! Именно так, Кайла, именно так!

Бирх осуждающе возвел глаза к небу и заметил черную точку, которая постепенно увеличивалась. Перейдя на магическое зрение, он разглядел этот любопытный объект и удовлетворенно сказал:

— Через несколько минут, Дориус, ты сможешь попытаться произвести хорошее впечатление на хозяйку Актера. А пока я телепортируюсь на кухню и принесу угощение нашей гостье. Кайла, не хочешь составить мне компанию?

Я благодарно кивнула, поцеловала супруга в щеку и взяла элирийского мага за руку. Через мгновение очертания площади, иверийцев и дорогих мне людей исчезли, а на их месте появились кастрюли, столы и манящий аромат только что приготовленного жаркого.

Эх, не скоро я увижу хозяйку Актера, не скоро...

Фрогд следовал за девушкой и пытался понять, почему с ним отказываются говорить. Он точно помнил, что увидел ее в первый раз, когда просил Аронгака найти ему проводника. Получается, обидеть ее он не мог... Тогда что за странное к нему отношение? Странности женского характера? И для принца была непривычной роль ведомого.

— Почему мы идем молча? — не выдержал принц и задал волнующий его вопрос, на который не получил ответа. — Мы боимся привлечь опасных зверей? — Фрогд снова пытался нарушить образовавшуюся тишину, однако последняя уверенно одерживала вверх, не прикладывая особых усилий. — Вы немая?

— Нет, — ответила девушка, и Фрогд поразился тембру ее голоса, такому грудному и обволакивающему, словно нежнейший творог, который принцу удалось приготовить однажды, а вот сбережь, увы, нет. В большой семье стоит держать ухо востро!

— Я не слишком общительная, принц. Не надо стараться меня разговорить. Вы понапрасну потратите свое драгоценное время...

— Мое время — моя собственность, и позвольте мне самому решать, как им распоряжаться, — произнес принц, не понимая, что же он чувствует сейчас: злость или удивление. — Вам неприятно мое общество?

— Никак нет, мой принц, — по-военному ответила Фрогду проводница, даже и не думая сбавлять шаг.

Сын Киммера ощутил, что дыхание начинает сбиваться, а в боку подозрительно покалывает. Его решили взять измором?

— Тогда почему вы... игнорируете меня?

— А почему я должна поступать иначе, мой принц? — Девушка остановилась и обернулась к Фрогду, глядя на него снизу вверх. — Ваши родители гостят в замке каждое лето, а вас я вижу впервые. Я сомневаюсь, что вы будете частым гостем в наших краях, тогда зачем с вами общаться? Вы вряд ли вспомните обо мне после торжества, а мне еще долго придется рассказывать соплеменникам о нашей с вами прогулке. Зачем мне это?

Фрогд опешил.

— Потому что правила хорошего тона велят поступать так? — неуверенно произнес он, слегка стусевавшись под насмешливым взглядом своей проводницы.

— Я дикарка, мой принц. Правила хорошего тона мне соблюдать необязательно!

— И в мыслях не было считать вас дикаркой! — выпалил Фрогд, скрестив руки на груди. — Для той, кто не выбирался из Ведьминой Чаши, вы слишком хорошо говорите на всеобщем и осведомлены о нравах по ту сторону ледяной пустыни...

— За это стоит поблагодарить вашу маму, отдавшую моему народу замок с его огромной библиотекой. — Проводница хотела сказать что-то еще, но, заметив за спиной Фрогда движение, произнесла: — А сейчас, принц, бегите со всех ног в сторону замка и зовите на помощь. Живо!

Сын Кайлы хотел возразить, но промелькнувшая рядом с щекой стрела не дала ему шанса осуществить задуманное. Кажется, иверийка от кого-то защищалась.

Без лишних слов Фрогд сместился вправо, а проводница выхватила еще одну стрелу и запустила ее вслед первой. Недовольное шипение дало ей знать, что в этот раз она попала в кого следует.

Принц обернулся, пытаясь рассмотреть существо, потревожившее его милую беседу с иверийкой. Сама же девушка отбросила бесполезный лук в сторону и, поигрывая копьём, направилась вперед, недовольно зыркнув на Фрогда, не желающего бежать с криками в замок.

Сын Кайлы не остался в долгу, показав проводнице усыпанный драгоценными камнями кинжал. Иверийка скорчила гримасу, выражая свое нелестное мнение об оружии элирийского принца.

Тем временем существо решило выбраться из своего убежища на свет, и Фрогд понял, почему его парадный кинжал не сможет помочь в этой непростой и смертельно опасной ситуации.

Крадущейся походкой к иверийке и принцу приближался снежный кот.

Огромный матерый зверь, на серебристо-голубой шкуре которого Фрогд насчитал несколько десятков шрамов, явно полученных в борьбе за выживание в непростых условиях ледяной пустыни.

Иногда эти не знающие страха хищники спускались в Ведьмину Чашу, и племени Аронгака приходилось неделями выслеживать тех, кто за ночь мог перебить все живое, что попадалось на их пути. Они делали ловушки и никогда не ходили поодиночке. Только группой и обязательно — с факелами, поскольку эти кровожадные кошки больше всего боялись огня.

Мысленно принц попрощался со своей семьей и приготовился атаковать первым. Он не собирался бежать в замок за помощью: снежные коты быстры и проворны, копьём их не одолеть, кинжалом не убить.

Но проигрывает лишь тот, кто не пытается идти наперекор всему, не так ли?

Издав боевой клич, иверийка бросилась на снежного кота, целясь копьём ему в шею. Наконечник пронзил пустоту, а зверь оказался у девушки за спиной и ударил ее лапой по левой ноге.

Проводница вскрикнула, падая на землю. Фрогд бросился на помощь, целясь кинжалом в раненную стрелой лапу, однако кот не забыл о возможной угрозе в лице элирийского принца.

Зверь извернулся — и кинжал принца лишь легонько царапнул его бок, а сам сын Кайлы очутился на траве, сбитый с ног мускулистой тушей обитателя ледяной пустыни.

Кот навис над принцем, капая на него слюной и показывая, что все клыки у него на месте, в целости и сохранности.

Фрогд зажмурился, судорожно шаря руками вокруг себя в поисках чего-то, чем можно отсрочить неумолимый конец. Тщетно. Кинжал укатился слишком далеко, чтобы до него дотянуться, а пасть хищника приближалась медленно и неумолимо.

Раздался хруст — и копьё вошло в тело снежного кота по самое древко, отчего обитатель ледяной пустыни издал полный боли рев и передумал убивать Фрогда.

Снежный кот бросился на лишенную оружия иверийку с явным намерением покончить с ней раз и навсегда.

Зверь пустил в ход клыки и когти, девушка закрылась от него руками, кричала от боли, пыталась оттолкнуть хищника ногами, однако для этого ее сил оказалось недостаточно.

Фрогд встал и с ненавистью уставился на снежного кота.

Внутри принца происходили странные изменения, в груди будто зарождался огонь, подпитываемый собственным бессилием и желанием спасти девушку. Сын Кайлы упал, чувствуя, как меняется его тело, как боль расплавленным свинцом растекается от ушей до кончиков пальцев, принося с собой возможность разобраться с тем, кто помешал прогулке по окрестностям Ведьминой Чаши.

Снежный кот обернулся на звуки, издаваемые принцем, и бросился наутек. Он был опытен и бит жизнью, поэтому прекрасно знал, когда стоит удирать во всю прыть.

До спасительной чаши леса оставалось несколько метров, когда в спину обитателя ледяной пустыни ударил яркий столб пламени, и одной угрозой для племени иверийцев стало меньше.

Проводница слабо застонала и попробовала встать. Не вышло. Ей удалось лишь немного

приподняться на локтях и увидеть дракона с желтоватым брюхом и большими кожистыми крыльями, на конце каждого было по массивному острому когтю.

Дракон осторожно подошел к иверийке, которая беспомощно лежала на земле и не могла поползти. Проводница потеряла сознание.

Дракон бережно прижал девушку к себе и, взмыв над деревьями, полетел в направлении замка Марлоу.

Виария критически осмотрела свои волосы и страдальчески закатила глаза к потолку. Ее прическа была полностью испорчена! Столько сил потрачено впустую, а еще платье потеряло цвет и форму, став подобием половой тряпки для уборки отхожих мест в сарийском дворце! Катастрофа!

— А я говорил тебе, что не стоит наводить красоту до прибытия в замок. — Ее супруг в безразмерной рубахе из старого приданого Кайлы был похож на кого угодно, но только не на венценосную особу, прибывшую на торжества по случаю замужества принцессы Радой.

— Ты, как всегда, прав, любимый, только от этого не легче, — грустно произнесла Виария, ища поддержку у не знающего жалости зеркала.

— Мы что-нибудь придумаем, — мягко сказал король Сарии, зарываясь лицом в светлые волосы любимой женщины. — Где же у Кайлы лежат гребешки, пудра и прочее?..

Виария догадывалась, где именно Кайла хранит свои туалетные принадлежности, но подсказывать мужу не стала. Пусть ищет, а она посидит и посмотрит на него, такого красивого и увлеченного, ставшего ей настоящей опорой и поддержкой.

Королева Сарии могла любоваться супругом часами, получая наслаждение от того, что он с ней рядом, всегда рядом. Его забота успокаивала Виарию, вносила гармонию в ее жизнь и придавала уверенность, что ей не стоит чего-либо бояться. Мужчина все сделает, все решит. Остается лишь ждать и удивляться тому, как сильно она изменилась за эти восемнадцать лет.

— Готово! Смотри, как хорошо получилось, — довольно сказал супруг, и Виария не могла с ним не согласиться. — Нравится?

— Очень! — честно ответила королева Сарии, поворачиваясь к зеркалу то одной стороной, то другой.

Красивая прическа! Лучше, чем была у нее до появления в замке Марлоу!

— Ты не против, если мы спустимся перед самым началом церемонии, а не сейчас? — спросила Виария, придирчиво разглядывая платье, которое взял с собой ее супруг на случай, если произойдет то, что спутает дочери Филиппа Спокойного все карты. Как в воду глядел!

— Я не против, но разве ты не хочешь увидеть...

— Не горю особым желанием, — перебила его Виария. — Бирха и Киммера я вижу достаточно часто, и мне хватает наших встреч. Остальные меня не интересуют.

— Хм... неожиданно, — озадаченно произнес правитель Сарии. — А как же Кайла?

— Кайла — супруга Киммера, мать его детей. Между нами ничего общего нет. Во мне она видит угрозу ее браку, женщину, которая может испортить ее выстраиваемое годами счастье.

— А ты можешь... это сделать? — тихо спросил ее супруг, и на его лбу появилась некрасивая морщинка. Единственная черта, которая в нем Виарии не нравилась.

— Нет, любимый, не могу, — уверенно сказала королева Сарии, беря супруга за руку. — У меня есть ты, и только ты. А Киммер пусть остается с Кайлой. С ней он будет в целостности и сохранности!

Хохот и терпкий поцелуй в губы уверили Виарию в том, что больше этот вопрос в их семье подниматься не будет. Какое счастье!

— Эх, жаль, что твоя прическа снова в порядке, — сокрушался супруг королевы Сарии, нежно целуя любимую в щеку и устраивая ее у себя на коленях. — Иначе бы у нас появилось еще

одно интересное занятие, кроме игральных карт и задушевных разговоров...

Виария игриво потерлась носом о висок правителя Сарии, намекая ему, что у них достаточно времени, чтобы восстановить ее прическу еще раз. Однако супруг не поддержал желания Виарии, чем вызвал ее бурное, но безмолвное недовольство. Виария слегка отстранилась от любимого, перевела взгляд на окно и замерла, чувствуя, как озноб холодной змеей скользит по ее позвоночнику.

В полосе света серым призраком стоял Себастьян и протягивал к ней руки, словно пытаясь заключить в мертвые объятия. Увидев, что Виария его заметила, он послал ей воздушный поцелуй и исчез, растворившись в солнечных лучах.

— Что-то случилось! — сипло сказала Виария и стремглав выскочила из отведенных ей покоев.

Супруг поспешил за ней.

ГЛАВА 30

— Какой же ты стал большой, плюшка ты моя! — приговаривала я, не переставая гладить шерсть несопротивляющегося грифона. — Тебя надо назвать Толстяком, а не Актером!

Любимый питомец Милики (после Шрама и Тихони конечно же!) блаженно закрыл глаза и довольно курлыкал, вольготно развалившись на каменных плитах площади замка Марлоу.

Его хозяйка стояла рядом и не мешала мне ласкать грифона. Она потупила взор и ожидала, когда же Дориус перестанет ходить вокруг нее и задавать каверзные вопросы, не получая на них ответы. Дракона же такое поведение лишь раззадоривало, распаяя его охотничий интерес, заставляя действовать с удвоенной энергией до тех пор, пока крепость не падет.

Крепость, однако, сдаваться не собиралась, и, судя по красноречивым взглядам хозяйки Актера на магический перстень, украшающий ее указательный пальчик, кто-то сильно рискует получить обжигающей искрой прямо в глаз.

Или в лоб, тут уже как повезет!

Грифону первому надоели приставания — Актер нет-нет да и поглядывал одним глазом, все ли в порядке с его хозяйкой. И на очередном круге дракона, когда тот, естественно, не смотрел по сторонам, поглощенный своими ухаживаниями, Актер вытянул свою заднюю лапу вперед, надеясь, что Дориус не заметит препятствия и окажется лежащим на холодных плитах замка Марлоу.

Так и вышло!

Для пущей надежности (вдруг Дориус не понимает намеков и продолжит оказывать на хозяйку негативное влияние) грифон закинул на разлегшегося дракона сначала одну лапу, а потом и вторую, радостно курлыкнув, словно говоря: «Продолжай чесать меня, Кайла, не останавливайся! Видишь, какой я хороший мальчик!»

— Вытащите меня из-под него, пожалуйста! — сдавленно попросил Дориус, оставив бесполезные попытки выбраться самостоятельно. — Иначе я превращусь в дракона и от вашего памятного камзола останутся только воспоминания!

— Я тебе превращусь! — шикнула на него я, отвлекаясь от вычесывания шеи Актера. — Отдыхай, наслаждайся видами!

— Я могу заболеть! — не сдавался Дориус, ища поддержку у Киммера и Бирха, которые увлеченно спорили о способах налаживания выгодных торговых отношений между Элирией и Содружеством с учетом политических веяний в последнем. — Простужусь и умру! Стану являться к вам по ночам, выть на луну и не давать спать! Заря, ну хоть вы помогите мне! Отзовите свою зверюгу!

Заря по понятным причинам никого отзывать не стала и присоединилась к разговору Бирха и Киммера, тем самым показав, что она кое-что смыслит во внешней политике.

Дориус обиженно надулся и замолчал, для удобства положив руку под голову и обдумывая план мести, которую он решил отложить на следующее утро, чтобы не портить свадьбу и отыграться, когда виновные меньше всего будут ожидать этого.

Дракон даже решил прикорнуть, когда его внутреннее чутье забило тревогу, недвусмысленно давая понять: поспать можно и позже, в более удобное время и располагающей к этому обстановке.

— А ну, слезь с меня, животное! Живо! — взревел Дориус, и Актер (о чудо!) подчинился, прижимая уши к голове.

— Что случилось?

— К нам летит дракон! — уверенно ответила я Киммеру, вставая лицом к донжону и готовясь сменить ипостась при первой же возможности. — Примерно оттуда!

— Похоже, что это Мориус... или... Не могу определить наверняка! — Дориус встал рядом со мной и обескураженно замотал головой. — Этот дракон нам точно не чужой, но кто именно к нам пожаловал, затрудняюсь сказать!

— Сейчас узнаем! Бирх, Заря, будьте начеку, но первыми не бейте! Киммер, уведи детей! — командовала я, наблюдая, как Аронгак строит свое племя и иверийцы без лишней суеты укрываются от возможной угрозы в стенах замка. Как только последний из них исчез из поля зрения, на площади на одного дракона стало больше.

Он не пытался атаковать, лишь осторожно положил девичье тело на свадебный помост и, шатаясь, приземлился, виновато глядя на вождя иверийцев.

— Крайда, доченька моя! — бросился к девушке Аронгак, не обращая больше внимания на того, кто ее доставил в замок. Как и на то, что вместе с ним к несчастной поспешили Бирх с Зарей, а мы с Дориусом бросились к дракону, в котором я с радостью и страхом признала родную кровь.

— Не может быть... — потрясенно произнесла я, бережно поглаживая мягкую чешую дракона, совершившего свое первое обращение. — Сынок, неужели это ты?

Фрогд грустно обдал меня горячим воздухом из носа, а довольный Дориус залился соловьем.

— Ты только посмотри на его расцветку, Кайла, посмотри! — восторгался мой названный братец, совершая над нашим с Киммером сыном какие-то манипуляции. — Красавец! Я так надеялся, что драконья кровь возьмет вверх и ипостась пробудится! Боги, как же вовремя!.. Я как раз собираюсь совершить очередное кругосветное путешествие!

— Помолчи! — шикнула я на родственничка и щелкнула пальцами, привлекая к себе внимание Фрогда. — Послушай меня, сын. Очень хорошо, что ты смог превратиться в дракона самостоятельно, но главное в этом нелегком деле — вернуться из ипостаси и снова стать человеком. Не бойся, я с тобой! Я подскажу тебе, что нужно делать! Смотри и слушай только меня!

Фрогд несколько раз моргнул, давая понять, что он готов выполнить то, что я ему скажу.

— Закрой глаза. Расслабься и слушай мой голос. — Произнося это, я контролировала, чтобы сын выполнял то, что я велю. — Представь арку в цветущий сад. Ты хочешь туда попасть, аромат распустившихся цветов манит тебя, но ты не можешь это совершить: арка слишком узка, тебе не пролезть через нее, не облететь и не сделать подкоп. Тебе мешают крылья! Пусть исчезнут!

Дориус скептически хмыкнул, но его ехидная улыбка тотчас исчезла, когда крылья медленно начали втягиваться в тело дракона.

— Хорошо! У тебя все получается! — подбадривала я Фрогда, продолжая руководить операцией по возвращению ему человеческого облика. — Здесь безопасно, мой мальчик. Тебе не нужны когти, чешуя и острые зубы, чтобы защищаться от врагов. Их попросту нет! А раз так, то избавься от того, что мешает тебе! Пусть исчезнет!

Я с затаенным ликованием наблюдала, как тело моего сына меняется, а драконья сущность исчезает.

— Остался последний этап. Зачем тебе хвост, мой мальчик? Ты почти человек, он только мешает тебе, цепляется за ветки дивного сада, в который ты смог попасть. Зачем тебе хвост? Пусть исчезнет!

Сын повиновался, как и его новая ипостась, что несказанно меня обрадовало: такое послушание, да еще и после первого обращения! Удивительно!

Хлопнула дверь донжона, и на площадь выскочили Виария и ее супруг, барон Данглок. Правители Сарии появились на площади не с пустыми руками: дочь Филиппа Спокойного сжимала глефу, а ее супруг — двуручный меч эльфийской работы.

Увидев лежащего на плитах Фрогда, барон Данглок скинул плащ с плеч и укрыл моего сына, а Виария подошла ко мне, спрашивая:

— Мы опоздали?

— Нет, вы вовремя, — тепло улыбнулась я. — Не хочешь ли выпить со мной вина? Сегодня у нас есть еще один повод.

— Достойный?

— Очень. У моего сына сегодня день рождения. У него появилась драконья ипостась.

Крайде снился удивительный сон: будто бы оранжевый дракон прилетел к ней на помощь, прогнал снежного кота и унес ее далеко-далеко, в свой замок. Там он превратился в того самого принца, который заставил ее сердце биться учащенно, стоило только Крайде увидеть его в первый раз. Фрогд-дракон взял ее за руку и нежно поцеловал каждый пальчик, отчего щеки девушки покрылись румянцем, а дальше...

Сон исчез, а принц нет.

Он сидел рядом с ней и держал за руку, а его губы касались ее запястья, словно передавали энергию от сына Кайлы к ней, дочери Аронгака. Фрогд, погруженный в себя, выглядел настолько уставшим и потерянным, словно до Ведьминой Чаши он добирался не порталом, а шел пешком, пренебрегая сном, едой и водой.

Девушка попыталась встать, но тело отказалось ей повиноваться, болью давая понять, что время двигаться еще не пришло.

Иверийка слабо застонала, принимая правила игры и вывода Фрогда из задумчивости. Он сразу засыпал девушку вопросами:

— Пить? Подушку? В туалет хочешь?

— Пить, — ответила девушка, стыдливо прикрыв веки.

Он не должен был видеть ее такой! И быть непозволительно близко! Это неправильно, неправильно!

Фрогд налил в стакан воды из кувшина и, придерживая голову иверийки, помог ей утолить жажду.

В стакане исчезала вода, а дочь вождя пораженно смотрела на принца, не веря, что все взаправду: не может венценосный отпрыск так обращаться с простой смертной, не может!

— Еще?

— Спасибо, не нужно, — сказала иверийка, прислушиваясь к себе: пить ей больше не хотелось, хотелось бежать отсюда, да так, чтобы пятки сверкали.

Почему он не с родными, почему?!

— Как скажешь, Крайда, как скажешь. — Фрогд взял висевшее на спинке стула полотенце и бережно вытер губы девушки. — Если захочешь снова пить или еще что-то — скажи, я все сделаю!

Иверийка кивнула и страдальчески закатила глаза: за что ей такое наказание, а?!

— Где мой отец?

— Я его сейчас позову, — сказал принц, делая шаг в сторону двери. — Не переживай, с ним все хорошо. Он лично принес тебя в лазарет, а узнав, что твоему здоровью ничто не угрожает, продолжил заниматься подготовкой к свадьбе. Я мигом, Крайда, ты даже не успеешь заскучать!

Иверийка слабо улыбнулась, и окрыленный Фрогд покинул лазарет, оставив девушку в том странном состоянии, когда сердце радостно бьется от заботы того, с кем она никогда не сможет быть вместе.

— Я так испугался, когда увидел тебя такой, — вместо приветствия выпалил Аронгак, беря дочь за руку. — Лекарь подтвердил, что все самое страшное позади и скоро ты полностью поправишься. Мы положили целебные камни тебе под кровать. Думаю, что на свадебной церемонии ты сможешь быть вместе со всеми!

— Это был он, папа... — тихо сказала Крайда, сжав свободную руку в кулак.

— Ты о чем, доченька?.. — спросил Аронгак, предчувствуя нечто ужасное: его отцовское чутье

вот уже несколько лет работало за двоих.

— О снежном коте, что убил маму, — все так же тихо проговорила Крайда. — Я узнала бы его из тысячи, папа, и это был он... а я его упустила, упустила!

Слезы хлынули из глаз девушки, и Аронгак прижал дочь к себе, успокаивая и без того ранимое дитя.

— Не плачь, доченька, не плачь. Его нет больше, поверь мне. Фрогд убил его и спас тебя. Тебе не о чем переживать, моя радость, мое счастье!

— Как принцу это удалось? — спросила Крайда, переставая плакать. — Я же помню, что Фрогд остался лежать, когда эта тварь меня... меня...

Вождь иверийцев поцеловал дочь в висок, приговаривая:

— Тише, тише, моя дорогая... Все закончилось, девочка моя, все хорошо. В принце проснулась драконья ипостась. Он еще не умеет ею управлять, но в драконьем краю его этому быстро научат. Кайла против конечно же, но так будет лучше для всех. Не стоит никому, кроме узкого круга лиц, знать о маленьком секрете Фрогда.

— Когда он улетает, папа?

— Сразу после свадьбы. Дориус изъявил желание сопровождать принца, и Фрогд согласился. Насыщенный вечер нам предстоит, дочка. И свадьбу справляем, и рождение нового дракона отмечаем, и проводы впереди.

— Позови его, папа, ко мне. Я хочу с ним попрощаться, — севшим голосом сказала Крайда, чувствуя, как силы окончательно покинули ее. Слишком много потрясений за один день.

Аронгак еще раз поцеловал дочь, крепко обнял ее и покинул лазарет.

Через мгновение вошел Фрогд, скрестив руки на груди.

Он ждал, что скажет ему Крайда, но иверийка молчала, словно не замечая подошедшего к ней принца.

«Будь что будет!» — сказал себе Фрогд и поцеловал девушку в губы.

Крайда опешила от такой наглости и даже решила стукнуть наглого принца как следует, а потом... по ее телу разлилась такая сладость, что все остальное стало для дочери Аронгака совершенно не важно.

Есть только она и Фрогд.

Ее чувства к нему — и этот день, который может стать для них последним.

— Я так испугался, когда увидел тебя всю в крови, — хрипло сказал принц, когда смог оторваться от Крайды. — Испугался сильнее, чем тогда, на площади, понимая, что самостоятельно не смогу превратиться обратно в человека. Интересно устроена жизнь: я с пеленок мечтал о том, что когда-нибудь стану драконом, а получив желаемое — не чувствую от этого никакого удовольствия... Ты отправишься со мной в драконий край?

Крайда пораженно уставилась на Фрогда:

— В качестве кого?

— Будущей супруги, — уверенно сказал наследный принц Элирии, испытующе глядя на иверийку. — Вы украли мое сердце, Крайда, и оно теперь навечно в вашем плену. Только вам не повезло, красавица: вы никуда от меня не денетесь и никого постороннего рядом с вами я не потерплю. Я делаю вам предложение, Крайда. Вы выйдете за меня замуж?

Иверийке казалось, что еще немного — и ее сердце выскочит из груди, а в голове билась мысль: как такое вообще возможно?

— Это будет мезальянс, мой принц, — сказала Крайда, справившись с учащенным ритмом. — Вам нужна достойная партия, а не я. Ваши родители не одобряют наш брак...

— Уже одобрили, моя дорогая, — огорошил иверийку Фрогд, сияя, как золотая монета в солнечный день. — Ваш отец также дал свое согласие. Остается дело за вами, Крайда. Вы

станете моей законной супругой?

— Да, — тихо, но уверенно произнесла дочь Аронгака. — Но поверьте мне, Фрогд, вы пожалеете о том, что взяли меня в жены.

— Это вряд ли! — сказал сын Кайлы и Киммера, вновь целуя ту, которая покорила его сердце.

ГЛАВА 31

— Ну и где твой жених? — раздраженно спросила я, поедая виноград. — Он знает, что у него сегодня свадьба и негоже невесте стоять у алтаря одной?

— Знает, Кайла, знает. Он прибудет к началу церемонии, вот увидишь! — сказала Милика, отбирая у меня блюдо с виноградом и передавая его на хранение Виарии.

Королева Сарии принялась демонстративно поглощать виноград, чуть ли не причмокивая от удовольствия.

— Надеюсь, виноград пойдет тебе на пользу! — процедила я, буравя Виарию взглядом.

— А по-другому и быть не может, Кайла! — Королева Сарии поставила опустевшее блюдо на стол и блаженно погладила свой живот. — Вот теперь можно и не опозориться на приеме во дворце короля Радой. В меня больше ничего не влезет!

— На каком приеме? — не поняла я, удивленно уставившись на потупившуюся Милику. — Ты ничего мне об этом не говорила, моя дорогая!

— Потому что знаю — ты не любишь официальные мероприятия и тебя силком на них не затащишь! — Милика недовольно поднялась из кресла и провела пальцем по переплетам книг, прикосновение к ним ее всегда успокаивало. — Дядя отказался присутствовать на церемонии здесь, в Ведьминой Чаше: он считает, что нельзя проводить свадьбу там, где нет условий для официального приема. А я не хочу свадьбу, где нет моих друзей, но и портить отношений с дядей не хочу...

— Поэтому решила провести две свадьбы, чтобы никого не обидеть, — закончила за Милику я, чувствуя, как обида постепенно исчезает, а на душе становится легко и спокойно. — Ты хочешь, чтобы я посетила твою вторую свадьбу?

— Хочу! — сказала Милика, удивленно хлопая пушистыми ресницами. — Ты серьезно, Кайла?

— Абсолютно! Пора уже мне появиться на публике где-нибудь кроме Элирии и Сарии. Только Киммера с собой захвачу, я без него никуда!

Милика радостно взвизгнула и бросилась ко мне обниматься. Виария равнодушно наблюдала за проявлением наших чувств, случайно капнув виноградным соком себе на платье, которое миг стало чистым благодаря магии, наложенной на него Кристофом.

Удобная вещь! Надо будет попросить сарийского мага сотворить нечто подобное и с моим платьем. Хотя... зачем ограничивать себя одной вещью? Пусть наложит чары на весь мой гардероб!

— Витающий в воздухе аромат счастья дурманит головы всем, кто его вдыхает, — философски произнесла Виария и задала мне мучающий ее вопрос: — Скажи мне, Кайла, как ты допустила, что твой сын решил сочетаться браком с дочерью Аронгака? Тебя не смущает мезальянс?

— Нет. Почему должно меня смущать то, чего нет? — удивилась я, перестав проверять на прочность полы в башне на пару с невестой. — Как ты правильно заметила, Крайда — дочь Аронгака, единственная, между прочим. А Аронгак, на секундочку, является законным правителем Ведьминой Чаши. Получается, что если наши дети соединят свои сердца священным союзом любви, то Элирия и Ведьмина Чаша официально объединятся, что полностью устраивает нас с Киммером. К тому же я знаю Фрогда: если он что-то решил, то переубедить его весьма непросто. Да и Крайда мне нравится, честно говоря: я знаю ее с раннего детства и выбором сына довольна. Он все правильно сделал!

— Тогда я могу быть спокойна, — задорно сказала Виария, грациозно потянувшись подобно представителю семейства кошачьих. — Жаль, что у Джана началась важная практика, иначе бы я непременно свела его с твоей дочерью!

— Попытка не пытка, Виария. Правда, в прошлый раз твой сын был весьма холоден и резок по отношению к Валери!

— У него возраст такой, сложный, — принялась защищать своего отпрыска Виария. — Не забывай, что Джан — боевой маг и для него нет ничего важнее, чем практика. Там он может показать все то, чему научился, и доказать, что статус принца не влияет на его успеваемость.

Через год-два он одумается и начнет искать себе достойную партию. Твоя Валери для меня — идеальный вариант!

— Смотрю, ты серьезно настроена еще сильнее укрепить союз между нашими странами, — грозно сощурилась я, пытаясь сдержать улыбку. — Думаю, Киммер будет не против, но право выбора я оставлю дочери. Давить и заставлять ее я не буду. Пусть слушает сердце!

— Замечательный гост, жаль, что вино закончилось, — сказала Виария, поглядывая на механические часы из Содружества. — Не пора ли нам готовиться к выходу? Остался час до церемонии!

Милика ахнула и заметалась по комнате в одной нижней рубашке и белье. Я же двигалась не так быстро, как принцесса Радой, но на месте не сидела: из нас троих лишь Виария была в полной готовности.

Наряд королевы Сарии впечатлял: декольтированное красное платье, едва прикрывающее колени, и черные туфельки на высоком каблуке. Такой туалет был очень популярен в Содружестве, и я знала, что стоит коснуться не приметного узора на левом плече, как юбка удлинится, появляются рукава, исчезает декольте и вырез на спине.

Подозреваю, что только по этой причине супруг Виарии и разрешил ей надеть сегодня это платье!

— Вы можете мне справиться с юбкой? — умоляюще попросила Милика, с содроганием рассматривая то, на что обратят внимание все гости церемонии. — Меня чересчур утомила госпожа Флэтчер и ее швеи, и я отправила их обратно в Содружество...

— Поможем, куда же мы денемся? — сказала я, сумев самостоятельно надеть выбранное при участии Киммера платье. — Там есть соответствующая бумага? Как же она называлась-то... О! Вспомнила! Инструкция?

— Нет, но я все запомнила! — быстро проговорила Милика, нетерпеливо подпрыгивая на месте.

— Тогда начинаем! — обреченно сказала я, предчувствуя, что жених принцессы Радой никогда не узнает, каких трудов стоила нам их свадебная церемония!

— Кристоф!

— А... Что? — заторможенно сказал Кристоф, повернувшись к разъяренному Бирху.

— Соберись! Госпожа Флэтчер уехала, швеи тоже. Забудь о ней и сосредоточься на плетении. Я не хочу, чтобы из-за твоей невнимательности свадьба закончилась плачевно!

— Прости, Бирх, — покаялся Кристоф, понуро опустив голову. — Я не знаю, что на меня нашло... Не мальчик уже, а...

— Зато я знаю, что с тобой! И дело вовсе не в возрасте. Недуг, поразивший тебя, мне известен, как и тебе самому. Поговори с Виарией и ее супругом: ты не единственный маг в Сарии, пусть отпустят тебя в Содружество, если твои чувства так сильны. А пока выкинь госпожу Флэтчер из головы. Не стоит так увлекаться женщиной, мой друг, не стоит!

— Ты прав, Бирх! — согласился с элирийским волшебником бедняга, разминая пальцы и ощущая, как невидимые потоки магии проходят по ним, словно вода через питающие город трубы. — Какие линии мне брать?

— Бери левый полукруг, я возьму правый, — сказал наставник Киммера, делая взмах рукой, словно художник, готовящийся нанести первый мазок будущего шедевра. — На счет три. Раз... два... три!

Годы совместной ворожбы и практики сделали свое дело: стоило только Бирху произнести последнее слово, как магия хлынула наружу, заполняя собой отведенное пространство.

Пот выступил на висках у наставника Киммера, а на лице Кристофа появилась легкая бледность, но никто из них не прекратил творить маленький подарок для малышки Мирики.

— Уф, получилось, — выдохнул Бирх, довольно рассматривая результат проделанной работы. — Староват я стал для таких дел, ох староват!..

— Не прибеждайся, старина! — похлопал по плечу элирийского мага подошедший к колдунам Аронгак. — Ты еще многое можешь! Как долго продержится купол?

— Несколько дней, может, больше, — сказал Кристоф, с благодарностью принимая от вождя иверийцев кувшин с водой. — Я туда половину резерва влил, не меньше!

— И я примерно треть! Красиво получилось, Крайда?

— Очень, — восхищено произнесла дочь Аронгака, любясь тем, что создали два волшебника.

С разных концов площади замка Марлоу поднимались серебряные нити, невесомые и яркие, словно лезвия, разрезающие мрак Ведьминой Чаши. Они соединялись в точке, увенчанной остроугольным шпилем, а сами линии напоминали бусы, по воле магов ставшие шатрами для проведения церемонии.

Крайда не выдержала и подошла к одной из бусинок, с интересом ее разглядывая.

Она была большая, размером с голову гнома. Из нее лился свет, завораживающий и притягивающий взгляд.

Дочь вождя иверийцев коснулась бусины ладонью. Придерживающий Крайду за талию Фрогд последовал ее примеру.

При воздействии постороннего тепла цвет внутри бусины изменился.

Влюбленные недоверчиво уставились на магов, ожидая их разъяснений насчет нежно-розового оттенка, поселившегося внутри «кровеносной» системы купола.

— Это цвет влюбленности, — объяснил элирийский волшебник, с улыбкой замечая, как лица Фрогды и Крайды заливаются краской. — Ваши сердца уже нашли друг друга, но росток любви еще не раскрывлся полностью, он только-только начинает это делать...

— Заметь, Бирх, что цвет насыщен и равномерен, — решил блеснуть знаниями Кристоф. — Ваше чувство взаимно, в нем нет перегибов в одну или в другую сторону. И это прекрасно!..

Удовлетворенный таким объяснением Фрогд тепло поцеловал Крайду в макушку. Девушка загадочно улыбнулась, ласково поглаживая его руку. Аронгак умилился воркованию влюбленных, но одна мысль не давала ему полностью насладиться этой картиной.

— Если я правильно понял, друзья, то при помощи купола любая пара может проверить свои чувства на прочность?

— Да, друг, ты совершенно прав, — согласился с иверийцем Бирх, потихоньку понимая, что именно смущает мудрого вождя.

— Вы представляете, что будет, если бусины коснутся те, кто разлюбил или у кого чувства друг к другу угасли! Свадьба добром не закончится, помяните мое слово!

— Тогда мы добавим еще несколько линий защиты... Эх, прощай резерв!

— Лучше я займусь дополнительной защитой, Кристоф! А ты побереги магические силы! Мало ли что может случиться...

— Тем более что мы с Миликой не лишены некоторых, скажем так, знаний и сможем выручить в случае необходимости! — произнес приятный баритон, и вся компания узрела наконец жениха принцессы Радой, появившегося в замке Марлоу аккурат к началу церемонии.

Избранник Милики меня не впечатлил. В нем не было того лоска и породы, что чувствовались в Данглоке, и той уверенности, что ощущалась в каждом жесте и движении Киммера. Простой мужчина для семейной жизни, только и всего, как сказала бы про него Снедька, которую я не видела с того момента, как Марлоу дал мне задание украсть Киммера. Вместе с ней я потеряла и Малика, о чем бесспорно жалела.

Как вы там, друзья? Я скучаю... И надеюсь, что у вас все хорошо!

— Не пойму, что в нем не так... — Виария разглядывала жениха принцессы Радой и так и эдак и не могла понять, что именно в нем ее смущает. — Какой-то он... ненастоящий, что ли.

— И как дядя смог допустить брак нашей Милики с ним? — поддержала я королеву Сарии, с трудом удерживаясь, чтобы сейчас же не пойти варить зелье правды. — У него нет ни титулов, ни званий, ни красоты... Надо проверить Милику на привороты! И если найду их следы, то убью гада! Слово даю!

— Довольно, Кайла! — грозно шикнул на меня супруг, и я невольно сжалась под его гневным взглядом. — Что на тебя нашло? Пирожки оказались с дурманом? Граф чист, и Милика тоже — Бирх проверил их обоих. Так что получайте удовольствие от церемонии, милые дамы, и не лезьте в любовные дела принцессы Радой. Она сделала свой выбор, и не вам его обсуждать или винить в чем-то девушку. Порадовались бы лучше за нее, а вы...

— Мы радуемся, — поспешно заявила я, беря Виарию под локоток. — Очень! Но пойми, Киммер, мы переживаем за нашу девочку и хотим ей только счастья. А графа я вижу впервые и ничего о нем не знаю. К чему такая скрытность, а?

— Да я и сам о нем многого не знаю, — пошел на попятную супруг, отстраненно рассматривая избранника Милики, стоящего в компании Кристофа и Аронгака. — Он из древнего радойского рода. Учился вместе с Миликой в академии, на последнем курсе сделал ей предложение. Больше мне дядя малышки ничего не говорил.

— Раз дядя Милики за него поручился, то я спокойна! — сказала я, с тоской разглядывая столы, заставленные едой. — Он бы точно не допустил, чтобы рядом с его племянницей оказался проходимец! А сейчас извини, Киммер, но нам с Виарей нужно посетить уборную. Слишком много было жирной пищи, слишком!

Королева Сарии упиралась, но кто меня остановит, если я решила идти до конца? Вот и Виария не смогла противиться моей натуре и все же вышла со мной в темный коридор башни, где и выразила свое недовольство:

— Ты что творишь?!

— Спасая Милику! Ты же видишь, что избранник ее — ненастоящий! Не может дядя малышки всегда быть прав во всем, не может!

— И что ты предлагаешь? Допросить жениха Милики с пристрастием?!

— Зачем? Я сварю зелье истины, — сказала я, быстро взбираясь по лестнице, — а ты мне в этом поможешь.

— Как? — обреченно спросила Виария, плетясь за мной.

— Проследишь, чтобы нам никто не мешал! — проговорила я, толкая знакомую мне с детства дверь.

Как и ожидалось, иверийцы ничего не выбросили из моей комнатухи, но нанесли туда много лишнего, что явно мешало им в других помещениях. Надо отдать им должное: племя Аронгака захлामीло мое жилище не абы как, а оставив подобия тропинок, по которым мы с королевой Сарии и пробирались.

Хорошенько подышав пылью и вдоволь начихавшись, я нашла старый добрый котел и принялась расчищать место для проведения сеанса зельеварения.

— И как ты будешь разводить огонь? — спросила Виария, недоверчиво наблюдая за моими действиями и прикидывая, когда же я угомонюсь.

— С твоей помощью! Давай, твое величество, вызывай призрачный! Да поживее, у нас мало времени!

Вот за что я уважаю королеву Сарии, так это за умение быстро принимать решения. Без лишних препирательств Виария выставила ладонь вперед, зажмурилась, и на ее пальцах заплескало зеленоватое пламя с серыми всполохами, от которого тянуло холодом и едва заметной обреченностью.

— Какое оно... завораживающее...

— Мертвое и бездушное, — сухо сказала супруга барона Данглока, сбрасывая неприятные ей огоньки под котел. — Есть чем вытереть руки?

Я молча протянула найденную во время поисков котла тряпку, и королева Сарии старательно

вытерла ладонь. Вскоре от тряпки не осталось ничего, кроме осевших на пол клочков ткани и ниток.

— А где ингредиенты для зелья? — ехидно спросила Виария. — Из воздуха возьмешь?

— У меня все с собой, — сказала я, достав из-под объемной юбки увесистый мешочек с полезными для ведьмы вещами. — А теперь не мешай мне, я колдовать буду!

Королева Сарии страдальчески закатила глаза к потолку, а я шустро отыскала в мешочке необходимые мне ингредиенты, вспоминая рецепт зелья истины, который я когда-то заучила наизусть, как еще десяток других не менее важных рецептов.

Ведьма может создавать эликсиры и без книг. Она не маг, чтобы следовать каждой букве истлевшего пергамента и бояться, что ошибка в дозировке и элементе приведет к необратимым последствиям. Достаточно войти в транс, слиться с матушкой-природой в единое целое и воплотить все, что душа пожелает.

Эта процедура имеет лишь один недостаток: никогда не знаешь, сколько времени тебе понадобится для того, чтобы наладить связь с высшими силами. Мгновение, минута, несколько лет... Природа коварна, транс непостоянен, и песчинки в часах не на моей стороне. А значит, придется творить по рецепту, ожидая вдохновения. По-другому никак!

За основу я взяла драконьи слезы, но не свои, а племянников Дориуса, которые еще чисты и невинны, в отличие от своего распутного дядюшки. Добавила парочку перьев пушистика, высушенный глаз василиска и щепотку волос из бороды ворчливого гнома-садовника, от которого даже Бирх не мог никак избавиться.

И воспоминание. Сегодняшнее. Счастливое. Связанное с Фрогдом.

Его первое обращение. Его первая влюбленность, способная стать крепкой любовью.

Все первое, как и зелье истины, которое обязательно у меня получится.

Или... нет?!

Из котла повалил розовый дым с искрящимися золотистыми всполохами и едким запахом, отдаленно напоминающим смесь лаванды, кориандра и «эльфийских галстуков», пролежавших целый день на солнце, но так и не потерявших своего неповторимого цвета и свежести.

Словно злой дух, выбравшийся на свободу из заточения, зелье истины с шипением разлезлось в разные стороны, пытаясь дотянуться до чего только возможно.

Не сговариваясь, мы с Виарией бросились наутек, лихо петляя между кучами хлама, однако сбежать с «места преступления» нам не удалось.

Дым моей неудачи нашел среди вещей нечто такое, что ему не понравилось.

Очень не понравилось.

До глубины его несуществующей души.

До возмущения, что нельзя заглушить.

И дым взорвался!

Рванул так, что мы с Виарией не сумели остаться на ногах и полетели прямо на заботливо расставленные кучи имущества семейства Марлоу.

ГЛАВА 32

— Хорошо, что вы сами пришли, Кристоф! Сэкономили нам время!

В другой раз сарийский маг непременно обрадовался бы, услышав голос Ани Флэтчер, однако сейчас, с неполным резервом и в окружении бывших швей, у него не было никакого желания предаваться романтическому настроению.

Тут бы жизнь спасти, какая любовь!

— Отдайте нам этот сверток, — изящный пальчик указал на грудь Кристофа, а швеи придвинулись к сарийскому магу поближе, — и мы сохраним вам жизнь. Не люблю обыскивать мертвые тела, потом долго ванну нужно принимать!

— Вы тоже служите ему, Ани? Почему? — спросил Кристоф, обдумывая возможные ходы к отступлению. Увы, ничего путного ему в голову не приходило.

— Это работа, Кристоф, ничего более. Такая же, как ваша служба у Виарии, только вы находитесь в рамках послушания, а у меня их нет.

— Не бойтесь, что цена окажется неподъемной?

— Не переживайте за меня, Кристоф. Мне еще не скоро платить по счетам. А вот ваша очередь подошла, и хватит заговаривать мне зубы. Сверток! — требовательно сказала Ани, протягивая руку.

Одна из швей положила ладонь на плечо сарийского мага, и он почувствовал, как холод постепенно проникает в его тело.

Кристоф без лишних движений достал требуемую госпожой Флэтчер вещь и протянул ей, ожидая следующий шаг лжемодистки.

— Забери! — приказала Ани одной из своих помощниц, на секунду теряя сарийского мага из поля зрения.

Этой секунды ему хватило с лихвой.

Раздался треск, и из руки Кристофа ударила серебристая молния. Она не потухла, а растеклась по полу, словно вода далеко не безвредного свойства.

Несколько стоящих рядом с сарийским магом лжешвей упали и задержались. Остальные помощницы лжемодистки, как и сама Ани, оказались невосприимчивы к магии бывшего ученика Зарга.

— Давно хотела избавиться от старых моделей, спасибо, что сделали это за меня! А теперь покончим с шутками и поговорим серьезно. Девочки, вперед!

Хищными коршунами швеи бросились на Кристофа, и пущенный им красный шар не произвел на них никакого впечатления. Сарийский маг и глазом не успел моргнуть, как оказался лежащим лицом в пол, а сверток перекочевал прямым в руки довольной Ани, которая сразу переложила его в подходящий кожаный мешок.

— Всегда получается так, как я хочу, Кристоф, запомните это на будущее! — произнесла Флэтчер, кивком давая команду лжешвеям поставить сарийского мага на ноги. — Я надеюсь, что скоро мы с вами увидимся! Пора спать, мой милый!

— Вы куда-то торопитесь, госпожа Флэтчер? — сказал Бирх с площадки между первым и вторым этажом донжона. — А со мной попрощаться не хотите?

— Ваш резерв пуст, Бирх, и вы ничего мне сделать не можете, — ухмыльнулась Ани, закидывая мешок на плечо. — Так что не обижайтесь, но с вами я прощаться не буду! Некультурная я!

— Тогда не удивляйтесь, что я поступлю так же! — Элирийский волшебник взмахнул рукой, и мешок госпожи Флэтчер ощутимо трянуло, отчего сама лжемодистка не удержалась на ногах и растянулась на полу.

Ее помощницы бросились на Бирха быстро и слаженно, шустро взбегая по ступенькам лестницы. Элирийский маг даже не шелохнулся, ожидая, когда они окажутся на нужном ему

расстоянии.

Как только между Бирхом и лжешвеями осталось несколько ступенек, полог невидимости упал, и рядом с наставником Киммера оказались супруг Виарии и жених Милики.

Последний завел руки за спину и силой свел их вместе напротив груди, отчего звуковая волна, усиленная магией, отбросила лжешвей вниз.

— Прогресс в Содружестве далеко пошел. — Жених Милики склонился над одной из помощниц Ани Флэтчер, рассматривая пружинки и детальки, без которых лжешвея не могла дальше выполнять поручения своей госпожи. — Научились делать механизмы, практически не отличимые от людей. Вы не против, Бирх, если я заберу этих ботов к себе в академию?

— Никак нет, магистр! Спасибо за помощь! — Элирийский маг пожал руку колдуну и обратился к супругу королевы Сарии: — Барон, проведите Кайлу и Виарию. Все ли у них в порядке? Я сомневаюсь, что Кристоф просто так сюда пошел бы!

— Это хорошо, что ваш подопечный наткнулся на засаду и нам не пришлось искать лазутчиков по всему замку.

— Да, все сложилось лучше, чем я мог себе представить. — Бирх легонько похлопал Кристофа по щекам, убедился, что маг просто спит и его здоровью ничто не угрожает, и приготовился отвечать на неудобные вопросы Кайлы и Киммера.

В том, что они последуют, элирийский волшебник не сомневался. И очень боялся грядущего разговора, исход которого он предсказать не мог.

— И когда же вы хотели посвятить меня в свой план? Дайте угадаю! Никогда!

— Кайла, ты излишне драматизируешь. Да и в последнее время ты стала чересчур раздражительной и впечатлительной. Поэтому мы и не хотели тебе ничего говорить!

— Какая забота, Бирх, я сейчас расплачусь от умиления! — Я чувствовала, что еще немного и я сожгу всех, кто был в курсе замысла наставника моего супруга. — Кто еще проникся твоими речами и решил поучаствовать в гениальной затее? Признавайтесь!

Я могла и не спрашивать. Все было понятно и так.

То, что я сварила, не было каноническим зельем истины, но видеть сокрытое и распознавать чужие чувства оно мне позволяло в полной мере. Кроме Бирха о возможном нападении знали Виария, ее супруг и Милика. Остальных же решили в планы не посвящать.

Интересно почему?!

— Скажи мне, Бирх, оно того стоило? — Во рту горчило от слов, а к горлу подступала тошнота. Но закончить разговор надо, каким бы тяжелым он ни получился в итоге. — Прежнего доверия уже не будет, и я не уверена, что хочу с тобой в дальнейшем общаться. Ты поставил на карту жизнь моих детей, мою и Киммера ради... чего? Доказать, что у нас есть враг? Пленить пешку? Скажи мне, для чего ты разрушил то, что с таким трудом создавалось! Отвечай!

— Кайла, не надо, — попыталась защитить Бирха Милика, но, встретившись со мной взглядом, ступевалась и потупилась.

— Надо, милая, надо. Я так понимаю, никакого жениха у тебя нет? Кто этот человек, сыгравший его роль? Сокурсник по академии?

— Мой преподаватель по боевой подготовке, — призналась Милика, а мне захотелось хорошенько ее стукнуть за вранье и испорченное настроение. Всё гормоны, будь они неладны! — И жених у меня есть! Он...

— Находится сейчас в Радое, где и состоится настоящая свадьба! — перебила я Милику, раскручивая клубок заговора дальше. — Виария, а твой сынок тоже там? Или в Сарии отсиживается, пока его родители рискуют жизнью?!

— Не надо говорить со мной в таком тоне, Кайла! — вспыхнула королева Сарии. — Джан сейчас на практике, а брать его я не стала, потому что у нас и без него сил было

предостаточно!

— Сегодня вам повезло, только и всего. — Киммер смерил тяжелым взглядом Бирха и Виарию. — Вам повезло, что таинственный Д'хартэ не прислал сюда армию и более опытных магов, не вызвал катаклизмы в Ведьминой Чаше и не сровнял замок Марлоу с землей. Боги были на вашей стороне, с чем я вас всех от души поздравляю. Однако оставить безнаказанными ваши деяния я не могу. Отныне Элирия не имеет дипломатических отношений с Сарией и Радоей. Отныне любому существу из этих государств закрыт вход в мою страну, и нарушителей будут карать весьма жестко. И что касается тебя, Бирх, то даю тебе сутки, чтобы покинуть Элирию. Время пошло!

— Ты поступаешь опрометчиво, Киммер. Одумайся! Случившееся не повод поступать так, как хочешь ты! — Барон Данглок даже вскочил со своего места.

Я знаю характер своего супруга, Киммер не меняет принятых решений.

— Раз место мага у вас освободилось, то... возьмете меня к себе? — тихо спросил Кристоф, и Виария с ужасом уставилась на него, не веря услышанному. — Я достаточно жертвовал жизнью за правителей Сарии, теперь настала пора послужить Элирии. Клятву верности я не давал, так что не переживайте, я иду к вам без магического поводка на шее... — слабо улыбнулся маг Сарии, словно не замечая побледневшего лица своей королевы.

— Поздравляю, Кристоф, ты принят на должность главного мага Элирийского королевства! — сказала я.

— А теперь нам пора, дамы и господа. — Киммер помог мне встать. — Кристоф, сможешь открыть портал?

— Смогу, но примерно через час. Моего резерва хватит как раз на переход в одну сторону, — сказал новый элирийский маг, направляясь к выходу из библиотеки. У самой двери Кристоф обернулся к бывшему наставнику Киммера и спросил: — А что было в свертке, Бирх? Оглушающая бомба?

— Она самая, — устало сказал маг, потирая виски. — Небольшая по размеру и с маленьким зарядом, который активировала моя магия. Тебе ничто не угрожало, Кристоф! Я искал подтверждение своей теории и оказался прав. Д'хартэ есть!

— Только цена оказалась слишком высока... Когда я настрою портал, Кайла и Киммер, я дам вам знать! — произнес Кристоф и покинул библиотеку.

— Ну... спасибо за отличный вечер, друзья! Было интересно и познавательно. — Я вышла в коридор и, не оборачиваясь, побрела прочь.

Нужно придумать, как объяснить детям, что свадьбы не будет и нам пора возвращаться домой без Бирха.

И как объявить Киммеру, что он станет отцом в пятый раз!

На крыше башни господствовал ледяной ветер, но именно за его объятиями я и поднялась сюда. Захотелось вновь ощутить себя живой, вернуть эмоции и перестать думать о произошедшем. Однако ветер явно не справлялся с возложенной на него ответственной задачей и, кроме неприятных ощущений, ничего не приносил.

Обидно и досадно.

Жаль, что праздник закончился именно так.

— Я рада тебе, грифонище, — сказала я, почувствовав, как Актер уткнулся мне в ногу клювом. — Хорошо, что ты появился здесь!

Старый знакомый приветствовал меня курлыканьем и стоически перенес все мои почесывания и поглаживания.

— Вот ведь как бывает, Актер, — говорила я, заглядывая в его умные глаза. — Живешь себе и живешь, доверяешь близким, а потом тебя предают. И что делать дальше — загадка. Ты знаешь? Вот и я не знаю, как быть. Не знаю... Милика, не стой на холоде! Мы сейчас спустимся к тебе!

Принцесса Радой, решившая еще раз со мной поговорить, юркнула обратно в тепло, а я, поцеловав грифона в клюв, стала спускаться по лестнице.

Внизу я крепко обняла Милику, ощущая, как вздрагивает спина малышки, а по моему лицу текут ее слезы.

— Ну все, перестань! Прекращай водопад! — недовольно буркнула я, понимая, что принцесса Радой от этого вряд ли успокоится. — Ничего страшного не произошло, жизнь продолжается. Ты выйдешь замуж у себя на родине, будешь счастлива, а через семь месяцев получишь приглашение прибыть в Элирию на крестины в Храм всех богов. Будешь крестной!

Милика перестала заливать меня слезами, подняла заплаканное лицо и спросила:

— Не может быть... Кайла, ты беременна?

— Сама удивлена не меньше тебя, — сказала я и, дождавшись, когда радость принцессы Радой поутихнет, продолжила: — Только никому пока не говори, это наш с тобой маленький секрет!

— Не буду, честное слово. — Милика заговорщически поднесла палец к губам и, еще раз осмыслив услышанное, грустно сказала: — Кайла, может...

— Нет, малышка, не получится. — Мне хотелось поддаться на уговоры, но годы правления научили не менять озвученных решений. — Если меня не будет на твоей свадьбе, то хуже она не станет. Это твой праздник, и он не зависит от того, присутствую я на нем или нет. После пламенной речи Киммера мы с ним не можем просто взять и явиться на церемонию как ни в чем не бывало. Тогда с нами больше никто не будет считаться, а такое допускать никак нельзя, моя будущая королева Радой...

Милика обреченно кивнула, понуро опустив голову.

Я не выдержала и вновь ее обняла.

— Не переживай ты так, невеста! Лучше повеселись на свадьбе, и пусть весь мир завидует тому, какая вы с мужем красивая пара! Через семь месяцев я жду тебя в Элирии вместе с супругом и никаких отказов не принимаю. А пока ты побудешь в моем сердце, а я — в твоём. Все как и раньше...

ЭПИЛОГ

Во дворец мы с Киммером вернулись под утро. Быстро уложили детей, показали Кристофу комнату, где решили его поселить, и отправились полюбоваться рассветом над любимой Элирией.

Мы вышли в парк, наслаждаясь утренней прохладой и запахом распускающихся цветов.

— Как думаешь, Аронгак не обиделся за этот цирк со свадьбой? — спросила я мужа, выбирая наиболее удачный момент, чтобы поделиться с ним важной новостью.

— Не обиделся, — сказал Киммер, ведя меня по тропинкам дворцового парка. — Подозреваю, что он так и не понял, что свадьба не настоящая, а отпраздновали мы ее так, что у него не должно было возникнуть сомнений. Подумаешь, церемонию перенесли в другое государство. Зато застолье получилось какое! Закачаешься!

— Согласна, застолье полупилось что надо, — удовлетворенно произнесла я, поглаживая живот. — Жаль, что настроение немного подпортило то происшествие...

— Не думай больше об этом, Кайла. — Киммер остановился и обнял меня, применяя излюбленное средство для успокоения. — Закрывать глаза на то, что нас и наших детей использовали как приманку для доказательства теории Бирха, мы не могли и отреагировали так, как и должны были. Бирх понадеялся на удачу, и она ему улыбнулась. А если бы нет? Мне страшно даже представить, что могло бы случиться.

— Мне жаль Кристофа, с ним ужасно поступили. Использовали как приманку, играли с его чувствами. Ведь Виария знала обо всем и ничего ему не сказала, не предупредила... Бедный мальчик!

— Мы же с тобой так не поступим, не так ли? — Супруг шутливо щелкнул меня по носу, за что получил ощутимый тычок в бок.

— Не поступим, будь уверен! — сказала я, переводя наше общение в сторону магии. — Почему на Флэтчер и ее механизмы не действовала магия Кристофа? Содружество научилось ее блокировать?

— Д'хартэ научился, — произнес Киммер, на всякий случай поглядывая по сторонам в поиске всевидящих глаз и любопытных ушей. — Содруеству пока эта технология недоступна. У Флэтчер нашли прибор, который умеет улавливать магию, распознавать ее носителя и не давать применять ее против того, у кого этот прибор.

— Выходит, что волшебство Милики было бесполезно против Флэтчер?

— И против ее механизмов тоже. В куклах стояли приборы, на которые поступали данные с того, который был у Флэтчер. В двух из шести они отсутствовали.

— У меня получилось зелье истины, вернее, не совсем оно, но с очень похожими свойствами, — сказала я, останавливаясь и беря Киммера за руку. — А когда я очнулась после взрыва, то услышала биение еще одного сердца внутри себя и поняла, почему я так много ем и почему мое настроение так изменчиво. У нас будет ребенок, Киммер, ты рад?

Супруг вздохнул, обнял меня и поцеловал.

— Фрогд улетел познавать свою сущность, осталось выдать Валери замуж, и во дворце будут лишь маленькие дети да мы с тобой, степенные родители... Может, выдадим Валери замуж за Джана?

— Только через мой труп! — шутливо возмутилась я, понимая, что ничего подобного мой супруг никогда не допустит.